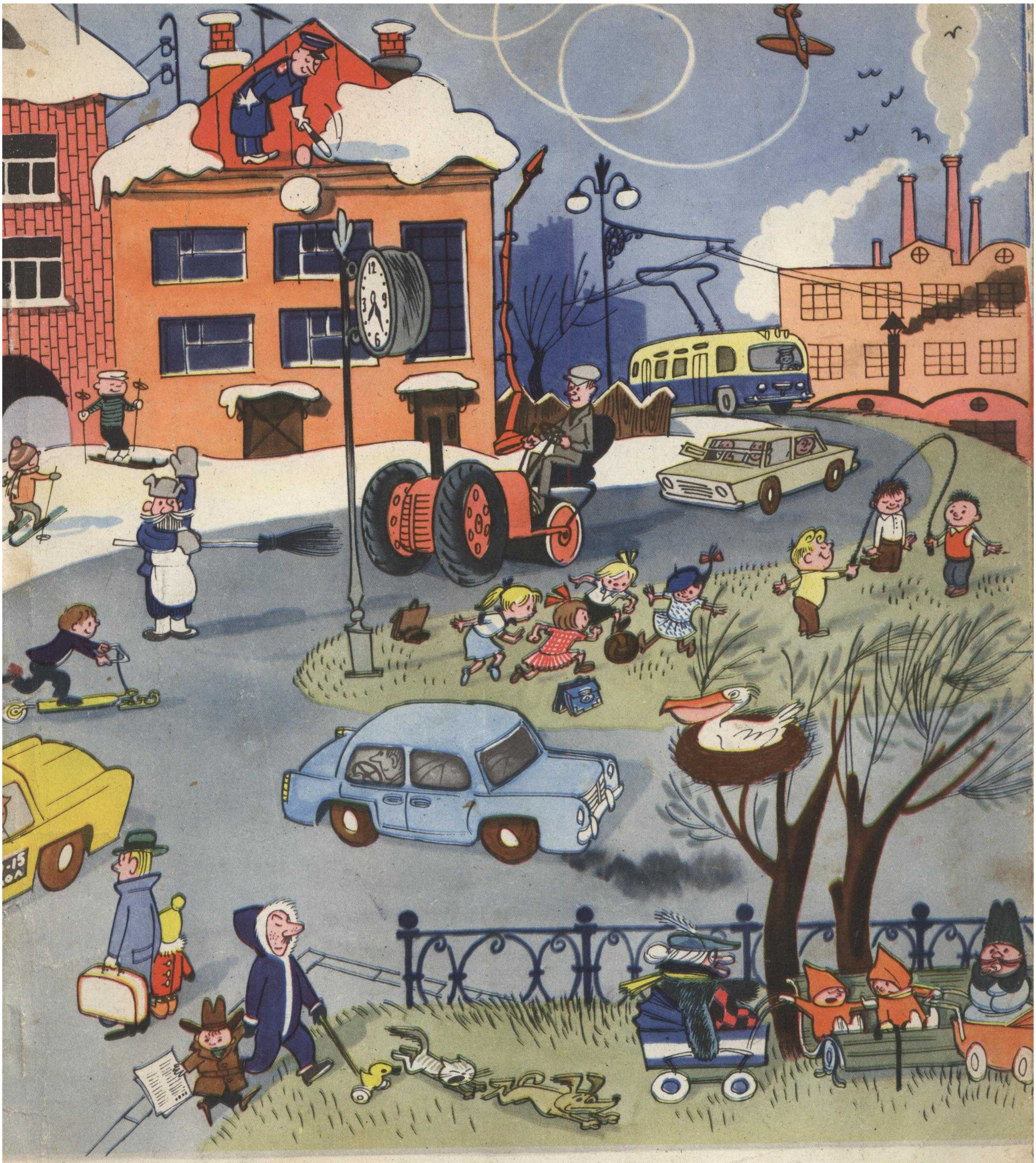
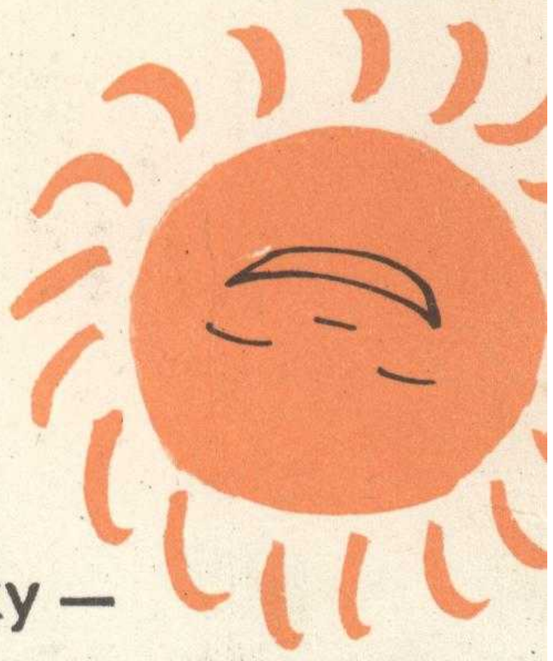

ПИОНЕР

АПРЕЛЬ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г.

Посмотрел я на обложку —
Там собаку ловит кошка...

С крыши милиционер
Снег жезлом сбивает...

Что за шутки, «Пионер»?
Разве так бывает?

Вот качают стариков
Малыши на сквере...

Что такое?
День таков —
ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ГОД ИЗДАНИЯ 43

АПРЕЛЬ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г.

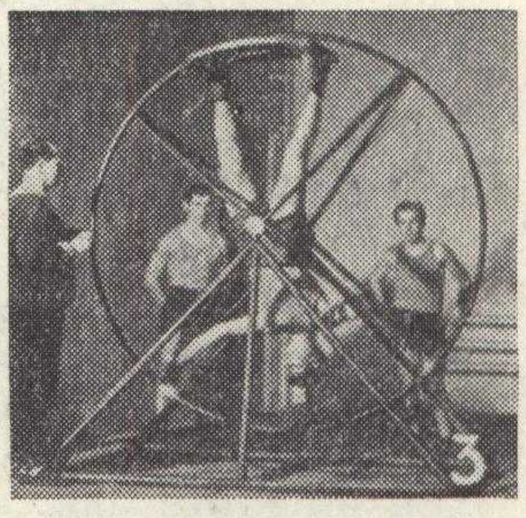
КЛЮЧ К НОМЕРУ

КЛЮЧ ПОДХОДИТ
К ЛЮБОЙ СТРАНИЦЕ,
ОТКРЫВАЙ И ЧИТАЙ.

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

● **Прочтите рассказ З. Воскресенской о семье Ульяновых и о тех правилах жизни, которые были приняты в ней. Прочтете и узнаете, как жил и рос Ленин, а потом вы, наверно, не сможете не задуматься над собственной своей жизнью.**

● Летчики-перехватчики! Дежурное звено истребителей поднимается по сигналу в небо. Читайте очерк писателя Маркуши «Цель вижу» и не забудьте рассмотреть повнимательнее картину о перехватчиках, ожидающих команды к взлету.

● **На гимнастическом колесе Саша Сасов, возможный космонавт №... Смотри в номере очерк о школе будущих космонавтов.**

А. МАРКУША

● Артур Кларк — американский ученый и писатель-фантаст. По одной из его многочисленных гипотез был построен знаменитый телестар — спутник связи. Здесь в номере мы печатаем рассказ Артура Кларка «На хвосте у кометы».

● **В этом номере продолжается повесть В. Железникова «Каждый мечтает о собаке». И всех вас, которые еще ничего не знают про историю с кладом, ожидает очень любопытная неожиданность... Но больше ни слова.**

И. НЕТТО

● А Смехотрон? Смехотрон, как всегда, работает и в этом номере, в чем легко убедиться: стоит лишь поискать и найти нужную страницу.

● **Эй, кто любит футбол! С вами хочет поговорить Игорь Нетто!**

● Удивительное собрание! На цветной вклейке вас ждет встреча с обезьянами—множество самых необычных физиономий... А на странице 74 — интересная статья о жизни обезьян.

● **Сказка о влюбленной Подводной лодке. Веселые стихи Рашида Рашидова. Ответ доктора физико-математических наук Е. И. Тамма Вите Колотову. Пионерский глобус. Агентство ННН. Что еще! А еще танцуем веселые танцы.**

ПИОНЕР
АПРЕЛЬ 1966 г.

Рисунки Н. ЖУКОВА.

Саша и Володя Ульяновы.

12 апреля исполняется сто лет со дня, когда родился Александр Ульянов. Владимир Ильич горячо любил своего старшего брата. Уже мальчиком Саша отличался твердым, самостоятельным характером. Какие зрелые мысли мы видим в его гимназическом сочинении! Какое высокое чувство долга! Служение на пользу людям — вот что наметил себе целью жизни Александр.

Он остался верен своей цели до конца. И рано погиб. Царское правительство казнило его за участие в покушении на царя.

«Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь».

Таким был Александр Ильич Ульянов. Слова, которые вы прочитали, были его последними словами на суде перед казнью.

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

«Для борьбы и для труда...»

О МОРАЛЬНОМ КОДЕКСЕ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ

Моральный кодекс семьи Ульяновых.

А был ли такой? Кто его придумал? Где он напечатан? — спросят меня мои юные читатели.

Спешу предупредить — никакого записанного кодекса не было. Но когда читаешь письма детей Ульяновых, их гимназические сочинения, переписку уже взрослых детей с матерью Марией Александровной, их воспоминания о детских годах — ясно видишь, что в этой семье были твердые моральные правила, свои понятия о чести, служении народу, дружбе.

Весь уклад жизни семьи Ульяновых воспитывал замечательные черты характера.

Все шестеро детей с колыбели слушали мамину песню. Много было тогда колыбельных песен, но Мария Александровна выбрала именно эту, а не другую. По вечерам, когда дети уходили спать на антресоли, Мария Александровна, аккомпанируя себе на рояле, пела:

Будешь жить ты в скромной доле,
Жизнью тихой, трудовой,
Жизнью тихой, неизвестной
Проживешь до смерти ты,
Только будь работник честный
И беги неправоты...
Иль, быть может, на природу
Прозорливый кинешь взор,

Человеческому роду
Разодвинешь кругозор.
Неизвестную от века
Тайну мира подглядишь,
Новой силой человека
Для боренья одаришь.
Может быть, тебя, мой милый,
Ждут печали и нужда,
Спи, дитя, сбирайся с силой
Для борьбы и для труда...

Под эту песню засыпали малыши, а старшие уже задумывались над тем, как раздвинуть кругозор человека, как подарить ему новую силу для борьбы со злом, как подготовить себя для борьбы и для труда.

Труд в семье с малых лет становился потребностью, труд по силам, свободный, радостный, творческий. Накануне рождества столовая по вечерам превращалась в мастерскую елочных игрушек, маскарадных костюмов. К 6 марта — дню рождения мамы — дети готовили подарки-самоделки, так восхищавшие Марию Александровну. Зимой все вместе сооружали во дворе ледяную горку, сами делали санки, превращали старые решета в звонкие и верткие ледянки. Весной и летом дружно работали в саду. И девочки и мальчики умели штопать, приладить заплату, пришить пуговицу. «Человек должен уметь обслуживать себя, не прибегая к помощи других», — внушала детям Мария Александровна.

Но все эти домашние трудовые навыки были только первой ступенькой в большую трудовую жизнь, а к ней все дети Ульяновы были подготовлены на редкость рано.

Пятнадцатилетний гимназист Саша Ульянов в сочинении на тему «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству» писал:

«Для полезной деятельности человеку нужны: 1) честность, 2) любовь к труду, 3) твердость характера, 4) ум, 5) знание».

И дальше Саша развивал свои мысли так:

«Чтобы быть полезным обществу, человек должен быть честен и приучен к настойчивому труду, а чтобы труд его приносил сколь возможно большие результаты, для этого человеку нужны ум и знание своего дела. Честность есть необходимое качество человека, какого рода деятельности он ни предался бы; без нее труд даже умного и трудолюбивого человека не только не будет приносить пользу обществу, но даже может вредить ему. Честность и правильный взгляд на свои обязанности по отношению к окружающим людям должны быть воспитаны в человеке с ранней молодости, так как от этих убеждений зависит и то, какую отрасль труда он выберет для себя и будет ли он руководствоваться при этом выборе общественной пользой или эгоистическим чувством собственной выгоды.

Но честности и желания принести пользу обществу недостаточно человеку для полезной деятельности; для этого он должен еще уметь трудиться, то есть ему нужны любовь к труду и твердый, настойчивый характер.

Дом в Куйбышеве, где жила семья Ульяновых.

Трудолюбие необходимо каждому трудящемуся человеку; труд по какому-либо внешнему побуждению не принесет и половины той пользы, которую принес бы свободный и независимый труд. Но для

непривычного человека труд всегда кажется чем-то тяжелым и требует внешнего побуждения; поэтому человек должен приучить себя к труду, полюбить его, и труд должен сделаться в его глазах необходимой потребностью его жизни».

За это сочинение Саша получил «4». Очевидно, необычное содержание сочинения, отсутствие в нем верноподданнических рассуждений о том, как «верой и правдой служить царю», повлияли на снижение оценки.

Но вчитайтесь в это сочинение. Какое богатство мыслей заложено в нем! Восемьдесят пять лет назад написано оно, но и сегодня может быть основой морального кодекса каждого пионера, каждого комсомольца.

Такие взгляды на жизнь были и у других членов семьи Ульяновых. Пятнадцатилетняя Оля писала подруге:

«Дорогая Саша! Поздравляю с Новым годом! Я, собственно, не признаю праздника Нового года, он никому ничего не дает... Вот если бы с него можно было начать новую жизнь, бросить все старое, бесполезное, дурное, тогда бы это был праздник, а то знаешь, что впереди ждет тебя все то же, такая же скучная и бесполезная жизнь, так чему же радоваться?..»

Оля не могла упрекнуть себя в лености, в праздности. «Наша Оля ничего не делает только тогда, когда спит»,— говорили о ней в семье. «Вот чьему трудолюбию я завидую»,— заметил двенадцатилетний Володя, наблюдая, как Оля несколько часов подряд разучивала музыкальную пьесу. Но Оля писала подружке письмо в тот год, когда в России были закрыты все женские высшие учебные заведения и девушка, блестяще закончив гимназию, лишена была возможности продолжать образование.

Все дети Ульяновы стремились как можно раньше встать на собственные ноги, не «висеть на шее» у родителей. Аня в семнадцать лет начала работать помощницей учительницы и уже не позволяла матери покупать ей что-либо из одежды. Саша рано увлекся химией. Ему нужны были приборы, колбы, пробирки, книги. Он стал давать уроки, чтобы иметь возможность выписывать из Петербурга на собственные деньги необходимые ему пособия. Даже когда Илья Николаевич решил повезти Аню и Сашу в Москву на Всероссийскую выставку, оба они, никогда не бывавшие в Москве, не ездившие по железной дороге, отказались от этого путешествия, понимая, что отцу оно будет стоить больших денег.

Володя Ульянов — гимназист.

Уметь трудиться, чтобы приносить пользу людям, и для этого много знать — было неписаным законом семьи Ульяновых. Илья Николаевич служил тому примером. Он и в осеннюю распутицу и в зимнюю стужу разъезжал по губернии, организуя школы, воспитывал передовых педагогов и сам был талантливым педагогом, преподавал физику, математику, занимал-

ся научной работой в области метеорологии.

В доме Ульяновых была только самая необходимая скромная мебель. Стены комнат не были украшены обычными дешевыми картинами или фотографиями. Вместо них висели географические карты, гербарии, коллекции бабочек, жуков, минералов. В гостиной — рояль. В кабинете отца астрономический прибор — теллурий.

В каждой комнате — книги. Томики Пушкина и Менделеева, Гейне и Брема, Тургенева и Линнея, «Зоологический атлас» и нотные папки с произведениями Чайковского, Бетховена, Верди... И, конечно, Некрасов, Писарев, Добролюбов, Ушинский...

Четырнадцатилетнему Володе Ульянову было мало тех книг, которыми располагала симбирская библиотека. Он просил Сашу выслать ему из Петербурга большую четырехтомную «Новейшую и пространнейшую всеобщую географию» Меморского. Саша исполнил просьбу и, кроме того, послал для отца брошюру «Математические софизмы», сделав приписку: «Володе, я думаю, она может быть очень полезна, если он станет самостоятельно разбирать эти софизмы».

За книгой.

Дети с интересом читали исторические книги, изучали войну Севера и Юга в Америке, Отечественную войну 1812 года и в своих играх воспроизводили исторические битвы. Анна Ильинична вспоминает, как увлеченно рассказывал ей Саша содержание одной книги о таможенной политике и покровительственных пошлинах.

Все Ульяновы с детства владели немецким и французским языками, которым их обучала главным образом мать. Аня, кроме того, изучила английский и итальянский, переводила с болгарского. Оля овладела английским и, чтобы иметь возможность слушать лекции в Гельсингфорсском университете, куда она собиралась поступать, изучила шведский. Владимир Ильич знал греческий, латынь, немецкий, французский, английский, читал на польском, шведском и итальянском языках.

Ульяновым чуждо было распространенное тогда чувство национальной неприязни. Они много читали о жизни индейцев и японцев, итальянцев и китайцев. Среди друзей по играм были и татары, и чуваши, и мордвины. Илья Николаевич много энергии уделял просвещению этих народностей.

Володя с негодованием отмечал отношение симбирской интеллигенции к «инородцам». «Говорят об еврее, непременно скажут «жид», говорят о поляке — скажут «полячишка», об украинце — «хохол», о татарине — «князь», — рассказывал Владимир Ильич Надежде Константиновне.

Пятерки у мальчиков и двенадцать у девочек были обычными отметками Ульяновых. Но лучшей почиталась хорошая отметка товарища. Анна Ильинична в своих воспоминаниях писала: «Володю интересовало помочь товарищу так, чтобы товарищ и отметку получил хорошую и чтобы не похоже было на то, что ему кто-нибудь помогал писать, особенно, чтобы не было похоже, что помогал он, Володя».

Стремление подготовить себя к полезной трудовой жизни порождало большую взыскательность к себе, умение преодолевать недостатки, неровности характера. «Какие

Спасибо матросам.

пороки самые худшие?»— обсуждали както раз дети. «Ложь и трусость—самые худшие пороки»,— определил Саша. И с ним все согласились. Ложь и трусость до конца дней были чужды всем Ульяновым.

Часто по вечерам Илья Николаевич, вернувшись из поездки по губернии, собирал у себя в кабинете детей и, достав из письменного стола заветную тетрадь, в которую он записывал любимые, в большинстве запрещенные царской цензурой стихотворения, читал их вслух. Больше всего в семье любили Некрасова. «Я воспитан на Некрасове»,— говорил позже Владимир Ильич.

Мария Ильинична вспоминала, что «вечно занятый, горя на работе на благо своему любимому делу, отец и детям старался привить то сознание долга, которое было так сильно развито у него, выработать у них характер, волю, трудоспособность, развить

Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду».

Зимним вечером возле пылающей печки, летним ясным днем на прогулке в лесу Илья Николаевич любил напевать стихи Плещеева, и дети вторили ему:

По духу братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.
...Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется
И, верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой.

На всю жизнь сохранилась в семье традиция взаимного уважения, любви и дружбы. Семья несла тяжелые потери: внезапная кончина Ильи Николаевича, казнь старшего брата Александра, безвременная смерть талантливой и трудолюбивой Оли. Но шли годы, и семья пополнялась такими

прекрасными людьми, революционерами, как Надежда Константиновна Крупская, Марк Тимофеевич Елизаров.

После казни Александра царская охранка неусыпно наблюдала за Ульяновыми. Еще в 1899 году жандармы писали в донесении:

«Мария [Ильинична] Ульянова несомненно поддерживает революционные традиции своей семьи, все члены коей отличаются крайне вредным направлением. Так, брат ее, Александр, казнен в 1887 году за участие в террористическом заговоре. Владимир сослан в Сибирь за государственное преступление, и Дмитрий недавно подчинен гласному надзору полиции за пропаганду социал-демократических идей, а сестра Анна, состоящая, как и муж ее Марк Тимофеевич Елизаров, под гласным надзором полиции, ведет постоянные сношения с заграничными деятелями».

Да, все члены семьи пошли революционным путем, их путем на склоне лет пошла и мать, Мария Александровна.

Трудно, конечно, рассказать обо всем богатстве духовного облика Ульяновых. Но я надеюсь, вы, юные друзья, даже из немногих приведенных документов и воспоминаний уже можете представить себе моральный кодекс этой замечательной русской семьи, подарившей миру гения человечества — Ленина.

Твои главные правила жизни

Дорогой молодой друг!

Прочитав здесь, в «Пионере», рассказ З. Воскресенской о семье Ульяновых и о тех правилах жизни, которые были приняты в ней, ты, наверное, не можешь не задуматься над тем, как живешь ты сам. И я, видимо, не ошибусь, если скажу: ты хочешь быть храбрым, добрым, верным, принципиальным человеком, который никогда не отступит от своих убеждений, как никогда и нигде не поступались своими идеями все, кто вырос в этой прекрасной семье. Ты хочешь, конечно, чтобы жизнь твоя не прошла даром, а принесла бы побольше пользы твоей стране и твоему народу.

Но вот я вспоминаю об одном знакомом мальчишке, которому двенадцать лет. Он собирается быть учителем, много раз говорил мне об этом. И я всякий раз отвечаю ему:

— А сможешь ли ты быть справедливым и авторитетным учителем, если сейчас твои товарищи упрекают себя в малодушии? Ты не всегда говоришь так, как думаешь, и тебе уже привыкли не верить.

Есть и другие ребята, они тоже считают: придет время, и я стану мужественным и твердым,— но ничего пока для этого не делают.

Нет! Так не бывает. Мужественность и твердость, справедливость и убежденность сами по себе не пришли еще ни к кому.

Трус не вырастет в смелого, если с детства не научится преодолевать страх. Малодушный не станет правдивым и принципиальным, если позволяет себе соврать, скрыть свое мнение, просто промолчать в трудном случае. Ни один день жизни не проходит даром.

Ты узнал о неписаном моральном кодексе семьи Ульяновых. И ты, конечно, знаешь, каким потом был Ленин, борец и революционер, великий мыслитель и вождь. Многое из того, что воспитал он в себе в детстве, осталось у него на всю жизнь. Рядом с Лениным ты видишь его брата, казненного царскими палачами, Александра Ульянова, сестер Анну и Марию и младшего брата Дмитрия, вышедших из той же семьи настоящими, несгибаемыми борцами за народное дело.

Каким же хочешь быть ты, и что ты для этого делаешь?

Подумай глубоко об этом. Следуй примеру Ленина, его семьи, его соратников-революционеров. Ни каторга, ни ссылка, ни даже сама смерть не устрашили их. Они были смелыми, самоотверженными, идейными борцами за коммунизм. Будь и ты таким!

Ф. Н. ПЕТРОВ,
член КПСС с 1896 года, Герой Социалистического Труда, делегат XXIII съезда КПСС.

«МИГ-15» срывается в крутое пикирование. С огромной скоростью самолет мчится к земле. Радиовысотомер отсчитывает последние метры...

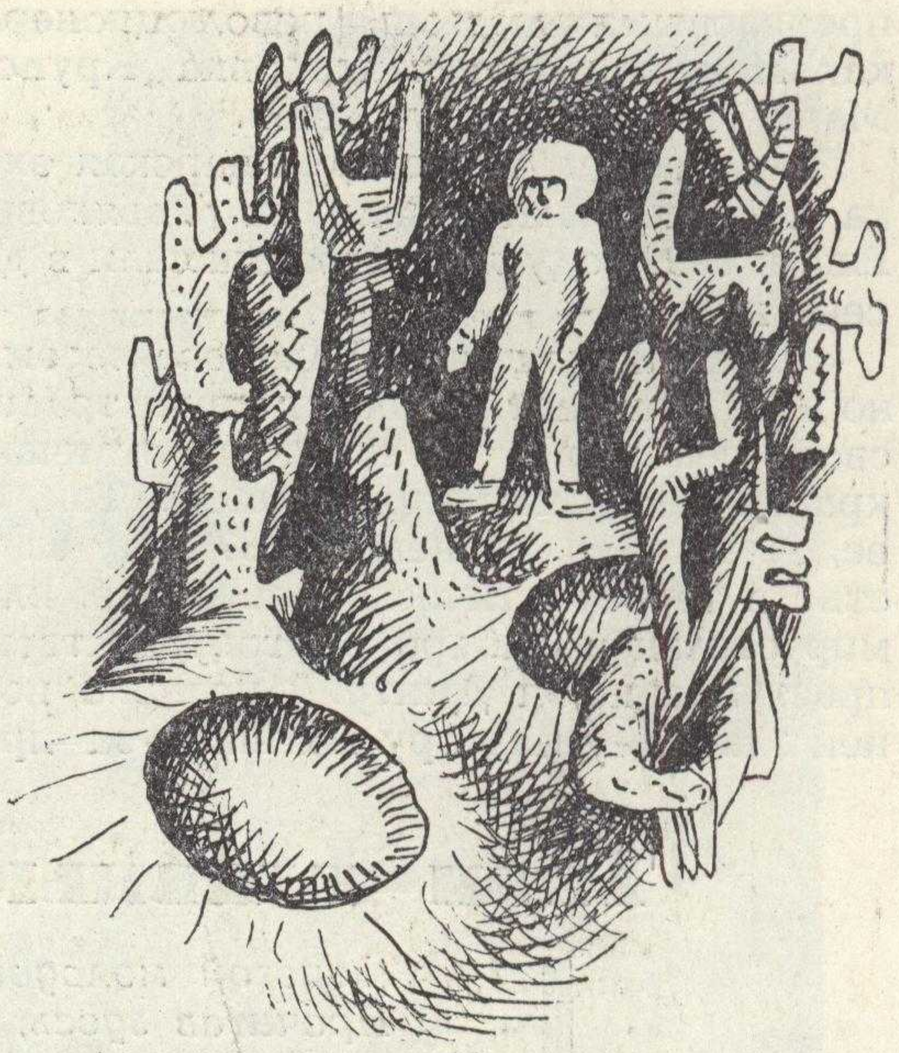
На щитке управления инструкторского пульта тревожно прыгают стрелки. В наушниках пилота раздался голос инструктора:

— Внимание, Фирскин! Выйдите на курс 210 градусов, наберите эшелон!

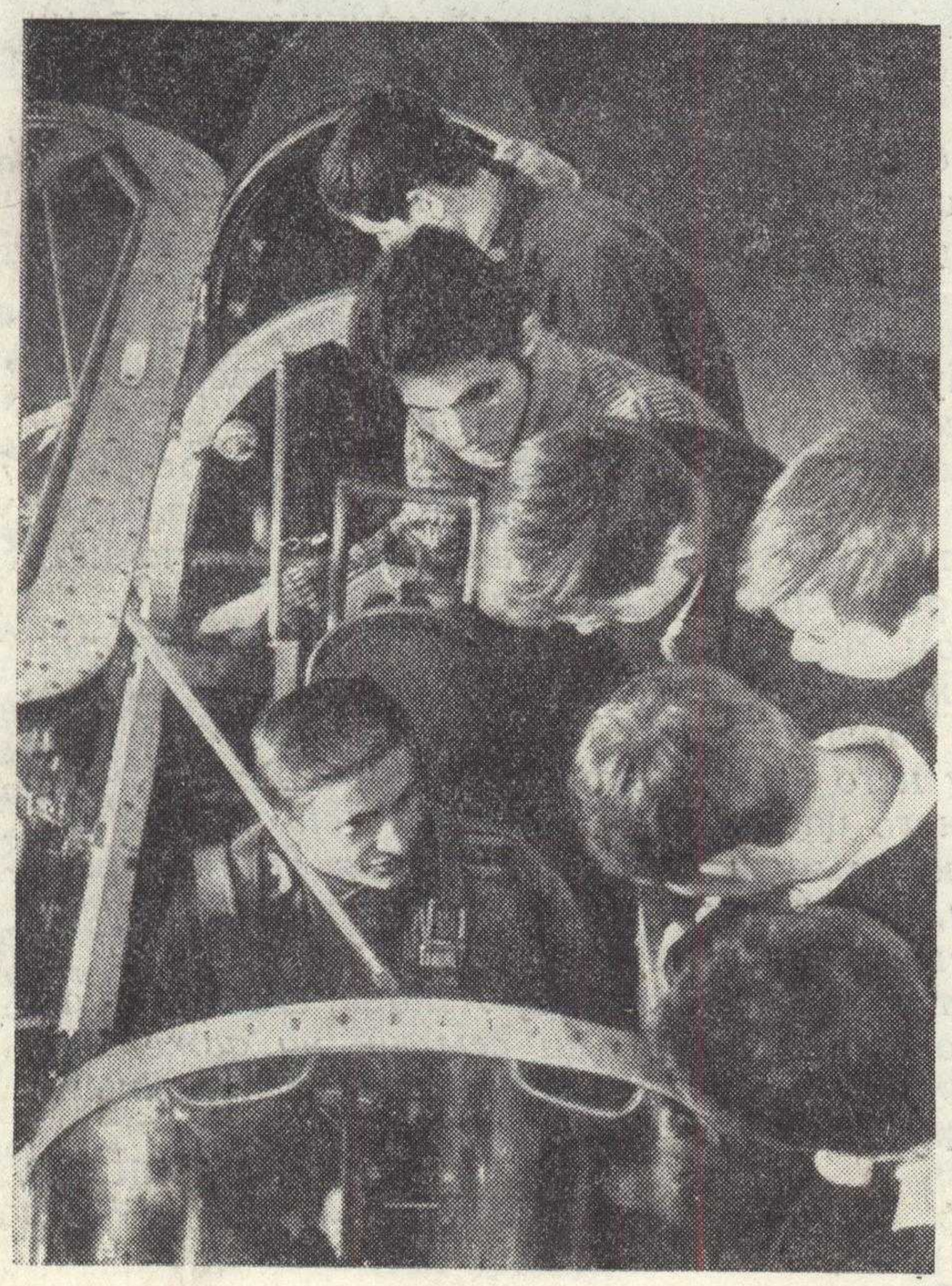
— Иду по курсу, набираю эшелон,— слышит в ответ инструктор.

Минута, другая, третья... Полет окончен. Пилот выбирается из кабины, инструктор делает замечания...

Теперь можно раскрыть секрет. Полет необычный. Пилот — мальчишка, Толя Фирскин, и инструктор — мальчишка, Саша Дубровин. Самолет не поднимался в

КОСМОНАВТ №...

воздух, это тренажер. И пилот и инструктор тренируются, готовятся к настоящим полетам. А происходит это в школе юных космонавтов. Такая школа открылась недавно при знаменитом Краснознаменном ордена Ленина Качинском авиационном училище имени А. Ф. Мясникова.

1. Самолеты идут в «слепом полете» по приборам. Инструктор Саша Дубровин следит за курсом.

2. «Тебе надо было кобрировать, а ты пошел в пике...» На тренажере — пилот Володя Сапсай.

3. На этом гимнастическом колесе занимался космонавт Валерий Быковский. А теперь тренируется Саша Сасов.

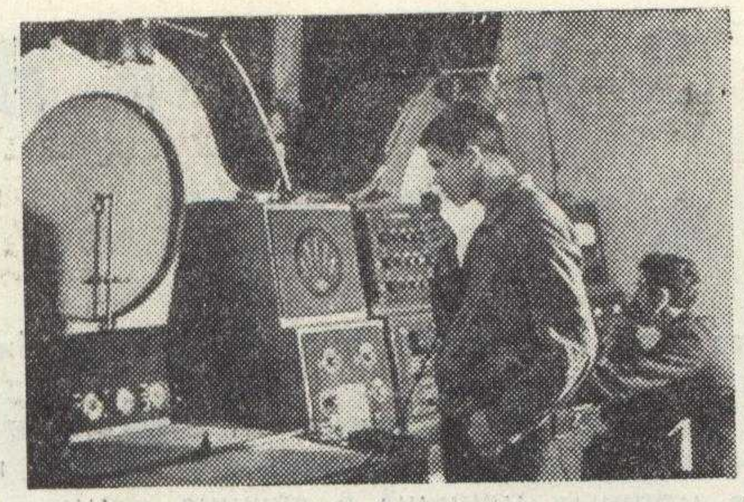
4. На лопинге, вращающихся качелях,— Виталий Федоров.

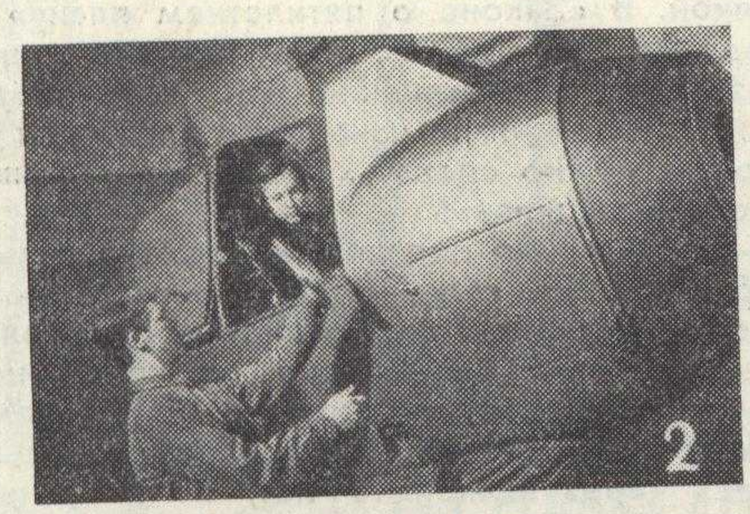
5. Космонавт должен отлично чувствовать себя в высотном компенсирующем костюме.

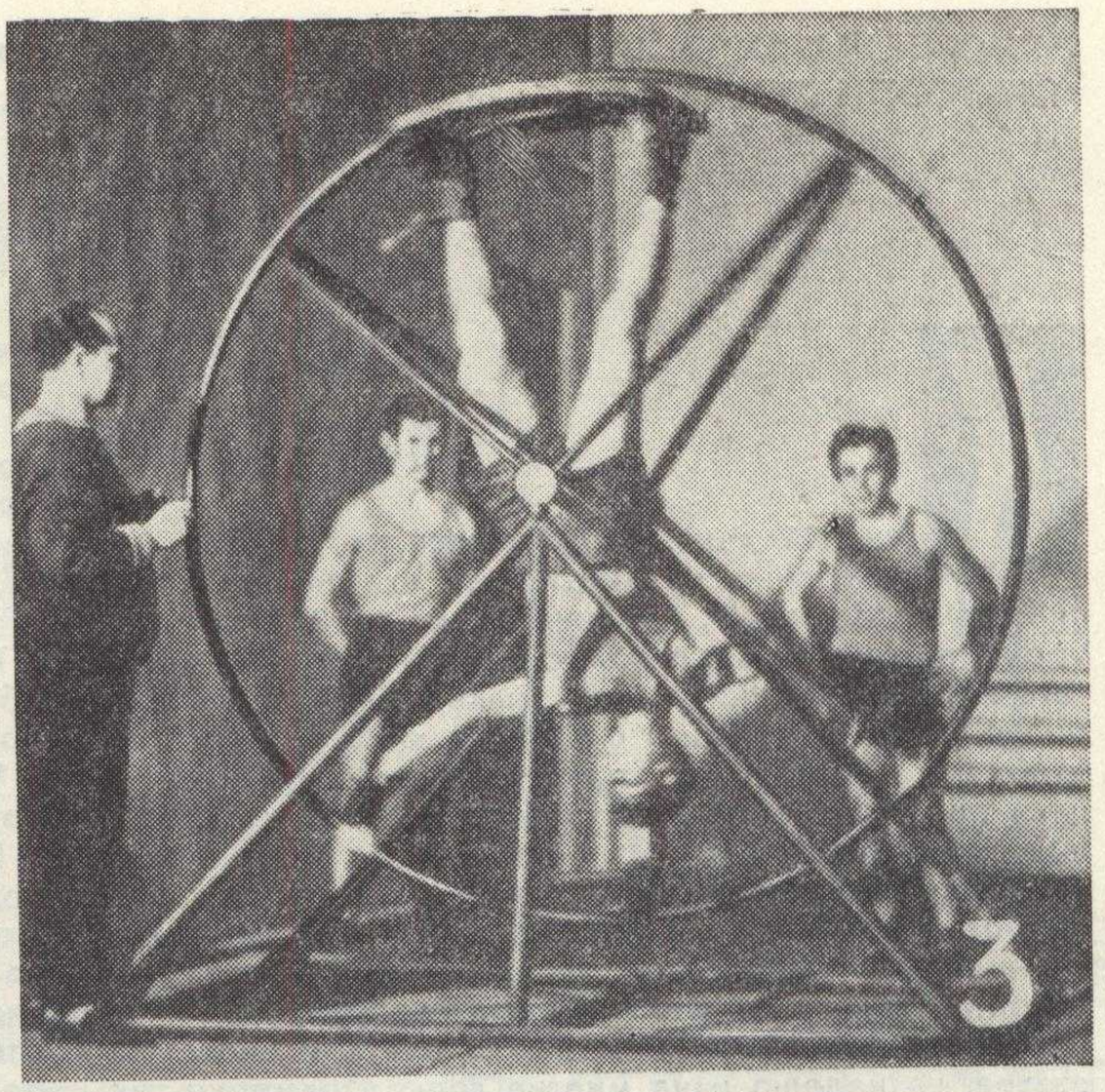
6. В классе аэродинамики Виктор Сальников и Сергей Самойлов знакомятся с работой и устройством аэродинамической трубы.

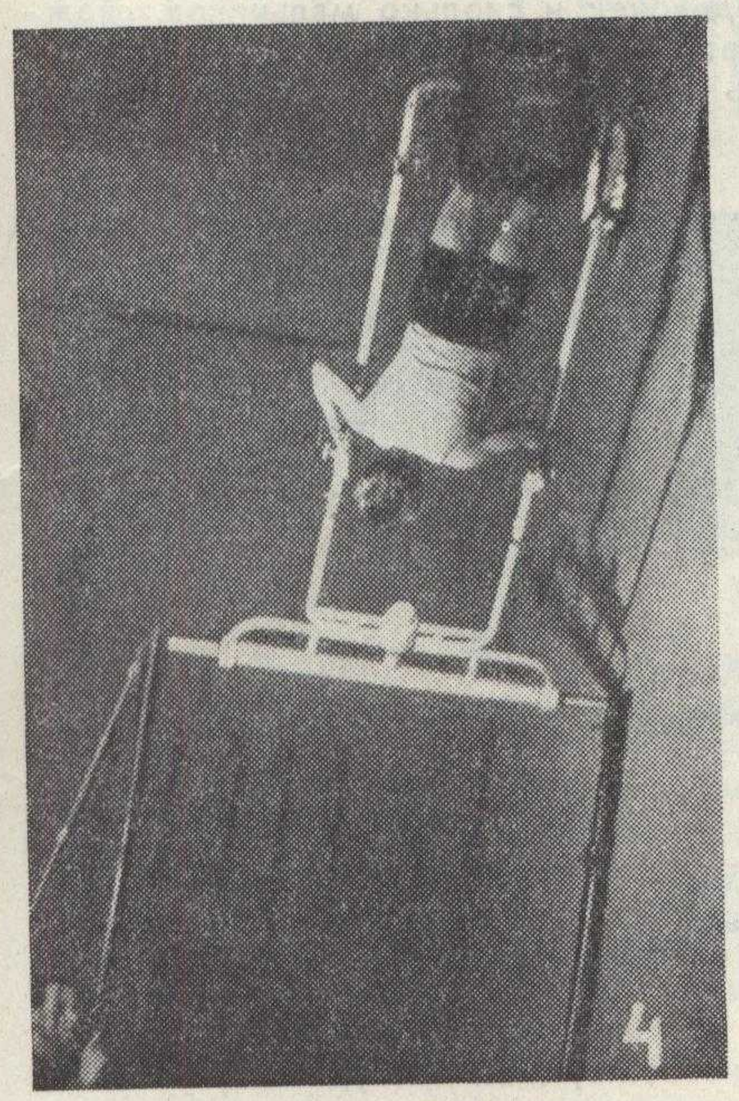
7. Класс самолетов ведет бывший военный летчик-ас Александр Васильевич Гриднев.

ШЮКК

1

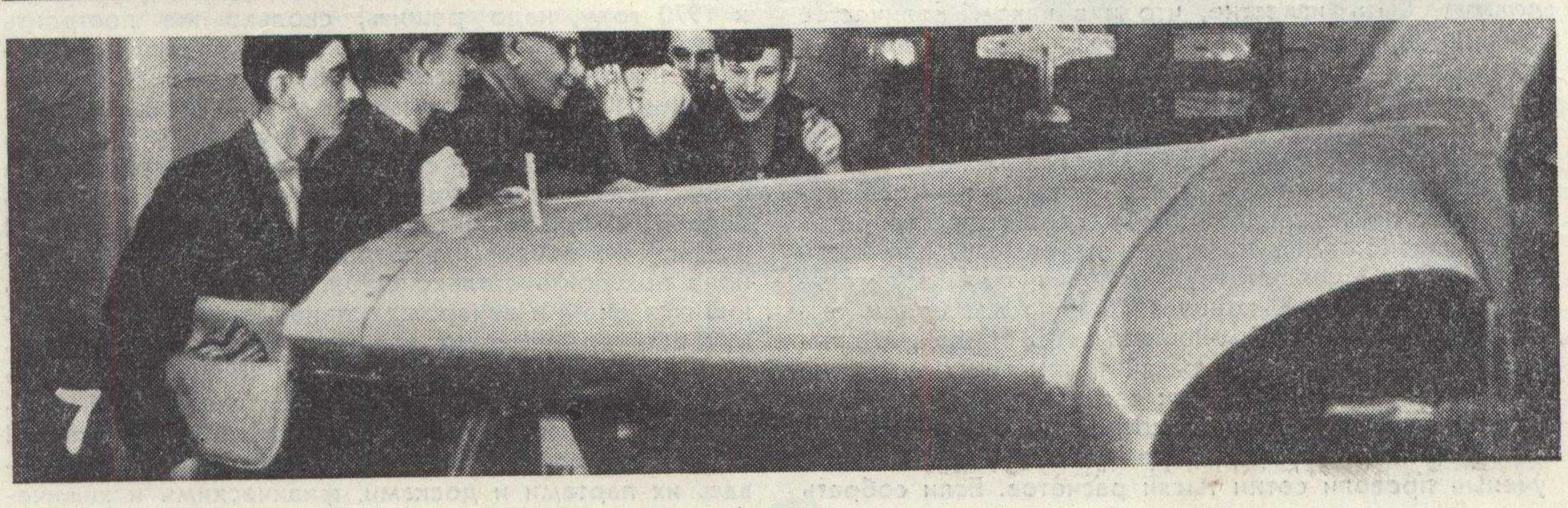

2

3

4

5

6

7

Фотоочерк
А. ЛЕХМУСА.

РАЗГОВОР ЧЕТВЕРТЫЙ

ХОЗЯЙСТВО

ПРО НАШУ ПЯТИЛЕТКУ

Каждый день, возвращаясь из школы, ты мысленно прикидываешь, что надо успеть сделать сегодня. Ну, конечно, сначала приготовить уроки, помочь маме, потом сходить на каток и дочитать интересную книгу. И ты, наверное, уже договорился с другом пойти в субботу в кино, а в воскресенье — на лыжах. Так ты составляешь примерный план на день, на два, на неделю, на все предстоящие каникулы...

А задумывался ли ты, кем стать в будущем? Наверное, да! Одни мечтают стать космонавтами, другие — врачами, третьи — агрономами, четвертые — строителями и т. д. Это твой план на будущее.

Оказывается, у тебя есть несколько планов: на завтра, на неделю и на многие годы. Примерно так же планируют свою учебу и отдых твои товарищи, свою работу — твои родители и, наконец, коллективы тех заводов и фабрик, на которых они трудятся. И все сложное хозяйство нашей страны не может существовать без планов. Обязательно заранее должно быть известно, что и в каком количестве должно производиться в стране в этом году и в ближайшие пять — семь лет.

На XXIII съезде Коммунистической партии был принят новый план развития народного хозяйства на ближайшие пять лет — 1966—1970 годы.

Главная задача новой нашей пятилетки — небывалый рост промышленности, быстрое развитие сельского хозяйства. Наука и техника помогут нам стать еще богаче, сделают труд рабочих производительнее, чем сейчас. К концу 1970 года мы будем выпускать ежегодно 1,5 миллиона автомобилей, 220 тысяч станков, более 600 тысяч тракторов...

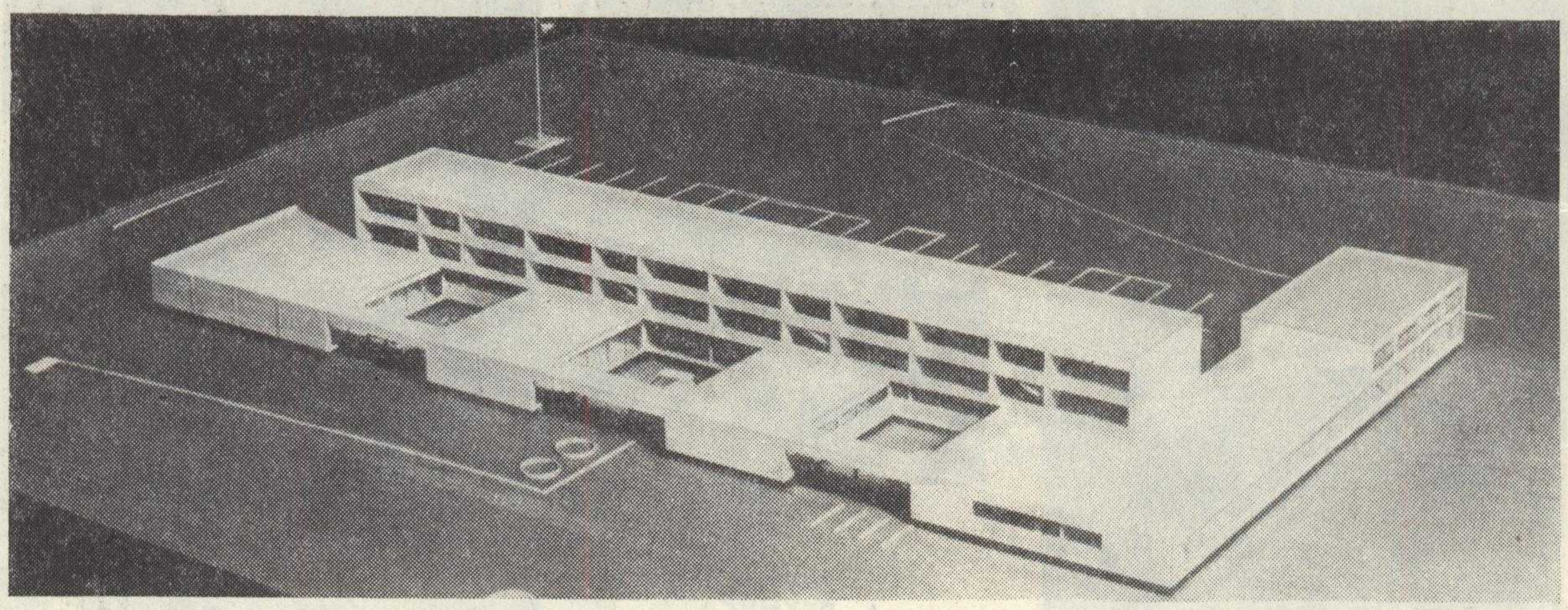
Ты, наверное, видел план в газетах — он занимает несколько страниц, в нем сотни цифр. Но прежде, чем родилась каждая цифра плана, экономисты и ученые провели сотни тысяч расчетов. Если собрать вместе все эти расчеты, получится целая библиотека толстых книжек.

За каждой цифрой плана, за каждой его строчкой — новые заводы и фабрики, стадионы и театры, новые мощные машины и лучшие в мире турбины, миллионы тонн нефти, угля, стали, хлеба...

Давай посмотрим, что скрывается за одной такой строчкой. В «Законе о пятилетнем плане» сказано: «Предусмотреть дальнейшее развитие народного образования, повышение общеобразовательного уровня населения и качества подготовки кадров».

Что же нужно сделать, чтобы эта строчка закона воплотилась в жизнь?

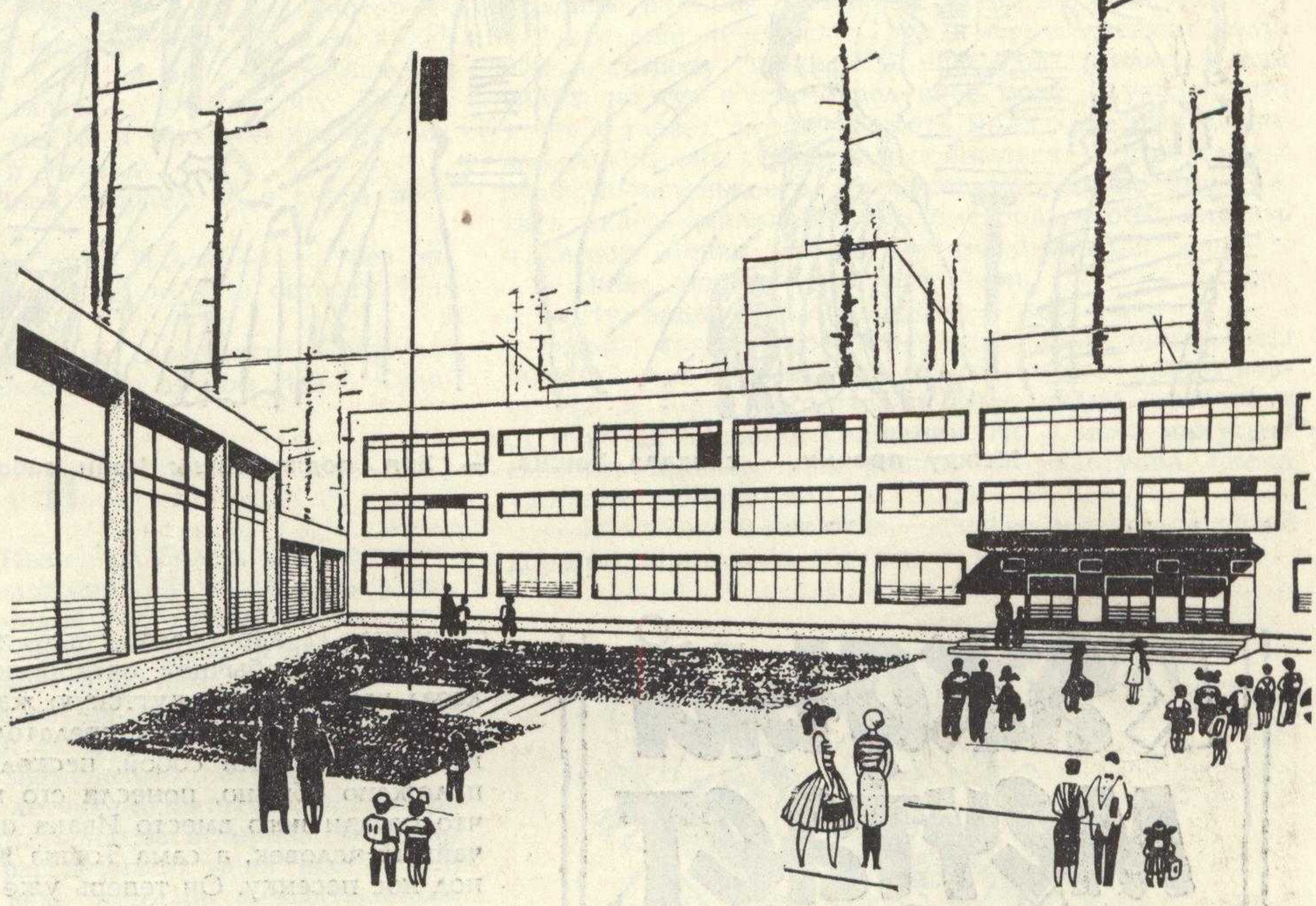
Во-первых, надо подсчитать, сколько новых учеников будет к 1970 году,—ведь нужно обеспечить всех местами в школах. Такой расчет могут сделать только специалисты, изучающие движение населения. Они называются демографами. Наука демография отвечает на удивительные вопросы: сколько детей родится через несколько лет, почти точно знает, сколько будет девочек и сколько мальчиков, сколько из них пойдет в школу и когда. Ученые могут даже предсказать среднюю продолжительность жизни людей!

Когда станет известно, сколько будет первоклашек к 1970 году, надо решить, сколько же построить школ. Обязательно надо учесть, что к этому времени и некоторые старые школы придется заменить новыми. Надо позаботиться и о том, чтобы меньше было в стране школ, где ребята учатся в две и три смены. Ты, наверно, сам знаешь, как плохо, когда в школе весь день уроки: негде собраться на пионерский сбор, нет места для занятий в кружках. И учиться по вечерам тяжелее, чем утром. Поэтому надо построить столько школ, чтобы ребят, занимающихся днем и вечером, осталось как можно меньше. Есть еще кое-где тесные и неудобные школьные здания — надо их заменить. Видишь, как много новых, светлых и удобных, со спортзалами и учебными кабинетами школ надо построить за пятилетку!

Но мало построить школы — надо еще оборудовать их партами и досками, физическими и химиче-

ТВОЕЙ СТРАНЫ

Легкая, светлая, как кораблик, с флажком на высокой мачте — такой будет новая школа в Ульяновске. Учиться здесь будет удобно и интересно: школу оборудуют телевизорами и магнитофонами, построят кинозал и радиоузел. Совсем не будет привычного нам коридора. На перемене приятно сбежать по лестнице прямо в зеленый дворик с плескательным бассейном (дворики видны на макете слева). А на нижнем рисунке — классы после уроков. Раздвигается стена — теперь всем хватит места для игр.

Рисунки автора проекта Е. Б. Дворкиной.

скими приборами, столиками для мастерских, спортивным инвентарем и т. д. Здесь хватит работы всем: лесорубам и химикам, машиностроителям и текстильщикам.

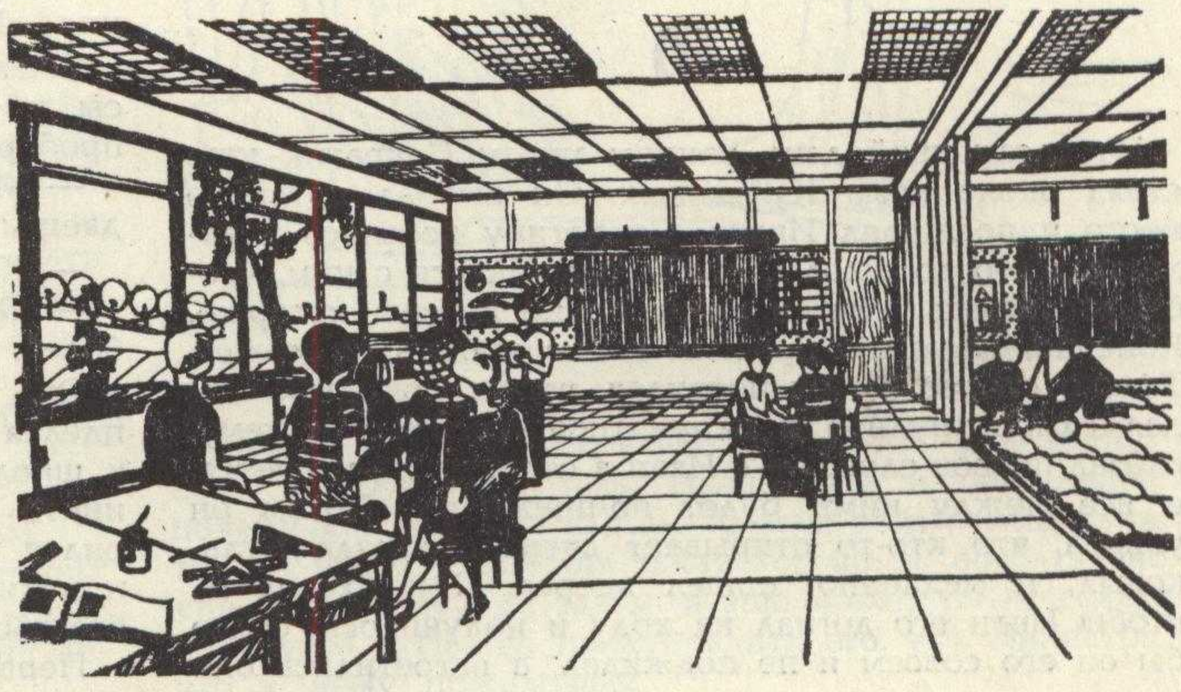
Тысячи книг и плакатов, диаграмм и картин отпечатают для школ полиграфисты; художники сделают наглядные пособия, модельеры и обувщики сошьют обувь и одежду...

Все отрасли нашего хозяйства будут помогать школам, ведь забота о детях — главная забота нашего государства и партии.

Ну, хорошо, построены и оборудованы школы, напечатаны книги и приготовлены тетради, можно начинать занятия? Нет, еще нельзя. Нужны учителя, которые научат ребят читать и писать, познакомят их с историей и географией нашей Родины, расскажут о покорении Вселенной и новых открытиях ученых. И государство думает о том, чтобы в новые школы пришли хорошие учителя. Уже в 1965 году в педагогические институты приняли студентов больше, чем раньше, чтобы к началу учебного года во всех новых школах учителя закончили институты.

А куда пойдут учиться те, кто закончит школу к 1970 году? Институты и техникумы, профессиональные и технические училища будут ждать их. В институты будет принято в 1970 году около 1 миллиона человек, в техникумы—1 миллион 600 тысяч человек, а в профтехшколы — 2 миллиона человек — в два раза больше, чем теперь. Сегодня ты учишься и работать начнешь тогда, когда наша страна уже закончит эту пятилетку,— твоя трудовая пятилетка еще впереди.

Будь готов вступить в свою пятилетку умным и умелым тружеником, справедливым и преданным Родине человеком.

— Между прочим,— сказала Тошка. — Зря поджидаешь: Иван заболел.

(Продолжение).

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ **Рисунки В. ПЕРЦОВА.**

10

На следующий день ранним утром Сократик уже стоял около дома Кулаковых. Он выбрал потайное место и поджидал Ивана. Сократику хотелось перехватить его до школы, чтобы помириться с ним, чтобы рассказать, как он великолепно выучил историю. Конечно, Иван его простит, иначе и быть не может. Только скорее бы он появился, чтобы Сократик сделал самое трудное и неприятное: подошел к нему, сказал первое слово, — а Иван в ответ ему улыбнется, и все между ними будет по-прежнему. Потом он увидел, что кто-то открывает дверь подъезда Кулаковых, и медленно пошел вперед. Ему хотелось, чтобы Иван его догнал на ходу и получилось, будто бы он его совсем и не поджидал, а встретились они случайно. И вдруг ему стало жарко, точно термометр вместо обычной октябрьской температуры показал какую-то калькуттскую жару. Он почувствовал, что щеки его запылали предательским ярким пламенем, а ноги сами собой, несколько ускореннее, чем положено обычно, понесли его вперед. Он услышал, что позади него вместо Ивана идет не какой-то случайный человек, а сама Тошка Кулакова и поет себе под нос песенку. Он теперь уже знал, что она всегда ходит с песенкой: что-то мурлычет себе под нос. А встречаться Сократику с Тошкой совсем не хотелось. Он остановился у первой газеты и стал внимательно ее читать, поджидая, когда же наконец Тошка пройдет мимо него.

— Что нового пишут в газете?— спросила Тошка. Она стояла позади него.

Сократик сделал шаг вперед, чтобы пробить лбом стену, другого выхода у него не было, и, не оглядываясь на коварную, ехидную Тошку, исчезнуть, но стену Сократику пробить не удалось, и он печально выдавил из себя:

— Интересное сообщение. Пишут, что установили телесвязь между Москвой и Парижем через спутник «Молния».

Тошка сегодня была совсем какая-то другая, волосы у нее были причесаны, как у мальчишек,— на пробор. И говорила она деланным, хриплым голосом.

— Между прочим,— сказала Тошка.— Зря поджидаешь: Иван заболел.

— Как заболел?— не понял Сократик.

— Очень просто. Ты его вчера расстроил, он и заболел.

Она повернулась и убежала. Сократик понуро поплелся следом. Но по мере того, как он приближался к школе, настроение у него улучшалось, потому что никто ведь не знал, кроме Тошки, что он не помирился с Иваном. И он вошел в класс, как всегда помахивая портфелем и стараясь изобразить полную беззаботность, направился к своему месту.

Первым на него налетел Маликов.

— А! — заорал он.— Пришел бывший друг Кулакова.

— Бывший верный Санчо Панса! — крикнул какой-то грамотей.

И все, кто был в классе, рассмеялись, потому что поняли, что Сократик после месячного величия, на которое его подняла дружба с Иваном Кулаковым, снова превратился в прежнего Сократика. И теперь над ним можно снова посмеяться, и можно его разыграть, и можно заставить подежурить подряд три или четыре раза. Так все подумали, и сам Сократик тоже так подумал, и ему нестерпимо стало жаль потерянного и даже захотелось повернуться и убежать куда-нибудь. Но в тот момент, когда он уже подошел к своей парте и поднял глаза, то увидел, что Тошки Кулаковой еще нет на месте, и тогда он повернулся в сторону Маликова и сказал:

— Между прочим, Иван заболел. И я вчера весь вечер у него просидел.

— Ах, какой верный Санчо Панса! — уже без энтузиазма повторил, как всегда, чужую остроту Маликов.

Но все было поставлено на свое место, Сократик снова для всех стал ближайшим другом Ивана Кулакова.

II

Уже целую неделю Иван был болен, и я по-прежнему был хозяином положения. Каждый день я выбирал момент, когда милой сестрички Ивана, этого многоликого Януса, не было в классе, и выкладывал очередную порцию новостей о нем. Девчонкам нашим, Зинке и Ленке, я расписывал каждый раз всякие подробности жизни семьи Кулаковых, а Андрею все выкладывал про знаменитого летчика. Я даже прочел книгу одного летчика-испытателя, и теперь вовсю строчил оттуда историю за историей. Неплохо получалось. Когда я рассказывал, меня все ребята слушали. Настоящие ведь истории, невыдуманные. Даже этот зубрила и вечный «остряк» Маликов, и тот уши развесил.

Только по утрам, когда я открывал дверь в класс, у меня на секунду замирало сердце: боялся увидеть рядом с Тошкой ее брата.

В тот день со мной вместе вышел из школы Андрей. Мы прошлись немного, а потом я сказал:

— Ну, я пошел, мне к Ивану надо...— Повернулся и зашагал своей дорогой, то есть мимо дома Ивана, к себе домой.

Плелся потихоньку и думал о своей жизни, о матери, которая теперь всегда была в плохом настроении и все смотрела на меня, точно я виновник всех ее неудач. И вдруг около самого дома Ивана я столкнулся нос к носу с Леной и Зиной. Они преспокойно стояли около дома, точно попали сюда совершенно случайно, и ели мороженое. Меньше всего сейчас мне хотелось встречать этих птичек: Зинку, которая обо всем догадывается, и Ленку-расстригу, из-за которой я потерял, может быть, лучшего друга. Но они мне так обрадовались, будто мы расстались не двадцать минут назад, а полстолетия и я за это время успел слетать в Галактику или стал знаменитым заклинателем змей.

— А ты не к Ивану идешь?— наивно так, робко и как будто невзначай прошептала Ленка.

— К Ивану,— сказал я.— А что?

— Передай ему от меня привет,— сказала она.

Только этого не хватало! Как-то надо было от них отделаться, а то еще скажут: мы тебя подождем, ты нам потом все расскажешь. К Тошке они не лезут, а все ко мне.

— Романтика,— сказал я.

— Что?— переспросила Ленка.

— Все тайное станет явным,— сказал я.

И вдруг Ленка взвилась и прямо на меня с кулаками. Как бешеная.

— Много ты в этом понимаешь!— закричала она.— Чурбан несчастный!

Это уже оскорбление, и оно было мне на руку.

— На каждый удар я отвечу двойным ударом.— Я стал в боксерскую стойку.

— Опять дурачишься,— сказала Зинка.— Опять строишь из себя клоуна. Совсем не смешно.

Я все еще не опускал рук и сделал легкий полушаг в сторону Ленки. Ну, еще одно усилие, и они уйдут, но тут я посмотрел ей в глаза и увидел, что у нее в глазах слезы. Умереть можно от этих девчонок, любят они страдать и обижаться. А в ее слезах плавало маленькое далекое солнце. Стоило ему светить сквозь миллиарды километров, чтобы плавать в слезах Ленки. Пойми тут человека...

— Зина, пошли,— сказала Лена.

— Ну, ладно вам обижаться,— сказал я.

Теперь, когда я добился своего, когда они готовы были уйти, я стал их уговаривать, но девчонки отвернулись и гордо промолчали. Они, видно, требовали от меня дальнейших унижений. Но у меня минутная слабость прошла, и я решил, что наступил самый удобный момент для исчезновения.

— Приветик и салютик,— сказал я и пошел своей дорогой. Пусть они обо мне думают, что хотят.

Они стояли около дома и ели мороженое.

Шел и размышлял, как выкрутиться из положения. Если пройти мимо дома Ивана, они начнут орать, почему я к нему не зашел. А если войти в подъезд, то там у них лифтерша такая дотошная, обязательно спросит, к кому, да зачем, и еще может по телефону позвонить к Ивану, предупредить его, как министра, что к нему пожаловали.

И тут меня догнала Ленка. Она немного помялась и сказала:

— Так передашь привет?

Зина стояла чуть поодаль, делая вид, что не прислушивается к нашему разговору.

Вот это уже было возмутительно. Мало того, что она уводит от меня Ивана при каждом удобном случае, так я же теперь должен еще передать ему какой-то тайный привет. Нет, этому не бывать! Всякому терпению есть конец. И нахальная какая. Другая бы постеснялась. А тут, пожалуйста, стоит передо мной, брови подняла, глаза сощурила, голову склонила набок и ждет. Значит, она просто не считает меня за мужчину. Думает, раз не вышел ростом, значит, меня можно не считать за мужчину. Посмотрим, сейчас посмотрим, что из этого выйдет.

— Я чурбан, как вы смели только что заметить, который ничего не понимает в романтике,— сказал я. Она покраснела, так ей и надо, а я продолжал:— У чурбана деревянная голова. Мне трудно будет запомнить твою просьбу.

— Солнце разогрело твою деревянную голову, и в ней зашевелились мысли.— Ленка вдруг на ходу начала нашу игру в слова.

Видно, ей здорово нужно было, чтобы я передал Ивану ее привет, чтобы он услышал о ней, если она на меня не обиделась.

— Солнце разогрело голову,— сказал я.— Но в ней зашевелились злые мысли.

— Солнце пригрело посильнее,— сказала Лена.— И злые мысли у тебя исчезли.

Теперь она просто ко мне подлизывалась. Вот до чего дошла старушка! Неинтересно стало играть. Не люблю, когда другие унижаются. Мне даже стыдно было на нее смотреть, но я все же поднял глаза на нее. Ее лоб пересек тоненький длинный волосок морщинки, от виска к виску.

Ленка стала считать:

— Раз, два, три...

Я в эту игру еще никому не проигрывал, даже самому Ивану. Мне ничего не стоило придумать еще тысячу фраз и победить Ленку. Я, например, мог сказать: «Злые мысли у меня исчезают, когда я разговариваю с добрыми людьми»,— но я промолчал.

— Семь, восемь, девять, десять? Победа! — закричала Ленка.— Проиграл... Значит, передашь привет?

Я криво усмехнулся: непонятно, зачем нужно орать об этом на весь двор.

Дом, который был справа от нас, надвинулся на солнце, и во дворе сразу все изменилось. Морщинка у Ленки на лбу пропала.

— Значит, передашь? — снова спросила Ленка.

— Персональный?

— Можно и персональный, — сказала Ленка. — Даже лучше персональный...

Повернулась и пошла к Зине. А я стоял и все еще не мог прийти в себя. Просто очумел от Ленки. Выходит, она скучала об Иване и совсем этого не стеснялась. А это уже не каждый может.

Но вот они оглянулись и стали смотреть на меня. Теперь их уже не перестоишь. Я бросился в подъезд Ивана и стал разыгрывать перед лифтершей дурака: назвал какую-то квартиру, которая была в другом подъезде, стал расспрашивать, на каком она там этаже, но она меня вдруг узнала. Обычно она меня никогда не узнает и каждый раз, когда я прихожу к Ивану, выспрашивает у меня всю подноготную, как какой-нибудь следователь по особо секретным делам. А тут она меня узнала и чуть не впихнула в лифт, чтобы я поднялся к Кулаковым. Я от нее еле вырвался, выскочил и без оглядки бежал до самого дома.

12

Шел мелкий-мелкий дождь, и не видно было неба, а какая-то серая мгла, и шпиль высотного дома на Смоленской площади пропадал в этой мгле, и даже не видно было красного огонька, который обычно горел на его макушке. И Сократик почему-то подумал, что сейчас очень опасно лететь на самолете.

Сократик шел в облаке из мельчайших капель. Ему нравилось так идти, ему было как-то одиноко — приятно и немножко жалко себя. Когда он проходил мимо дома Кулаковых, то из подъезда выскочила Тошка, чуть не сбила его с ног.

Сократик опустил голову, сделал вид, что не заметил ее. Видел, как мимо прошли ее туфли, и ее сумка почти коснулась его руки. Он прошел немного и оглянулся, и Тошка оглянулась в этот же миг. Сократик резко повернул голову, но было уже поздно: Тошка засмеялась. Он остановился. Что ж, он готов был дать бой и ей, так же как и ее великолепному брату.

— Ты чего оглянулся?— спросила Тошка.

— Просто так,— ответил Сократик. Нельзя было сразу налетать на нее.

— И я просто так,— неожиданно сказала Тошка.— Вижу, идет знакомый, чего-то задумался, глазами сверлит асфальт. Вот и оглянулась.

Тошка стояла и улыбалась. Небрежно выстукивала каблучком песенку, которая звенела у нее в голове. У нее всегда в голове звенела какая-нибудь песенка: иногда это были знаменитые, модные песенки, а иногда она придумывала их сама. Веселая была жизнь: то дождь, то снег, то солнце, то зеленая трава, то широкая река, то интересная картина, то мечта про будущее. Хорошо, что попался этот незадачливый Сократик, одной неохота идти в магазин. Только бы он не сбежал, а то иногда говорит-говорит, потом вдруг развернется на сто восемьдесят, и нет его. Ясно, что боится девчонок.

— Ты что, вообще против девчонок? — спросила Тошка.

— Вообще не против,— промямлил Сократик.

— А в частности?

Это уже было совсем неожиданно. Сократик поднял наконец голову и увидел капли дождя в рыжих волосах Тошки.

— Ты далеко?— Он испугался, что Тошка исчезнет, так легко ведь исчезнуть, раствориться в этой серой мгле, как растворился, например, красный огонек на высотном здании.

— В магазин,— сказала Тошка. «Интересно, что он будет делать дальше».— Она все еще выстукивала каблуком эту звонкую, шальную песенку, которая сидела в ней.

— И я иду в магазин,— тихо ответил он, хотя никто его в магазин не посылал. Сократику бы надо добавить: «Давай пойдем вместе, в такую погоду вдвоем веселей»,— но он накрепко замолчал. Нет, от него не дождешься ничего, только промокнешь. Пора уходить. Тошка перестала выстукивать песенку, веселая жизнь стала чуть-чуть попечальнее.

— Пойдем вместе,— сказала она. И сама испугалась собственной смелости. Простое слово «вместе», это несчастное наречие, чуть не опрокинуло ее с ног. Вот он сейчас откажется, а завтра расскажет в классе, и ее подымут на смех: мол, к мальчишке пристаешь.

— Пойдем,— эхом отозвался Сократик.

— А почему ты кричишь?— спокойно спросила Тошка. Она уже перестала волноваться, ей стало радостно, просто, легко и смешно.— Я не глухая.—

А рядом с ней шел Сократик...

У нее теперь было такое настроение, точно она шла не в магазин за продуктами, а на школьный вечер, где обязательно будут танцы и можно приходить не в форме.

Отчего у нее было такое настроение, она и сама не знала. А рядом с ней шел Сократик... Шел себе, и все, с безразличным видом. У него был курносый нос — это раз, толстые губы — это два, вот если бы он сейчас взял и положил ей руку на плечо, как ходят взрослые ребята с девушками, ну, тогда бы она ему показала, какая она веселая...

Они шли рядом, и вроде бы каждый шел отдельно. Иногда он косил на нее незаметно глаза, иногда ловил ее взгляд. Потом стал смотреть на витрины: в витринах шли их отражения. Они шли там рядом, гораздо ближе, чем в действительности, и как-то были значительней: выше ростом, представительней.

Сократик и Тошка блуждали уже больше часа и за все время не сказали почти ни слова. Они бы могли поговорить об уроке истории, на котором Сократик схватил двойку, и осудить Сергея Сергеевича, могли бы вспомнить Ивана, но они молчали. Шли сосредоточенные и молчаливые. Да и кто сказал, что настоящее веселье — это когда кто-нибудь без умолку трещит языком? Нет, только не Сократик и не Тошка.

— Мне надо позвонить маме,— сказала Тошка и вошла в будку автомата.

Сократик увидел при слабом желтоватом огоньке будки, что у Тошки потемнели от дождя волосы и промокло пальто. Она стояла, крепко сжав губы, и ждала, когда там, на другом конце провода, снимут трубку, и ей казалось, что она звонит из какого-то другого мира.

— Мама,—сказала она.— Я встретила товарища и поэтому задержалась.

— Товарища?— спросила мама.

— Товарища,— ответила Тошка.

— Какого товарища? —настойчиво спросила мама.

— Ты его знаешь, но мне сейчас просто неудобно.

Сократик отошел от будки подальше, чтобы Тошке было «удобно», тогда она прикрыла дверь и шепнула:

— Сократика, только ты не говори Ивану.

Потом они опять шли по улице.

— Что самое ценное в жизни? — вдруг спросил Сократик.

— Человеческая жизнь,— ответила Тошка.

— Неправда,— сказал Сократик.— Сейчас я убью тебя фактом.— Он всех всегда убивал фактами.— Если самое главное — человеческая жизнь, то почему многие люди идут на верную смерть?

— Например?— спросила Тошка.

— Например? Революционеры, ученые, летчики, космонавты!.. Идея — вот что самое главное в жизни.

— А почему тебя прозвали Сократиком?— спросила Тошка.

— Был такой философ в Древней Греции. Сократ. Я раньше ничего о нем не знал. Честно. А когда у меня умер отец, я перестал разговаривать. Вот даже иногда хотелось что-нибудь сказать, а не мог. Однажды на уроке меня спросили, почему я все молчу, и Андрей, он все время старался меня развеселить, сказал: «Он думает... Он Сократ... У него Сократова голова...» Честно. И с тех пор пошло Сократик, Сократик...» Прибавили наши остряки частичку «ик», потому что я был самый маленький в классе.

Она посмотрела на свое плечо, оно было чуточку выше плеча Сократика, ну, самую чуточку, но все-таки выше. Потом их плечи вдруг сравнялись, только у Сократика стала какая-то неестественная походка. Тошка догадалась: он шел на носках. Она закусила губу, чтобы не засмеяться. Потом у нее в голове снова зазвенела песенка, и весь смех как рукой сняло. Она чуть-чуть отстала от него, чтобы их плечи не были рядом, и он мог идти нормально: сколько же можно идти на носках!

— Наш Иван все время был ниже меня ростом,— сказала Тошка.— А за это лето вымахал.

Они вошли наконец в «Гастроном» на Смоленской площади, и Сократик, который не хотел говорить о своем росте и не хотел, чтобы его жалели, сказал:

— Давай выпьем коктейль молочный...

— Можно,— сказала она.— Если ты одолжишь мне деньги, у меня ни копейки лишней.

Он разжал кулак и показал серебряный рубль, заветный рубль, на который он мечтал приобрести что-нибудь нужное. Например, перочинный ножик, им удобно было бы вырезать всякие штучки из дерева. Они встали в вечную очередь к стойке молочных коктейлей, среди взрослых девушек и парней, и стали слушать, как те громко, не стесняясь, разговаривали, а парни исподтишка закуривали сигареты. Сок-

— Мама,— сказала она,— я встретила товарища.

ратик любил прислушиваться к случайным разговорам, ему нравилось узнавать чужие маленькие тайны, которые неожиданно влетали в него, и он ими жил и подолгу о них думал, и они делали его богаче. Он всегда искал в толпе единомышленников и друзей, или ловил острое словцо, или улыбку, или чье-то хорошее настроение, или принимал чью-то заботу на себя.

Впереди Тошки и Сократика стояли парень и девушка, худые и долговязые. Парень был в куртке, с рюкзаком за плечом, а девушка в пальто с модным разрезом. «Вчера встретил Лизу, когда возвращался из института,— сказал парень. — Показал ей это». — Парень поболтал в воздухе пальцем с обручальным кольцом. «Ну и как она отреагировала?» — спросила девушка. «Говорит: «Вы счастливые сумасшедшие... И, конечно, подонки... Не могли,— говорит,—устроить по такому случаю сабантуй?» Я ей сказал: «Прости, денег ни копейки, все ушло на экипировку». Рассказал, что купили байдарку и совершили путешествие... А она говорит: «Мы придем со своей бутылкой...» «В воскресенье, видно, всем классом завалятся»,— сказала девушка. И посмотрела на Сократика и Тошку. А те стояли, как мыши, и не знали, что делать, и молчали. Девушка перехватила напряженный взгляд Сократика и поняла, что он слышал их разговор. Она вытянула шею и что-то зашептала на ухо парню. Тот посмотрел на Тошку и Сократика, согласно кивнул головой, а она ему что-то шептала, шептала. Он слушал ее слова и чуть грустно, чуть мудро — повзрослевше — улыбался. А потом, когда они уже все вчетвером стояли с бледно-розовым коктейлем в стаканах, парень улыбнулся Тошке и Сократику и сказал: «За хороший вечер!» И Тошка ответила: «Спасибо!» И больше никто ничего не сказал. Они допили свои стаканы, поставили их на стойку и разошлись. И Сократику стало жалко, что нельзя первого встречного сделать другом на всю жизнь.

Но все же эта случайная встреча изменила их в чем-то: они стали смелее, увереннее. Они громко разговаривали на виду у всех. И Тошка командовала Сократиком, посылая его то в одну очередь, то в другую. И Сократик даже признался Тошке, что его никто не посылал в магазин, и от этого им стало еще лучше. Наконец они купили все, что им полагалось, и вышли из «Гастронома».

Сократик проводил Тошку до ее подъезда.

— Ну иди, гуляй дальше,— сказала она, засмеялась и вбежала в подъезд.

Испарилась, растаяла в дверях. Сократик еще постоял несколько минут около дома Кулаковых и побежал домой. Он чувствовал во всем теле необыкновенную легкость. Ему хотелось гулять и гулять, разговаривать с людьми, и тот мир, который только что его так огорчал, куда-то отошел, а здесь была эта легкость и ясность. Он вспомнил весь путь, который он только что проделал с Тошкой. И он стал представлять, что она по-прежнему идет рядом с ним. И ему захотелось заорать, чтобы разбудить этот сонный переулок.

13

Сократик открыл классную дверь и подумал, что сейчас он увидит Тошку. Ему так хотелось после вчерашнего увидеть Тошку, но тут он увидел Ивана, который стоял в окружении ребят.

Сократик вошел в класс, и толпа ребят молча расступилась, и он сразу понял, что все всё знают. Они теперь знают, что он, Сократик, ни разу не был у Ивана за время болезни, ни разу в жизни не встречался со знаменитым летчиком Кулаковым и никаких историй от него не слышал.

Все-все смотрели на Сократика. Только Тошка отвернулась, и он видел ее высокий рыжий хохолок на макушке.

— А, Сократ-ик,— сказал наконец Иван. Произнося частицу «ик», он нарочно громко и издевательски икнул. — По совместительству барон Мюнхгаузен. Лучше бы двойку по истории исправил, чем заниматься трепотней.— Он сказал это жестко и решительно, как какой-нибудь диктатор, который привык приказывать и чувствовал себя всегда правым.

Сократик промолчал, он не нашелся что ответить, не сумел все обратить в шутку, не сумел ловко захохотать и спрятаться за этим и не сумел просто сказать: «Извините, ребята, я пошутил». Он почти не слышал слов Ивана, только ощутил их, как острую боль, как невероятное унижение, которому не будет конца. Он чувствовал себя, как человек, совершивший нечто ужасно недозволенное. Нет, нет, понять и осознать его несчастье здесь никто не смог бы, даже если бы они захотели, и теперь он навсегда потерял друга, которым был горд. И навсегда потерял право быть равным среди всех и потерял тот вечер, который еще накануне сделал его таким необычайно счастливым. А теперь он будет вечно жить в этом классе в полном одиночестве.

Сократик, не поднимая глаз, прошел к своему месту и тихо сел за парту.

14

Ночью Сократик неожиданно проснулся, его подбросило на кровати, точно внутри у него что-то взорвалось. И сразу он вспомнил Геннадия Павловича, хотя ни разу его не видел с того вечера. Потом он вспомнил Ивана и еще раз пережил весь ужас их разговора, потом вспомнил, как после школы шел следом за Тошкой, надеясь, что она его окликнет. Но Тошка ни разу не оглянулась, хотя знала, что он идет позади.

Ночью ничего хорошего не вспомнишь, когда вот так неожиданно просыпаешься.

Сократик услышал, что в соседней комнате разговаривают. Это до сих пор почему-то не спали мать и дед. Он хотел крикнуть им, захотелось ему поговорить, чтобы прогнать ночное одиночество, но тут же, конечно, вспомнил, что весь вечер не разговаривал с матерью, и ему стало нестерпимо жалко себя, и он повернулся на другой бок, чтобы заснуть... А дед, как нарочно, говорил громко и мешал Сократику, и тот, чтобы отвлечься, точно принц датский Гамлет, вызвал тень умершего отца. «Я ей ничего не сказал,— прошептал Сократик.— Ни про женщину, что искала у нас своего мужа, ни про этого Геннадия Павловича, но она сама поняла все, и он перестал к нам ходить. А твоя фотография по-прежнему висит у меня над столом».

— Ты помнишь его,— долетел до Сократика голос деда.— Он приходил к нам на старую квартиру. Совсем старикашка, ему под восемьдесят. До революции он работал у купца Мельникова управляющим мыловаренного завода и занимал весь второй этаж в нашем доме. А в революцию он вместе с Мельниковым сбежал на юг, к белым. Потом Мельников укатил в Париж, а Назаров вернулся. Квартиру уже его к этому времени заняли, и он зашел к нам, поговорил и уехал в неизвестном направлении. Потом появился перед войной и в последний раз — в сорок пятом, когда уже война кончилась.

— Теперь я вспомнила,— услышал Сократик голос матери.— Этот Назаров называл меня барышней.

— Вызывает он меня в больницу...— Голос деда упал до шепота...

А перед Сократиком появился лохматый паучок с большими усами.

— Ты кто? — спросил Сократик.

— Я паучок-добрячок. Я приношу людям счастье.

— А куда ты ползешь?

— Я должен уйти из вашего дома.

— Почему?

Паучок промолчал.

— Почему? — настойчиво повторил Сократик.

— Меня ждут в другом месте,— нехотя ответил паучок.

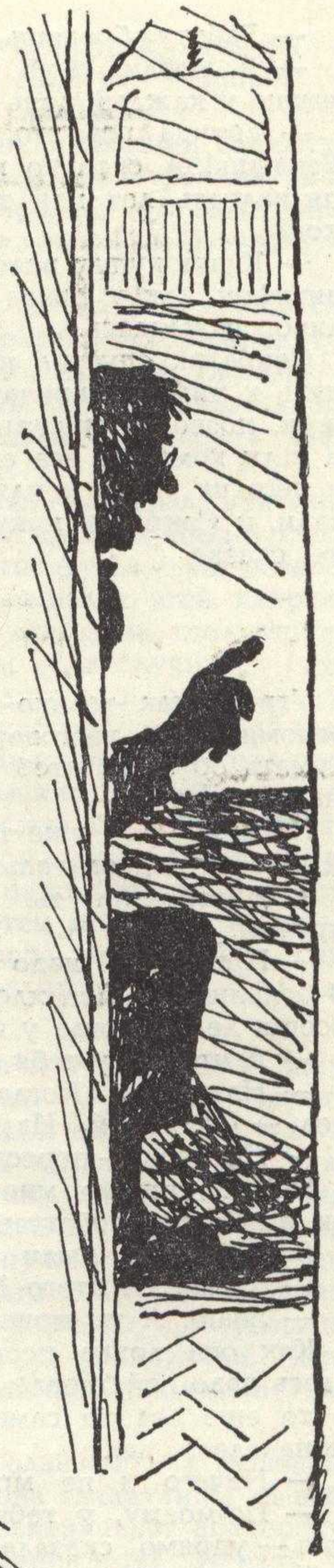
И тут он услышал резкий, громкий голос деда и забыл про паучка.

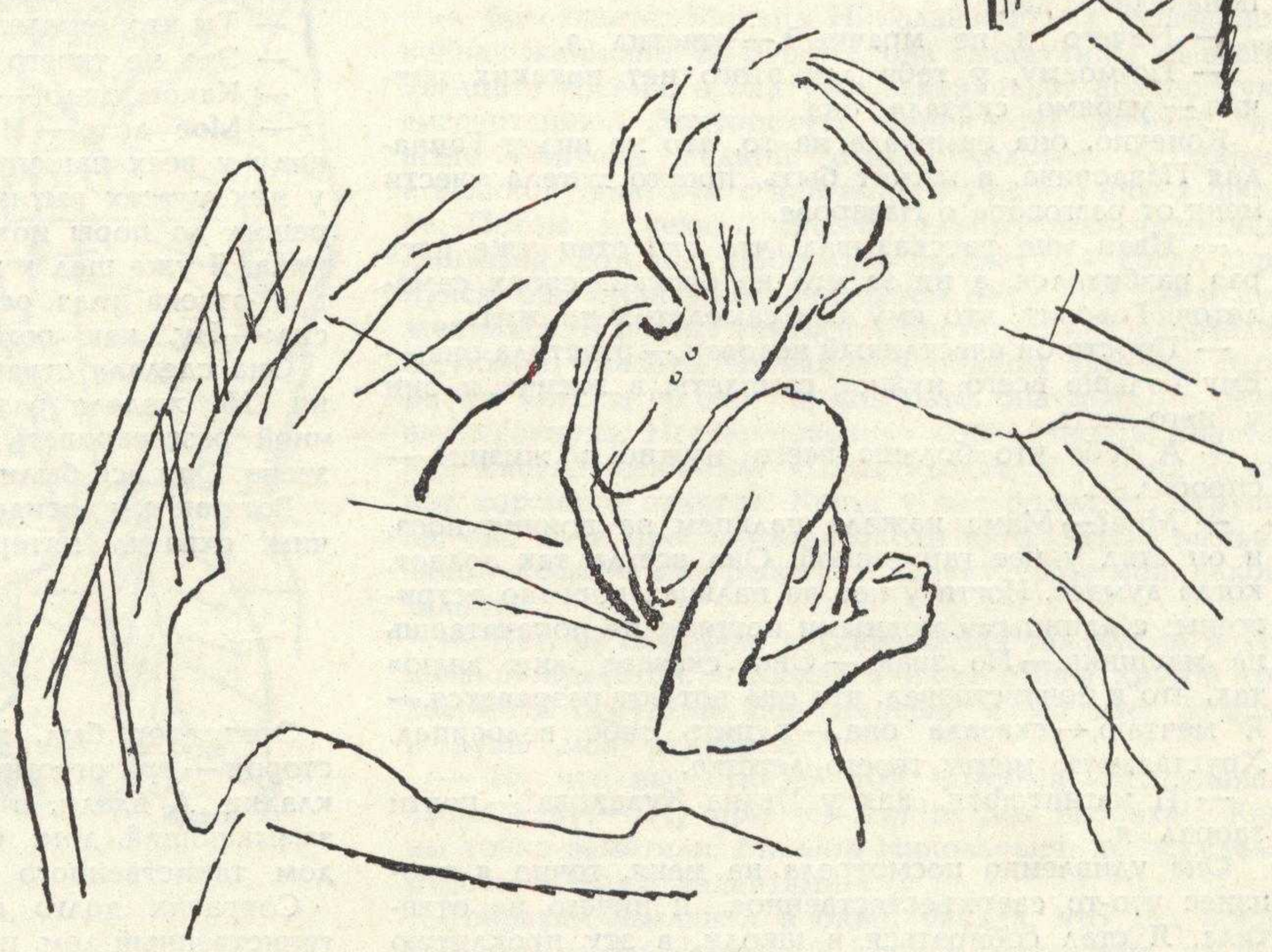
— Понимаешь, в стене дома, в бывшей квартире Назарова,— сказал дед,— большое богатство... План точный дал. Боится, что дом снесут, пока он в больнице. Вот он и взял меня в долю.— Дед хихикнул.— Не было бы счастья, так несчастье помогло.

— Да ну, отец, это рассказы для детей,— сказала мать. Она протяжно зевнула.— Спать хочется... Я сегодня устала...

— Тише, Юрку разбудишь. Ничего ты не понимаешь. Он, когда прятал это богатство в стену, думал, революция на время. Он поэтому и за границу не уехал. А потом боялся этот клад достать, все ждал подходящего времени... Там золото, драгоценности... Эх, заживем! — пропел дед.— Отдыхать будем, пить, есть, по курортам разъезжать. На людей будем смотреть с прищуром: хочу — вижу, а хочу — не вижу. Тебя оденем, как куколку. Ты заявишься на работу во всем новом, а они там рты откроют...

— Куплю себе кожаную коралловую курточку, — сказала мама, — и такие же коралловые туфли на страшенном, высоченном гвоздике и маленькую шапочку из соболя... Темно-темно-шоколадного цвета.

— Ты помнишь его,— долетел до Сократика голос деда.

— Работу бросишь,— снова пропел дед.

— Я люблю свою работу,— сказала мать.— Я печатаю и каждый день узнаю что-нибудь новое.

— Ерунда все это, ерундистика,— ответил дед.— Узнаёшь! А сколько можно узнавать новое? Десять, пятнадцать лет или тридцать? Пока станешь старухой?

— Юрке купим велосипед,— сказала мать.— И магнитофон, как у Ивана Кулакова.— Она тихо и счастливо засмеялась.

Сократик спустил ноги с кровати, чтобы выскочить к ним и закричать, что он слышал их разговор и не позволит прикарманивать чужие богатства. Но в углу комнаты все еще стояла тень отца, и ордена у него на груди цеплялись друг за друга и позвякивали, и Сократик никуда не вышел и никому ничего не сказал.

15

Утром, как только я вскочил с постели, сразу вспомнил про разговор деда и матери о кладе. Стал думать об этом, чтоб отвлечься от мыслей про Ивана и Тошку.

На кухне дед уже торопливо доедал свой завтрак. Что-то он подозрительно быстро куда-то собрался.

— Далеко ли ты собрался? — спросил я между прочим.

— Приятеля надо проведать,— ответил дед.— В больнице. — Дед хлопнул меня по затылку, он так всегда делал, когда у него было хорошее настроение.

— А что это у тебя за друг появился? — спросил я.

— Назаров... Когда-то вместе жили,— ответил дед. — Одинокий. Надо уважить.

— Назаров?— переспросил я.

Но дед ничего мне не ответил и вышел. Видно, он был занят собственными мыслями.

Ясно, какие были у него мысли.

— Мама, ты этого Назарова тоже знаешь?

— Знаю. А ты почему вчера был такой мрачный?

Как она ловко переменила тему разговора! Нет, здесь надо действовать с величайшей осторожностью, а то еще дед на самом деле из-за своей жадности понаделает дел.

— Ничего я не мрачный,— ответил я.

— По-моему, у тебя для этого нет никаких причин,— упрямо сказала она.

Конечно, она намекала на то, что не видит Геннадия Павловича, а может быть, просто хотела увести меня от разговора о Назарове.

— Иван мне рассказывал, что его отец уже пять раз разбивался, а ни за что не бросает своих самолетов. Говорит, что ему без самолетов не жить.

— Просто он счастливый человек,— ответила она.— Ему больше всего нужны самолеты в жизни, и они у него есть.

— А тебе что больше всего нужно в жизни? — спросил я.

— Мне?— Мама нажала пальцем на кончик носа, и он стал у нее гармошкой. Она всегда так делает, когда думает. Ногти у нее на пальцах коротко острижены: с длинными модными ногтями не попечатаешь на машинке.— Не знаю.— Она сказала «не знаю» так, что я почувствовал, что она вот-вот разревется.— Я мечтаю,— сказала она,— купить тебе велосипед. Хрустальную мечту твоего детства.

— И магнитофон, как у Ивана Кулакова?— почти заорал я.

Она удивленно посмотрела на меня, точно я произнес что-то сверхъестественное, и ничего не ответила. Я стал собираться в школу, в эту проклятую школу, где меня поджидали одни неприятности.

— Юра! — окликнула она меня... Я остановился.— Нет, ничего...

Она, видно, что-то хотела мне сказать важное и не решилась. Конечно, она хотела мне рассказать о затее деда, потому что у нее ведь раньше никогда от меня не было секретов. Я стоял и ждал.

— Понимаешь...— Она помялась и вдруг спросила совсем другое, то, о чем, может быть, и не думала:— Тебе что, не нравится Геннадий Павлович?

— А что в нем хорошего!— сказал я.

— Как ты жестоко судишь о нем, хотя совсем не знаешь его,— сказала она.

Я повернулся и молча вышел. Когда я проходил мимо «Гастронома», то увидел деда. Он нес в руках мамину хозяйственную сумку. Из сумки торчала бутылка вина. Я остановился, и дед почти налетел на меня.

— Это все Назарову?— Я выразительно посмотрел на сумку, в которой при ближайшем рассмотрении увидел еще пачку печенья и коробку сливочной помадки.

— Ему,— как-то виновато ответил дед, полез в карман, покопался там и протянул мне монету:— На вот тебе, на мороженое.— Повернулся и ушел.

Я чуть не упал от неожиданности, чуть не расплакался от восторга: мир не видел подобной доброты. Мой дед, жадюга из жадюг, и вдруг отваливает мне полтинник. Дело принимало крутой поворот, видно, вот-вот этот злополучный клад попадет к нему в руки. И тут у меня настроение резко улучшилось. Не было бы счастья, так несчастье помогло. Мне вдруг стало весело, и я побежал в школу.

Я вбежал в класс и громко, нахально крикнул:

— Приветик!

Я так громко крикнул, что все посмотрели на меня. Что это, мол, с ним случилось? При этом я скосил глаза на парту Кулаковых. Иван даже не посмотрел на меня. Ничего, Ванечка, когда ты узнаешь мою тайну, ты на меня посмотришь. А Тошка презрительно оглядела меня с ног до головы: и ты, Тошечка, еще попляшешь вокруг меня. Я вам всем покажу, и вы все-все узнаете, что я не такой уж плохой человек.

Я трахнул портфелем по парте так, что Андрей подскочил от неожиданности.

— Ты что, ошалел? — крикнул он.

— Это не твоего ума дело.— ответил я.

— Какое дело?— спросил он.

— Мое дело.— И направился к Ивану, чтобы на виду у всех нашептать ему на ухо про клад. Вот-то у них у всех вытянутся лица! Но потом передумал, решил до поры подождать, надо действовать наверняка. Я уже шел к нему, когда передумал, и поэтому для отвода глаз остановился около Ленки и спросил:— Ну, как романтика?

Она сделала страшные глаза и отвернулась от меня. Не желала разговаривать, никто не желал со мной разговаривать из этого знаменитого пятого звена. Они все были очень гордые и принципиальные.

Вот так я и досидел до конца уроков и, между прочим, схватил пятерку по истории.

16

Этот двор был, как гигантский колодец: с трех сторон — три огромных новых дома крупнопанельной кладки. А вдали, в глубине двора, стоял четвертый, замыкающий, дом: осколок старого мира. Бывший дом таинственного Назарова.

Сократик долго и внимательно осматривал этот таинственный дом, щурил глаза, надеясь таким нехитрым образом проникнуть через его стены, потом, по-

няв тщетность своей затеи, решил подойти к дому поближе. Он только на минуту задержался, чтобы посмотреть на маленькую девочку, которая выгуливала во дворе крохотную собачку в большом намордник. Чтобы намордник не спадал, девочка привязала его веревочкой к ошейнику.

— Кусается?— спросил Сократик.

— Нет, не кусается,— ответила девочка.— Он еще щенок.

— Зачем же ты ему надела намордник?— спросил Сократик.

— Есть важная причина,— сказала девочка. Она склонилась к собачке и сняла намордник. Собачка завизжала и несколько раз отрывисто, звонко тявкнула.

Сократик подумал, что даже у собаки в этом мире есть неприятности. И тут его осенило, тут на него снизошло вдохновение поиска, и он небрежно, так, между прочим, спросил:

— Ты не знаешь, Назаровы в этом доме не живут?— Все у него внутри напряглось и задрожало, и он даже покраснел, дожидаясь ответа.

— Назаровы?— переспросила девочка.— Там, на втором этаже, живет Петька, он еще в детсад ходит, с папой и мамой. Внизу — музыкант один. А остальные все уехали. Этот дом сносят. Может, и ваши Назаровы уехали?

— Нет, не кусается,— ответила девочка.

— Пойду узнаю,— сказал Сократик. Теперь он знал, что левая сторона дома пустует.— Привет!

— До свидания,— ответила девочка.

Он вошел в подъезд, старый, пахнущий сыростью, с обвалившейся штукатуркой, и посмотрел на дверь с номером два. В этой квартире, по его агентурным данным, проживал «музыкант», потом он развернулся и вошел в пустую квартиру.

В прихожей этой квартиры на полу валялась сломанная древняя мебель. Сократик осторожно, стараясь передвигаться неслышно, стреляя глазами по сторонам, чтобы не пропустить какой-нибудь важной мелочи для дальнейшего розыска, подошел к двери в комнату и приоткрыл ее.

Там тоже было пусто и валялась старая, ненужная рухлядь. И вдруг Сократиком овладел дикий страх, он просто парализовал его ноги. А что, если назаровские богатства находились именно в этой квартире и дед их уже прикарманил? Сократик стал ощупывать стены квартиры, надеясь, если случилось самое страшное, найти следы дедовского преступления. Но стены и в комнате, и в прихожей, и в кухне были нетронуты. Он сел на подоконник, чтобы передохнуть, и вспомнил, что именно в этой квартире когда-то жила его мать, и, может быть, вот на этой самой половице, на которой он сейчас стоит, не раз стояла она и смотрела в это окно. Он вспомнил, что она ему рассказывала, как отец приходил к ней на свидание. Отец садился в сквере на скамейку, а она гасила в комнате свет и поглядывала в окно, как он ее ждет.

Сократик посмотрел в окно и увидел свою новую знакомую. Около нее крутился ее песик. Сократик поискал глазами скамейку отца и нашел... На скамейке сидел какой-то человек и читал газету. Но вот он опустил газету, и Сократик увидел своего деда. Сократик отскочил от окна. «Значит, все в порядке,— подумал он.— Теперь только нужно, чтобы дед раньше времени не узнал, что у него появился соперник».

Сократик отошел в глубь комнаты. Он услышал, как за стеной кто-то заиграл на виолончели. Потом играть перестали, и чей-то мягкий, приятный голос сказал:

— Вы, знаете, Михаил Николаевич, она необыкновенная женщина. Во-первых, она талантлива, ей всего двадцать восемь, а она уже заканчивает докторскую диссертацию. Докторскую, понимаете? Первая из всего выпуска. Редкий, редкий человек. А добра, а великодушна! Мы с ней вместе учились еще в школе. Потом я уехал... Знаете, глупая мальчишеская фантазия, хотелось побродить по свету. А когда вернулся, она была уже кандидатом наук. Вот мы и поженились. Я пошел учиться в институт, она работала. Я, можно сказать, мужчина в полном здравии, здоровяк, жил за ее счет, и, поверьте, она меня ни разу не упрекнула. Необыкновенная порядочность. Знаете, как многие женщины: «Годы уходят, а у меня даже нет хорошего пальто». Когда у нас родился Петрушка, она ночи просиживала около него. Утром выпьет чашку кофе — и на работу. А талант, боже мой, какой талант!

— Нет, не оскудела русская земля талантами и душевной красотой, — раздался из-за стены другой голос.— Не оскудела. Вот смотрю я на вас, Игорь, и душа моя радуется.

— Ну что вы,— сказал тот, который расхваливал свою жену.— Ну при чем тут я? Вот Верочка!.. Как вы точно заметили, Михаил Николаевич, не оскудела русская земля талантами.

Сократик выглянул в окно, увидел, что дед покинул свой наблюдательный пост, и осторожно, на цыпочках, чтобы не услышали те двое за стеной, вышел.

Остановился и теперь уже как-то по-новому посмотрел на дом. Маленькие продолговатые окна, кривой на одну «ногу», в общем, совсем незавидный домишко, но Сократик почему-то подумал о нем с нежностью. Вроде ничего такого не произошло: он случайно зашел в какой-то дом, услыхал голоса двух незнакомых людей — один из них хвалил «необыкновенную» Верочку, а второй просто играл на виолончели, а он раскис. Даже более того, он вдруг поймал себя на мысли, что совсем забыл о назаровском богатстве, и думает, и размышляет о незнакомых жителях этого дома.

Он медленно пошел через двор на улицу, изредка оглядываясь, и все по-новому раздумывая о доме. Потом он снова увидел девочку с собачкой. Она все еще выгуливала своего пса. «Кровожадный пес, могучий пес,— прошептал он про себя,— пес-победитель». Сократик подмигнул зачем-то хозяйке пса, но она строго посмотрела на него и ничего не ответила. Она была занята важным делом: наблюдала, как ее пес познавал жизнь, то есть тыкался в каждую щель асфальта и скреб лапами, чтобы добраться до настоящей земли. У каждого человека свои важные дела и свои заботы. Даже у этой букашки-таракашки, у этой девочки, и Сократик это отлично понимал.

— Девочка!— крикнул Сократик.— Как тебя зовут?— Ему почему-то захотелось узнать ее имя.

— Надя,— ответила девочка.

Вот и хорошо, теперь она для него будет не какая-то «букашка», а девочка Надя. Надежда.

17

Прошло еще несколько дней. В эти дни Сократик совсем одичал, потому что ни с кем толком не разговаривал — ни с ребятами, ни дома. Только один раз Федор Федорович перехватил его в коридоре и стал его спрашивать, почему он совсем к нему не заходит и что с ним происходит. В ответ Сократик заговорщически улыбнулся и сказал, что скоро к нему придет с большой новостью.

Его путь теперь из школы домой всегда проходил переулком, в котором стоял этот таинственный, доживающий свой век назаровский дом. Если он там, во дворе, не встречал своего деда, искателя чужих богатств, сухопутного пирата двадцатого века, то заходил во двор сам. Однажды, сидя на скамейке отца, он вдруг догадался, чего выжидает дед. Ясно, что тот подстерегал, когда дом опустеет, когда его последних жителей переселят и можно будет спокойно войти в дом, взломать нужную стену и унести найденные богатства.

И после этого каждый раз с робким сердцем Сократик заглядывал во двор, боясь обнаружить, что занавеси на окнах в доме исчезли, и его жители выехали, и пора вступать с дедом в решительную схватку. Нет, он не боялся той схватки, пусть она даже будет страшной, жестокой, но он был бы рад, чтобы ее не было. Так же, как он был бы рад, если бы никогда не было войн. И если бы люди никогда ничего плохого не делали друг другу и не было, к примеру, вообще денег. Ах, как Сократик возненавидел эти проклятые деньги! Он теперь из-за них не может как следует поговорить с матерью: все какими-то намеками, полунамеками. И все время подозрительно смотрит на нее и думает: если она не рассказывает ему про разговор с дедом, значит, рассчитывает на эти богатства.

Неужели ей так нужна какая-то коралловая куртка, что она готова участвовать в этой дедовской истории? Видно, ей очень хочется быть нарядной и красивой, и поэтому она забыла, что есть вещи, которые нельзя делать ни за что!

Это дед ее околдовал. Он так красиво ей описал ее будущую жизнь, что у нее голова закружилась. Дед думает, что самое главное — это деньги. А самое главное — это совсем-совсем другое, самое главное — это прийти туда, где ты очень-очень нужен, главное — вовремя прийти и сделать что-то славное для других, а чтобы самому ничего не нужно было, даже благодарности.

Дед сидел на скамейке, как всегда, с газетой.

Конспиратор. Великий искатель чужого богатства. Надо будет для него подобрать народные поговорки к случаю: «На чужой каравай рот не раскрывай». Или что-нибудь в этом роде. Федор Федорович ведь говорит, что вовремя сказанное слово может спасти человека.

— Ты что здесь высиживаешь?— грубовато и прямо спросил Сократик у деда.

Тот от неожиданности подпрыгнул.

— Вот манера подкрадываться!— возмутился дед.— Ты же, знаешь, я не люблю этого, я тебя просил, не делай так.— Теперь дед будет долго и нудно выговаривать Сократику и, может, вообще не ответит на его вопрос.— А ты все нарочно, нарочно.— Голос у деда, у этого мрачного пирата, был скрипучий и тенористый.

— А что ты здесь высиживаешь?— снова спросил Сократик.

Дед подозрительно поглядел на Сократика, потом назидательно ответил:

— Не высиживаю, а вспоминаю прошедшую жизнь около дома, в котором прожил пору расцвета.

— А где ты здесь жил? — спросил Сократик как можно небрежнее.

— Я же тебе сто раз показывал,— сказал дед.— В первом этаже. Вон те три окна слева.

— Я же тебе сто раз показывал,— сказал дед.

— А кто жил на втором этаже?— спросил Сократик.

— Во втором? Весь второй этаж занимал Назаров.

— Тот самый, который сейчас в больнице лежит?— спросил наивно Сократик.

— Тот самый,— ответил дед.

— Ну, занимайся воспоминаниями.— Больше Сократику здесь было делать нечего. Он блистательно

провел операцию и теперь знал, что назаровский клад спрятан во втором этаже, в квартире, где живут «необыкновенная» Верочка, ее восторженный муж и их сын. Сократик повернулся и пошел. И впервые за эти дни у него был твердый и упругий шаг, он чувствовал, что победа будет за ним. Он шел к матери, чтобы сказать ей, что он все знает, перетянуть ее на свою сторону, разгромить деда в пух и прах, отыскать назаровские богатства и сделать с ними все, что полагается в таких случаях. Они будут с матерью не первыми, кто по доброй воле отдает спрятанные старым миром клады, но все равно так приятно было Сократику думать об этом. Вот будет счастье! Вот все удивятся: и Андрей, и Иван, и сама распрекрасная Тошка, и все ребята,— когда узнают, что он совершил!

Когда он шел двором, все еще не сбавляя скорости, чувствуя радость от каждого сделанного шага, он встретил соседа по лестничной площадке Витьку. Они остановились, поздоровались, хотя Сократик бешено торопился, показывая это всем своим видом. Витька же что-то мялся и потом наконец довольно отчетливо произнес:

— Твоя «мазер» стоит у подъезда.— После этого он не знал, что говорить, и удалился.

Сократик растерялся, сбился с ноги и оглянулся. Витькина фигурка еще маячила в арке, и Сократик вынужден был сделать еще три мучительных шага вперед, боясь, что вот-вот из-за угла дома появится мать под ручку с Геннадием Павловичем. Но в это время открылись с лязгом двери кинотеатра, и горячая толпа людей хлынула во двор, мужчины тут же стали чиркать спичками, прикуривая, и над толпой повис белесый дымок, и Сократик, смешавшись с этой толпой, с ее дыханием и дымом, наталкиваясь на плечи незнакомых людей, видя близко их смеющиеся лица, потому что люди только что побывали в каком-то незнакомом для них мире и стали чем-то добрее и восторженнее, вышел вместе с ними снова на улицу.

Он перешел на противоположную сторону Арбата и затаился. Решил ждать, твердо решил дождаться его, хотя это было мучительно трудно, тяжело, обидно, стыдно. потому что он видел, как прошел маленький толстый мужчина в берете и коротеньком пальто, который жил в их подъезде.

Значит, он увидит мать. Потом прошла девушка с пареньком, она жила этажом выше Сократика. Ее часто провожал этот паренек, и они подолгу стояли в подъезде около лифта. А сейчас ее место, может быть, заняла мать Сократика с Геннадием Павловичем. И вот тут-то Сократик увидел его, мирно шагающего по двору. Он видел его сквозь длинный тоннель арки, как в перископ подводной лодки, и уже отдал приказ носовой батарее: «Товсь»! — и уже готов был крикнуть: «Залп!» — то есть был готов подойти к этому гражданину, хлопнуть его по плечу и выложить ему все, что он думает об этой истории. Он ему скажет ясно и просто, мол, вместо того, чтобы ходить по чужим дворам, лучше купил бы своему сыну или дочери игрушку и шел бы домой. Эти золотые, святые, наивные слова готовы были сорваться, слететь с губ Сократика и криком долететь через улицу к Геннадию Павловичу. И Сократик весь сжался, чтобы сделать этот первый решительный шаг, чтобы легко и беззаботно, именно беззаботно и легко, похлопать этого человека по плечу. Но ему стало страшно и нестерпимо захотелось убежать.

А когда-то, совсем недавно, Сократику ничего не стоило подойти к любому человеку и открыться ему до конца. Он считал это естественным и думал, что все так и поступают. Он жил, как чувствовал. Иногда над ним даже смеялись и называли «лопухом», а дед его дразнил «простофилей», но за последнее время такая обезоруживающая откровенность стала покидать его. Сначала это произошло после смерти отца: тогда он долгими ночами и днями вспоминал отца и скрывал это от матери, чтобы не беспокоить. Потом эти его скандалы с дедом. Раньше он все обиды выкладывал матери и тут же забывал их горький вкус. А теперь, когда Сократик ссорился с дедом и тот его крепко обижал и обзывал «блаженным», он помалкивал и страдал сам втихомолку. И поэтому, когда Геннадий Павлович появился рядом с Сократиком, он вместо того, чтобы смело хлопнуть его по плечу, низко опустив голову, прошел мимо.

Геннадий Павлович заметил его, дружелюбно улыбнулся и сказал:

— А-а-а! Здравствуй, любитель латыни!

Может быть, ему понравилась собственная острота, а может быть, он просто хотел скрыть свою робость перед этим мальчишкой, но он снова улыбнулся.

Сократик кивнул в ответ.

— Из школы? — спросил Геннадий Павлович.

Сократик снова едва заметно кивнул.

— Молчишь, не желаешь разговаривать? — сказал Геннадий Павлович.

Сократик ничего не ответил, повернулся и медленно стал уходить. Он чувствовал на себе взгляд Геннадия Павловича, но не оглянулся. Он сейчас думал не о нем, а о себе и поэтому не оглянулся.

Теперь уже рано темнело: октябрь. И небо было, как полотенце из сурового полотна, и сливалось с серым асфальтом, и казалось, что дворники скребли своими метлами прямо по небу, и бедный, несчастный Сократик в своем форменном сером костюме совсем растворился в этом скучном, сером небе и сером асфальте.

Он пришел домой с большим опозданием, но мать даже не спросила, где он пропадал. У нее было хорошее настроение и, как только хлопнула дверь, она выскочила встречать сына. Сократик раздевался в темноте, но она зажгла свет, посмотрела на него веселыми глазами, пахнула на него вдруг какими-то духами и сказала:

— А, Гвоздик, пришел? Отчего мы такие мрачные, какие грозовые тучи пронеслись над нами? — Иногда она любила делать из Сократика маленького, ну точно ему лет пять или шесть, обняла его.— Нельзя так надувать губы.— И провела пальцем по губам Сократика, как по струнам какой-нибудь гитары.— А то еще грузовик зацепится за них и разобьется.

— Есть охота,— мрачно сказал Сократик, стараясь не смотреть ей в глаза.

Мать убежала на кухню готовить еду, а Сократик сидел в комнате и думал о своем. Он слагал в голове фразы, такие хитрые фразы, которые бы одновременно ничего не говорили, но в то же время очень на многое намекали. Он придумал два десятка хитрых, ловких, жестоких фраз, пока мать там готовила обед. Сначала Сократик придумал такую фразу: «Что это ты сегодня веселая, не по погоде?» Потом придумал такую: «Чем-то ужасным пахнет? Ах, это от тебя? Откуда у тебя духи?» Потом он придумал самую жестокую фразу: «Тебя кое-кто провожал сегодня, а, может быть, у него дома жена и пятеро ребят?» Вот сколько хитрых и жестоких фраз было наготове у Сократика, и он, как судья, сидел и ждал мать, чтобы привести свой приговор в исполнение.

Но тут в комнату вбежала мать, суматошная, болтливая, как девочка, и погнала его к столу. Они ели всего лишь тыквенную вчерашнюю кашу и поджаренную докторскую колбасу, но матери и эта еда сегодня казалась невообразимо вкусной после прогулки

по шумным улицам, и еще ей очень хотелось, чтобы и Сократику стало весело, и еще ей очень-очень хотелось рассказать сыну о человеке, который ее сегодня провожал домой. О том, какой он умный и добрый, и о том, что он похож на него, на Сократика: также любит кино и самое дешевое мороженое.

— Я сегодня видела...

Мать остановилась, и Сократик замер, этот жестокий палач, только что без красной мантии, готовый пригвоздить еще десять минут назад свою мать к позорному столбу, испугался и уткнулся в тарелку. Мать залилась краской — щеки, уши, она покраснела не как женщина, мимоходом, а как девчонка-семиклассница, секрет которой о ее тайнах сердца узнали все в классе. Она стала натужно кашлять, закрыв лицо руками, точно подавилась тыквенной кашей. Наконец она откашлялась и сказала:

— Представляешь, я сегодня утром видела космонавта Феоктистова. Тоже спешил на работу, вроде меня.

Сократик собрал посуду и пошел на кухню ее мыть. Это была его обязанность, и он ею не тяготился. Если космонавт Феоктистов, как все прочие, торопится по утрам на работу, а знаменитый летчик-испытатель Кулаков сам стирает белье, то и Сократик может вымыть после обеда две тарелки и несколько ножей и вилок. В конце концов, как любит повторять «Эфэф», от малого до великого один шаг.

Он мыл посуду и думал. Нет, не о свершении великого, не о звездных мирах, которые ему предстояло покорить, а о самых земных делах. Он мыл посуду и думал. Руки его скользили по тарелкам и делали их чистыми и шелковистыми. Думал, думал, думал и тер, тер, тер, точно хотел протереть дыру. И потом он вдруг подумал, что было бы хорошо, если бы все Садовое кольцо накрыли тоннелем и все машины ходили бы по этому тоннелю, а сверху был бы гигантский парк, по которому можно было идти весь день. А каждую ночь в тоннели привозили бы пушки, и они стреляли бы сжатым воздухом, и выбивали бы из тоннелей скопившиеся за день остатки бензина, и машинного масла, и дыма от курения.

В кухню вошла мать и прервала ровное, счастливое течение мысли у Сократика. Она взяла полотенце и стала вытирать посуду, которую Сократик уже вымыл. Она была чуть выше Сократика, и его плечо в работе все время терлось о руку матери. Он даже чувствовал тепло этой руки. Он моет ножи, она вытирает ножи. И снова он чувствует тепло ее руки, но упрямо молчит, хотя уже понимает, что хорошее настроение постепенно покидает мать. И она уже стала печальной, чтобы потом совсем раскиснуть, и понимает, что Сократик не хочет слышать о ее радостях, потому что для него это совсем не радости, и уже она не откидывает резко назад волосы, а они упали ей на лицо и закрыли лоб и щеки. Но вот она еще цепляется за разговор с сыном, стараясь наладить отношения. Пока она говорит первое, что пришло ей в голову, что не имеет никакого отношения к этому, к главному.

— Сегодня утром убирала в письменном столе, решила освободить для тебя еще один ящик, и представляешь, нашла свое старое письмо. Я написала деду двадцать семь лет назад... И там написано: «Поцелуй за меня кошку и прочитай мое письмо кукле. Твоя дочка Галя». А когда мы вернулись из деревни с мамой, оказалось, что кошки уже давно нет. Дед ее выпустил нарочно.

— Это похоже на него,— сказал Сократик.

— Я сегодня видела...

— Над нашей дверью надо повесить объявление: «Здесь помещается филиал общества по охране животных».

Они оба, Сократик и мать, резко повернулись и увидели деда.

Он стоял, облокотившись о дверь: какой-то угрюмо-веселый, со впалыми глазами, он был похож на одержимого. Так показалось подозрительному Сократику.

— Лучше быть бедным,— неожиданно сказала мать,— чем корыстным.

— Ерунда,— сказал дед.— Не тому ты учишь Юрия. И в результате ему в жизни придется так же тяжело, как тебе.

— Это нам тяжело в жизни? — искренне удивился Сократик.— Я не считаю, что нам тяжело.

— Ты не считаешь? А ты ее спроси,— сказал со злостью и тайной радостью дед. Он был рад этому разговору: это была его тема. Тут он был силен и мог в одну секунду расправиться с этим сопливым мальчишкой, который всегда все знает и суется не в свои дела.— Ты спроси, спроси ее, свою мать!..

Сократик посмотрел на мать, ему хотелось, чтобы она поддержала его против деда, но она не оглянулась. Ей сейчас было жалко себя, и слова деда упали на благодатную почву. Она стояла, облокотившись руками о подоконник, и с любопытством, нет, скорее с печалью, смотрела, как хорошо знакомая ей женщина выкатывала коляску с ребенком из соседнего подъезда. А ведь она даже не заметила, как эта женщина выросла, она только помнила, что совсем недавно, ну, будто месяц назад, эта женщина была девчонкой и гоняла на велосипеде по двору.

— Думаешь, для нее великое удовольствие с утра до вечера работать: тарахтеть на машинке, готовить обед, стирать, убирать в квартире, ходить в магазин и больше ничего? Думаешь, это для нее такое великое счастье? Ты, например, играешь в футбол для удовольствия, ходишь к товарищам для удовольствия, ездишь летом в лагерь для удовольствия! А у нее ведь ничего этого нет! Ни любви, ни удовольствия, ни отдыха. Один долг перед тобой, который ей всему помеха.

Мать все еще стояла спиной к Сократику. Она увидела, как старушки, что сидели на скамейке во дворе, окружили коляску, чтобы рассмотреть ребенка. И она улыбнулась, потому что вспомнила, как, вроде бы тоже совсем недавно, она впервые выкатила своего Юрика во двор, и эти же самые старушки вот так же окружили ее. Она, продолжая улыбаться, повернулась лицом к Сократику, а он перехватил ее улыбку и сказал деду:

— Мама любит свою работу.

— Ерунда! — возразил дед. — Это ей так кажется.

— Нет, не кажется,— неуверенно сказала мать.

— Значит, ты хочешь мне доказать, что ты только и мечтаешь, чтобы постучать на машинке? — спросил дед и, не дождавшись ответа, добавил:— И так без конца... Понимаешь, надежды-то у нее никакой нет...

Сократик догадался, что здесь сейчас идет хитрый разговор не для него, а для матери: он хотел внушить ей, что она очень несчастная. «Эфэф» ему столько раз говорил, что настоящее счастье, когда хорошо всем: тебе и всем! А дед делал мать несчастной, чтобы она приняла назаровские богатства и стала счастливой — в новой коралловой куртке и в шапке из соболя. Вот чего хотел дед.

— Я сам могу убирать квартиру,— сказал Сократик.— И в магазин могу ходить... А обед можно брать в столовой... У мамы тогда будет больше свободного времени...

— А на какие шиши, позвольте вас спросить? — ловко повернул дед.

И Сократик, припертый к стене доводами деда, понял, что наступило время решительной борьбы, что не будет больше отсрочки, что надо бороться за мать, за себя и даже за деда.

— Вот построим коммунизм,— сказал Сократик.— И тогда все будет по-другому...

— Запел старую песню... Когда его построят.., твой коммунизм.— И дед, убежденный в своей правоте, уже не разбирая, что перед ним мальчишка, решил за компанию подцепить его покойного папашу, нанес Сократику последний, самый решительный удар. — Твой отец тоже был агитатор, но, между прочим, ни копейки, ни полкопейки не оставил вам на черный день.

— Замолчи, отец! — сказала Галя. — Это не твое дело. Она видела, как побледнел Сократик, точно его вдруг неожиданно ударили по лицу, как он круто повернулся и вышел из кухни.

— Ну, ладно, ладно, замолкаю.— Дед хотел обнять внука, когда тот проходил мимо него, но Сократик вырвался.

В передней Сократик увидел какой-то большой сверток. Он нагнулся и надорвал бумагу: в свертке была большая электрическая дрель. Ясно было, что дед начал подготовку всерьез. Сильная, быстрая электрическая дрель, она, как хороший отбойный молоток, в одну секунду прошьет стену старого дома и доберется до назаровского богатства.

(Окончание в следующем номере.)

ВСЕСОЮЗНОМУ ЛЕНИНСКОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ СОЮЗУ МОЛОДЕЖИ

Дорогой друг! Наш читатель! Ты знаешь: с первого дня своего существования, в годы мирные и военные, Ленинский комсомол, верный сын нашей партии, — неизменно на передовой.

С оружием в руках, с мастерком и книгой комсомольцы разных поколений шли в бой за народное счастье, за богатство и могущество Родины, за коммунизм. Этот бой не окончен, он продолжается и поныне.

Совсем скоро в Москве начнет работу XV съезд комсомола. Комсомольцы страны будут определять на будущее главные направления борьбы, общей боевой работы.

Ты знаешь не понаслышке о делах комсомола, ты помнишь его героев. Ты сам уже примеряешь к себе, к себе лично, новое, волнующее слово «комсомолец». Гожусь, достоин?

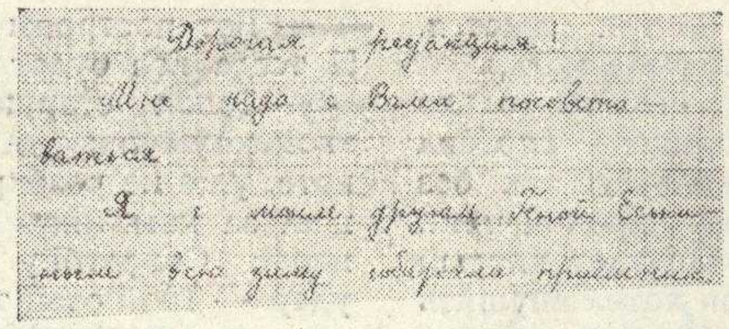
«Пионер» обращается ко всем своим читателям: пусть среди многих подарков комсомольскому съезду, которые готовят сейчас пионеры страны, будут ваши стихи, песни, рисунки и фотографии, посвященные комсомолу.

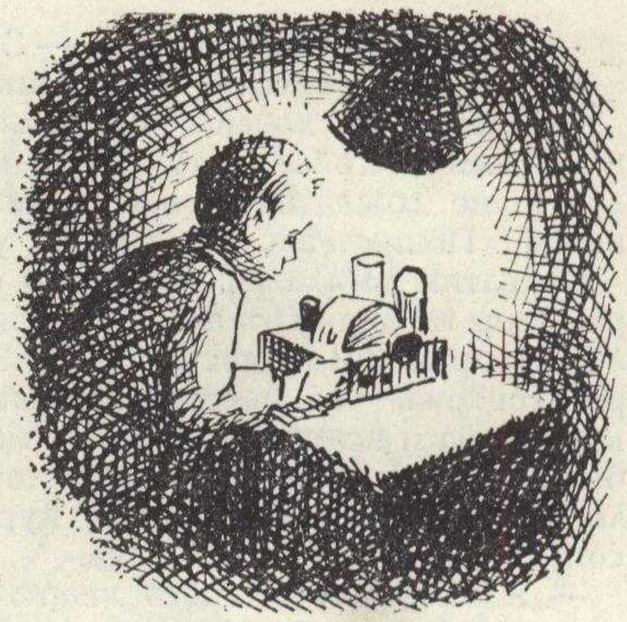
Присылай же в редакцию свои работы.

Лучшие произведения пионеров о комсомоле будут напечатаны в журнале.

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

КТО НЕ ОШИБАЕТСЯ?..

Дорогая редакция!
Мне надо с Вами посоветоваться.
Витя
Я с моим другом Геной Еськиным всю зиму собирали приемник. Все делали правильно, все по схеме, как в книжке. А когда собрали, включили, — он не работает.

Дорогая редакция! Мне надо с вами посоветоваться.

Мы с моим другом Геной Еськиным всю зиму собирали приемник. Все делали правильно, все по схеме, как в книжке. А когда собрали, включили, — он не работает.

Все ребята над нами смеются и дразнят нас. Говорят: «Как там ваша «Спидола»?» Называют нас хвастунами и врунами, что мы сказали про приемник, а у нас ничего не вышло.

Как нам доказать ребятам, что мы не хвастуны, а просто оказались неспособными?

Витя Колотов,
6-й класс, г. Москва.

Вите Колотову отвечает доктор физико-математических наук, мастер спорта СССР Евгений Игоревич ТАММ

Редакция «Пионера» попросила меня ответить на твое письмо, Витя. Я его прочитал и, знаешь, о чем подумал: а надо ли доказывать, что вы неспособные? Так ли это?

Хочу рассказать тебе об одном случае из жизни нашей лаборатории.

Представь себе, что ты и твои товарищи по лаборатории задумали эксперимент. Создали специальную аппаратуру, подготовили чувствительные приборы, построили сложную установку. И вот через многие месяцы и даже годы ваши поиски дали отрицательный результат. Для науки и такой результат важен, а у того, кто вел исследования, может остаться ощущение какой-то потери, пустоты, горечи.

Так случилось, когда мы искали частицы, промежуточные по массе между электроном и мю-мезоном. Зарегистрировать любую новую частицу — дело трудное. Часто за новой частицей, которая предсказана физиками-теоретиками, идет долгая и упорная охота, отнимающая много энергии и времени у «охотников» — экспериментаторов. Вот так охотились и в нашей лаборатории. Существуют ли частицы, которые мы ищем? Если бы мы их обнаружили, это было бы большим достижением. Частицы эти очень бы пригодились человечеству. Заранее было придумано, как их можно использовать. Опыт за опытом, казалось, двигал нас к цели.

Прибор, который должен регистрировать появление этих частиц, был очень чувствителен, на пределе возможного при современной технике. Часто случайные «всплески» прибора мы готовы были принять за сигнал появления частицы. Но каждый раз проверка показывала, что это были лишь случайные «всплески». Значит, вероятность существования таких частиц почти равна нулю. Для физики узнать это важно. Но мы чувствовали себя так, как рыбак, который вернулся домой, не поймав даже пескаря. Было очень обидно.

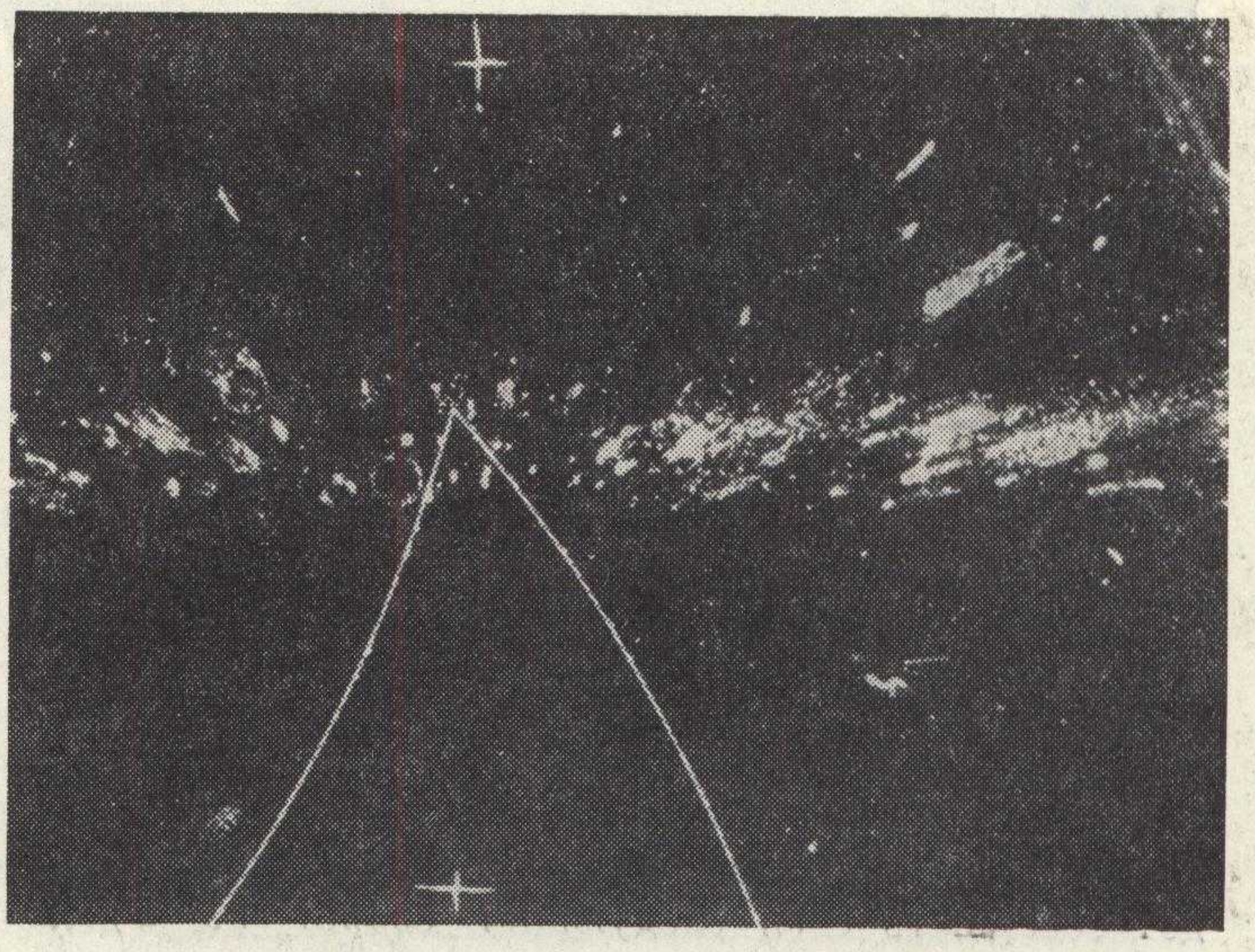
Что же, мы разочаровались в физике? Отказались от «рыбалки»? Конечно, нет. Сколько бы ни ждало нас впереди таких разочарований, мы будем продолжать исследования новых явлений, будем проверять новые гипотезы.

У всякого, кто задумал что-то создать, найти, построить, могут быть неудачи, ошибки. Очень важно не падать духом при неудачах, не опускать руки при трудностях. И еще особенно важным мне кажется умение побе-

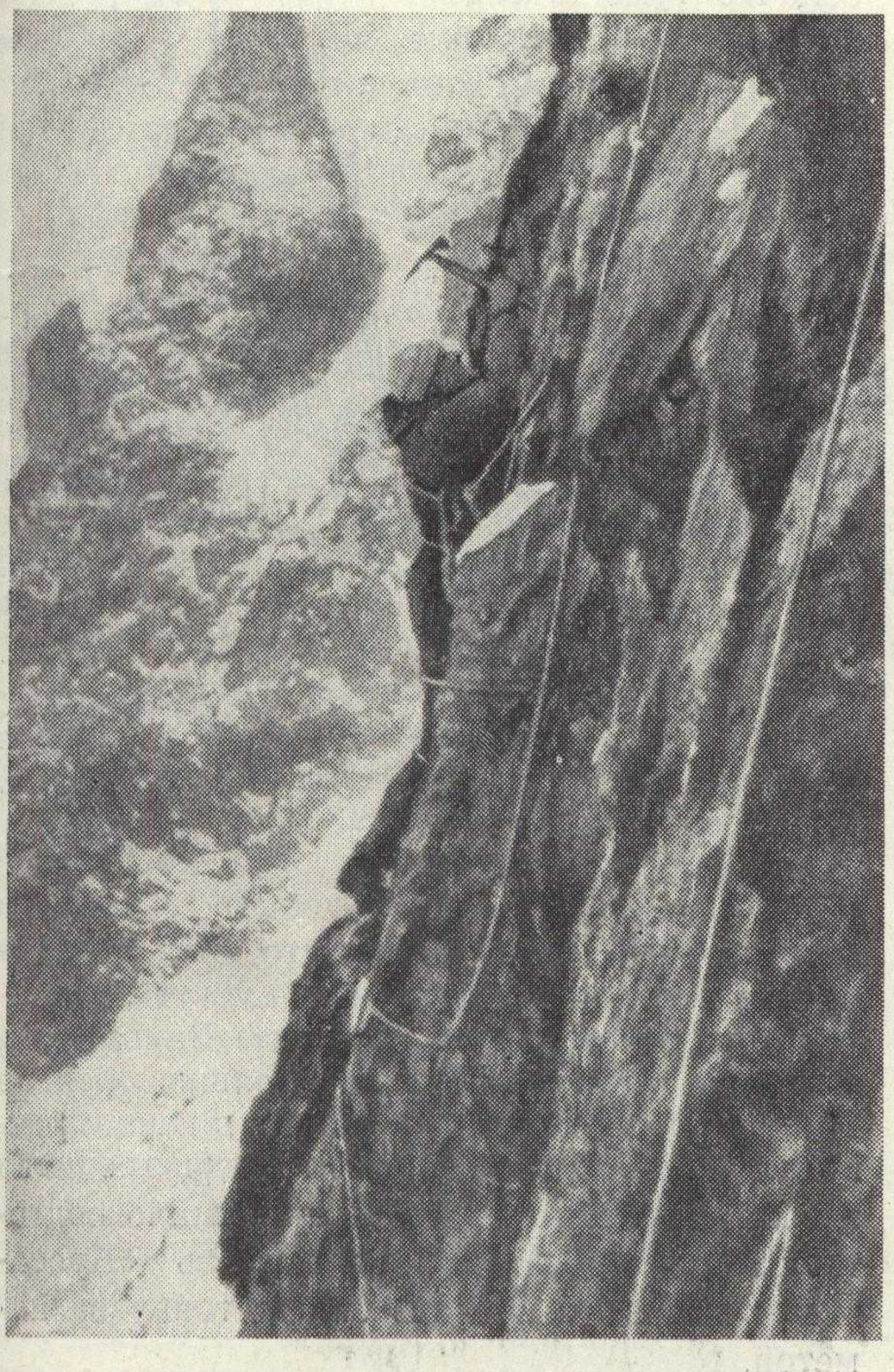
дить себя, преодолеть в себе то, что на первый взгляд выглядит непреодолимым.

Расскажу тебе еще один случай.

Недавно на Тянь-Шане мы совершали восхождение на Хан-Тенгри, поднимались с той стороны, с которой никто еще не ходил. Неведомый путь. В таких случаях еще внизу, перед восхождением, альпинисты составляют план поединка с горой. Мысленно они совершают это восхождение, намечают пункты бивуаков, выбирают гребни и склоны, по которым есть какая-то надежда пройти. И вот наконец был разработан вариант восхождения. Оставалось лишь уточнить отдельные неясные участки. Для этого в альпинизме, как на войне, посылают в разведку. Пошла связка из двух человек. Возвращаясь, они не заметили, что один из крючьев, вбитых ими при подъеме в скалу, расшатался. Они сорвались. Сумели задержаться. Остались почти невредимыми: один растянул голеностопный сустав, другой вывихнул палец руки.

На фотографии вы видите следы частиц в камере Вильсона.

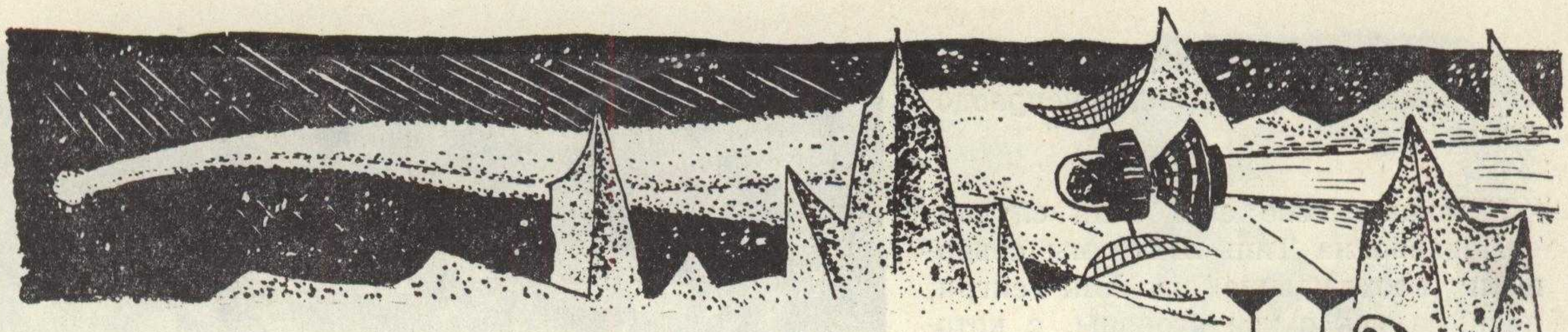

Вот в какой поединок с горой приходится вступать.

Невредимыми? Но попробуй представить себе, что происходит с человеком за те секунды, в которые он, потеряв опору, катится в пропасть, стараясь удержаться за каждый выступ и видя перед собою смерть. Как бы спокойно и умело он ни вел себя в эти минуты, травма в сознании страшнее любого перелома ноги. Обычно человеку очень трудно заставить себя идти снова туда, где он только что сорвался. Это все понимают. И если альпинист не в силах принудить себя тут же идти снова наверх, никто не упрекнет его, никто не назовет его трусом. Ему дают время прийти в себя. У нашей двойки, наверное, тоже была психологическая травма. Им тоже, по-видимому, трудно было заставить себя идти. Но только они знали надежный путь, и поэтому никто другой не мог вести группу. Поздно было посылать новых разведчиков, потому что сезон восхождений был на исходе. А Хан-Тенгри не шутит. Он ждет своей минуты, и, если она наступит, он уже не отпустит пришельцев.

Мы не просили, не уговаривали, мы не имели на это права. Но наши товарищи знали, что, если они не пойдут, восхождение не состоится. И они пошли снова.

А теперь вернемся к твоему вопросу. Как доказать ребятам, что вы не хвастуны? По-моему, делом. Не работает ваш приемник, надо разобрать его, все проверить и собрать снова. А на насмешки стоит ли обращать внимание? Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

На хвосте у кометы

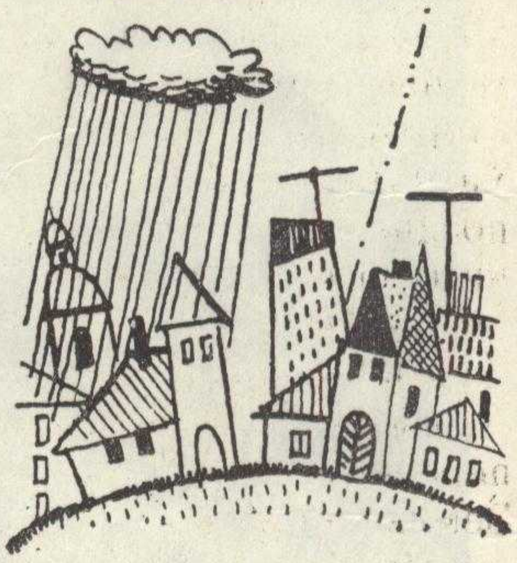
«Не знаю, зачем я делаю эту запись, — медленно говорил Джордж Такео Пикетт в плававший перед его лицом микрофон. — Ведь нет никаких шансов, что люди когда-нибудь услышат ее. Астрономы говорят, что комета снова принесет нас в окрестности Земли миллиона через два лет, когда она будет совершать свой следующий оборот вокруг Солнца. Большой вопрос: доживет ли вообще человечество до этого времени и если да, то представит ли комета такой же интерес для наших потомков, как для нас? Может быть, они тоже пошлют экспедицию, чтобы исследовать ее. И тогда они найдут нас. Ведь, несмотря на все эти столетия, корабль окажется в отличном состоянии. Баки будут полны горючего, возможно, сохранится и немалый запас воздуха. Первой кончится еда, и мы помрем с голода, прежде чем задохнемся. Я думаю, мы не станем дожидаться этого. Куда лучше открыть воздушный люк и покончить разом.

Мальчишкой я читал книгу о полярных исследованиях. Она называлась «Зима во льдах». Так вот, у нас здесь то же самое. Мы окружены огромными ноздреватыми айсбергами. «Бросающий вызов» находится в самой середине гигантского скопления ледяных глыб, и весь этот рой вращается и бурлит, но так медленно, что надо внимательно следить несколько минут, чтобы заметить смещение отдельных льдин. Но ни одна экспедиция к земным полюсам и не нюхала такой зимы, как у нас. За два миллиона лет нашего будущего «путешествия» температура редко будет подыматься выше —450°. Мы будем так далеко от Солнца, что тепла от него получишь не больше, чем от звезд. Это то же самое, как если бы кто попытался в холодную зимнюю ночь погреть руки в лучах Сириуса».

Это жуткое сравнение, неожиданно пришедшее на ум, доконало его окончательно.

А ведь вся эта история с кометой началась так хорошо, сулила столько волнующих и радостных приключений! Он вспомнил ту ночь (неужели это было только полгода назад?), когда он в первый раз вышел взглянуть на комету. Это было вскоре после того, как восемнадцатилетний Джимми Рэндал заметил ее в самодельный телескоп и послал знаменитую телеграмму обсерватории на горе Стромло. Тогда комета представляла собой просто призрачное облачко тумана, медленно двигавшееся через созвездие Эридана. Она еще только приближалась к Марсу, направляясь по своей неимоверно вытянутой орбите к Солнцу.

Приближаясь к Солнцу, комета быстро увеличивалась в размерах. Когда она пересекала орбиту Марса, ее хвост, подобный огромному знамени, развевающемуся на свежем космическом ветру, уже распространился на сорок миллионов миль. К этому времени астрономы уже поняли, что вряд ли земные небеса когда-нибудь еще смогут предложить людям подобное зрелище. Внушительный вид кометы Хэйли, появившейся в 1986 году, не мог идти с ней ни в какое сравнение. Поэтому руководство Международного астрофизического десятилетия решило подготовить исследовательский корабль «Бросающий вызов» и послать его вдогонку за кометой.

Артур КЛАРК

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Когда Джорджа Пикетта включили в экипаж «Бросающего вызов», он едва поверил своему счастью. Ничего подобного не случалось еще ни с одним репортером. Конечно, помогло то, что он имел ученую степень, был холост, здоров, весил менее 120 фунтов и уже перенес операцию аппендицита. Но ведь сколько других подходило не меньше, чем он! Впрочем, их зависть скоро сменится облегчением.

Полезная нагрузка «Бросающего вызов» была невелика. Экспедиция не могла позволить себе роскошь взять на борт просто репортера, и в свободное время Пикетту пришлось исполнять обязанности «офицера-интенданта». На практике это означало, что он должен был заполнять бортовой журнал, служить секретарем капитану корабля, следить за запасами и вести счета. «Большая удача, — думал он порой, — что в мире космической невесомости человек может обходиться всего тремя часами сна в сутки».

Не смешивать свои прямые и побочные обязанности было делом, требовавшим большого такта. В редкие дни, когда ему не предстояло снова пересчитывать тысячи предметов, заполнявших склад, он старался побыстрее разделаться с канцелярскими делами, чтобы покинуть свой похожий на тесный чулан кабинет и отправиться «на охоту» с магнитофоном. Рано или поздно он попытался взять интервью у каждого из двадцати ученых, входивших в экипаж «Бросающего вызов». Не все записи передавались по радио на Землю: одни представляли сугубо профессиональный интерес, другие оказывались слишком бессвязными или, наоборот, чересчур заученными. Но по крайней мере у него не было любимчиков, каждый имел свой шанс. Впрочем, теперь все это уже неважно.

Его страшно интересовало, как реагировал на все происходящее доктор Мартенс. Для журналиста этот астроном был одним из самых трудных объектов, но зато никто другой не располагал такой информацией. Повинуясь невольному импульсу, Пикетт отыскал одну из ранних записей Мартенса и поставил ее на магнитофон. Он понимал, что просто пытается убежать от страшного настоящего, обращаясь к прошлому. Но какой от этого вред?

Пикетт отчетливо помнил это первое интервью. Невесомый микрофон, тихо покачивавшийся в потоке воздуха из вентилятора, буквально загипнотизировал его, и он долго не мог подобрать нужных слов. Но об этом знал он один: в записи голос его звучал нормально, речь текла с профессиональной гладкостью.

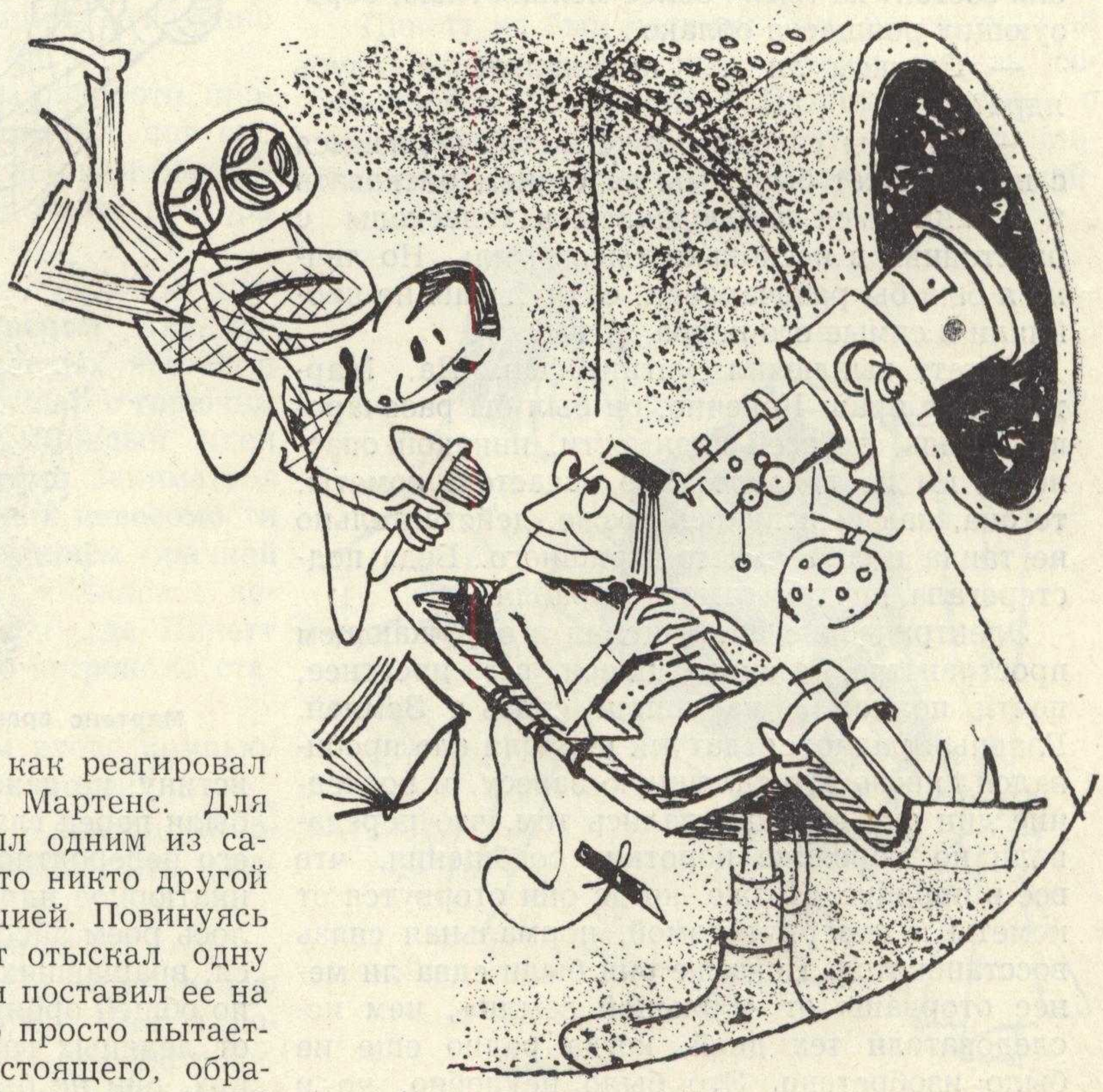
Корабль был еще в двадцати миллионах миль позади кометы, но быстро нагонял ее, когда Пикетт поймал Мартенса в обсерватории и обрушился на него с первым вопросом.

— Доктор Мартенс, — начал он, — из чего же все-таки состоит комета Рэндала?

— Из всего понемножку, — ответил астроном. — Материал ее постоянно меняется по мере удаления от Солнца. Но хвост в основном содержит аммиак, метан, двуокись углерода, водяные пары, цианистые соединения...

— Цианистые? Но разве они не ядовиты? Что бы случилось, если бы комета встретила на своем пути Землю?

— Да ничего. Конечно, хвост кометы выглядит впечатляюще, но по нашим обычным понятиям он близок к вакууму. Объем его, равный объему земного шара, содержит не больше газа, чем спичечный коробок, наполненный воздухом.

Пикетт поймал Мартенса в обсерватории.

— И при этой разреженности он представляет собой такое великолепное зрелище?

— Точно так же, как не менее разреженный газ в неоновых трубках, из которых собирают рекламные надписи. Хвост кометы светится потому, что Солнце обстреливает его заряженными электрическими частицами. Это своеобразная космическая вывеска, и я боюсь, как бы до этого не додумались наши рекламные деятели. Они-то уж найдут способ исчеркать своими зазывными надписями хоть всю солнечную систему!

— Малоприятная перспектива. Хотя я уверен, что кто-нибудь обязательно провозгласил бы это триумфом прикладной науки. Но хватит тянуть комету за хвост. Скоро мы достигнем ее головы? Кстати, если не ошибаюсь, вы зовете ее ядром?

— Гонки преследования вроде нашей всегда требуют известного времени. Корабль достигнет ядра недели через две. Мы будем все дальше и дальше проникать в хвост кометы, попутно исследуя его в продольном и поперечном разрезе. Хотя до ядра еще двадцать миллионов миль, мы уже немало узнали о нем. Самое интересное, что оно чрезвычайно мало — менее пятидесяти миль в диаметре. И даже само ядро не сплошное тело. Скорее всего оно состоит из тысяч более мелких глыб, образующих роящееся облако.

— Сможем ли мы проникнуть в глубь ядра?

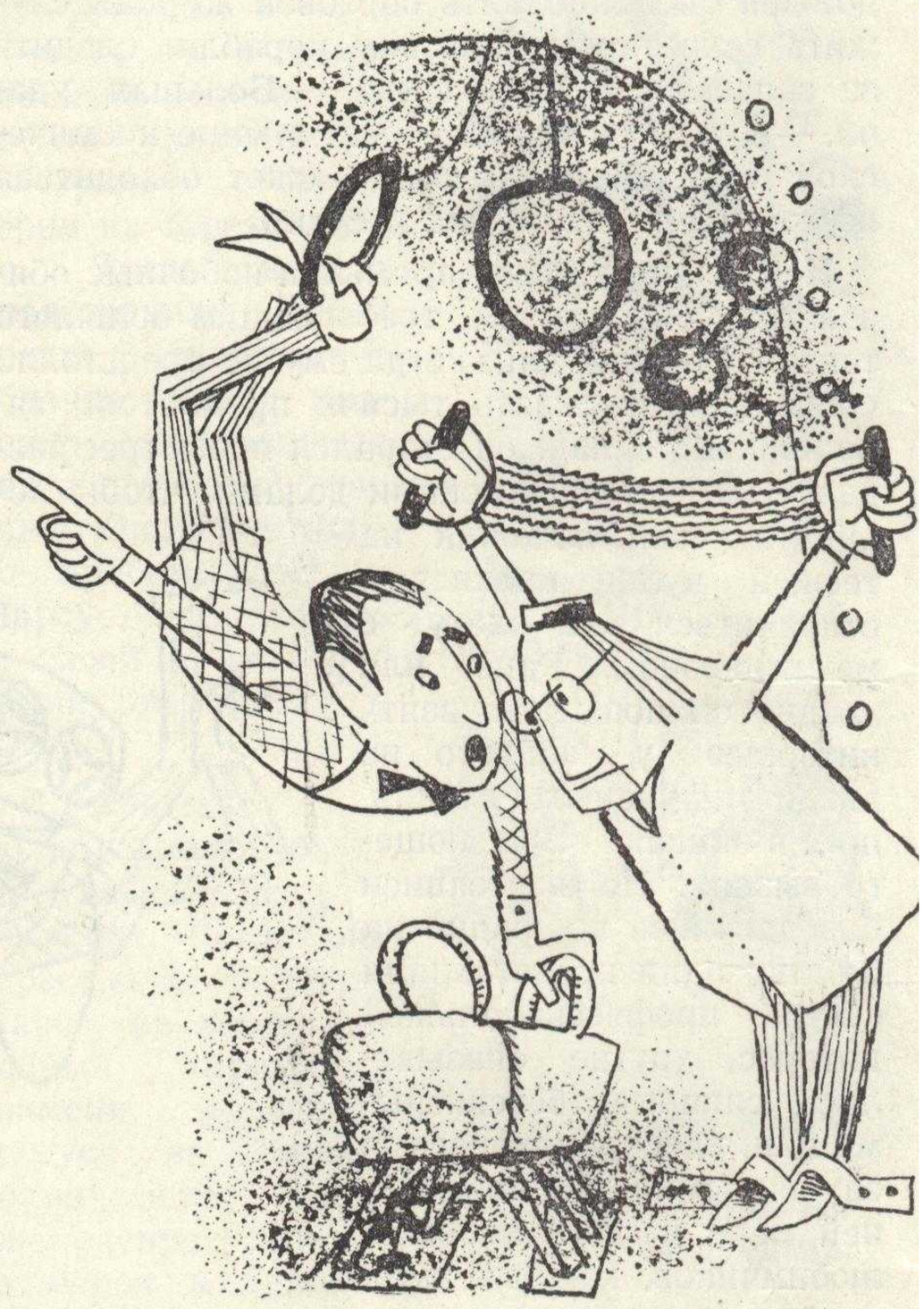
— Это мы узнаем позже, когда сблизимся с ним. Может быть, мы не станем рисковать и ограничимся наблюдением в телескопы с расстояния в несколько тысяч миль. Но лично я был бы разочарован, если бы мы не проникли в самые его недра. А вы?

Пикетт выключил магнитофон. Да, Мартенс был прав. Конечно, он был бы разочарован. Ведь, по всей видимости, никакой опасности им не грозило. Что касается кометы, то она, как выяснилось позже, действительно не таила в себе ничего страшного. Беда подстерегала внутри самого корабля.

Электрические возмущения в окружающем пространстве, становившиеся все яростнее, почти полностью нарушили связь с Землей. Главный радиопередатчик корабля еле пробивался сквозь эту сплошную завесу, и последние дни они ограничивались тем, что передавали по морзянке короткие сообщения, что все в порядке. Позже, когда они оторвутся от кометы и повернут домой, нормальная связь восстановится. Пока же они были едва ли менее оторваны от «большой земли», чем исследователи тех дней, когда радио еще не было изобретено. Это было неудобно, но и только. Пикетт был даже рад такому положению дел: ведь у него оставалось больше времени для выполнения своих хозяйственных обязанностей. Хотя космический корабль несся к самому сердцу кометы, курсом, о котором ни один капитан прошлых столетий не мог и мечтать, кто-то все же должен был следить за продовольствием и проверять запасы.

Медленно, с неимоверной осторожностью, непрерывно прощупывая радаром все пространство вокруг себя, «Бросающий вызов» углубился в ядро кометы. Потом двигатели были выключены, и корабль продолжал полет в окружении... гигантских ледяных глыб.

В 40-х годах XX века Фред Уипл из Гарвардского университета первым предугадал

Мартенс сражался с целой связкой пружин.

истину, но даже теперь, когда доказательства были перед глазами, поверить в правильность его невероятной гипотезы было нелегко. Миниатюрное ядро кометы действительно оказалось роем айсбергов, медленно кувыркавшихся, вращавшихся один вокруг другого, несясь по общей орбите вокруг Солнца. Но в отличие от ледяных гор, плавающих в полярных морях, они не были такими белыми. Грязно-се-

рые, рыхлые, как комья подтаявшего снега, они состояли из твердого аммиака, изрешеченного карманами метана, словно губка. Время от времени, поглотив достаточно солнечного тепла, ледяные горы извергали гигантские струи газов. Это было величественное зрелище, но раньше Пикетт был слишком занят, чтобы полюбоваться им вдоволь. Теперь же, увы, времени у него было даже слишком много...

Беда нагрянула нежданно. Однажды, совершая обычную проверку корабельных запасов, Пикетт столкнулся с ней лицом к лицу. Правда, прошло немало времени, прежде чем он это понял. Ведь с запасами все было в полном порядке, их должно было хватить с избытком для возвращения на Землю. Он убедился в этом своими собственными глазами и просто собирался сверить подсчеты с данными, заключенными в одной из микроскопических секций запоминающего устройства электронной машины корабля, которая дублировала все счета.

Когда на экране зажглись первые бессмысленные цифры, Пикетт решил, что нажал не ту кнопку. Он снял итог и снова ввел информацию в компьютер. «Взято с собой 60 ящиков мяса, съедено — 17». Машина мгновенно вывела остаток — ...999 999 43.

Снова и снова давал он машине это простое задание, но результат был все тот же. Тогда, раздраженный, но не слишком обеспокоенный, он отправился на поиски доктора Мартенса.

Пикетт нашел астронома в «камере пыток» — маленьком гимнастическом зале, затиснутом между складом запасных частей и переборкой, отделявшей контейнер с горючим от остальной части корабля. Каждый член экипажа должен был ежедневно заниматься здесь по часу, чтобы в условиях невесомости мускулы не одрябли. С выражением мрачной решимости на лице Мартенс сражался с целой связкой мощных пружин. Когда Пикетт доложил о случившемся, лицо астронома стало еще мрачнее.

Несколько проб на главном входе компьютера подтвердили их худшие опасения.

— Машина сошла с ума, — сказал Мартенс. — Она даже не может складывать и вычитать.

— Но ведь ее можно исправить!

Мартенс покачал головой. Он потерял всю свою обычную самоуверенность. Пикетт подумал, что он стал похож на надувную резиновую игрушку, из которой выходит воздух.

— Даже построившие ее специалисты не могли бы ничего теперь поделать. Это же сплошная масса микроконтуров, соединенных так же плотно, как клетки человеческого мозга. Механизм памяти все еще действует, но от решающего устройства — никакого толку. Оно просто бессмысленно перемешивает цифры, которые вы в него вводите.

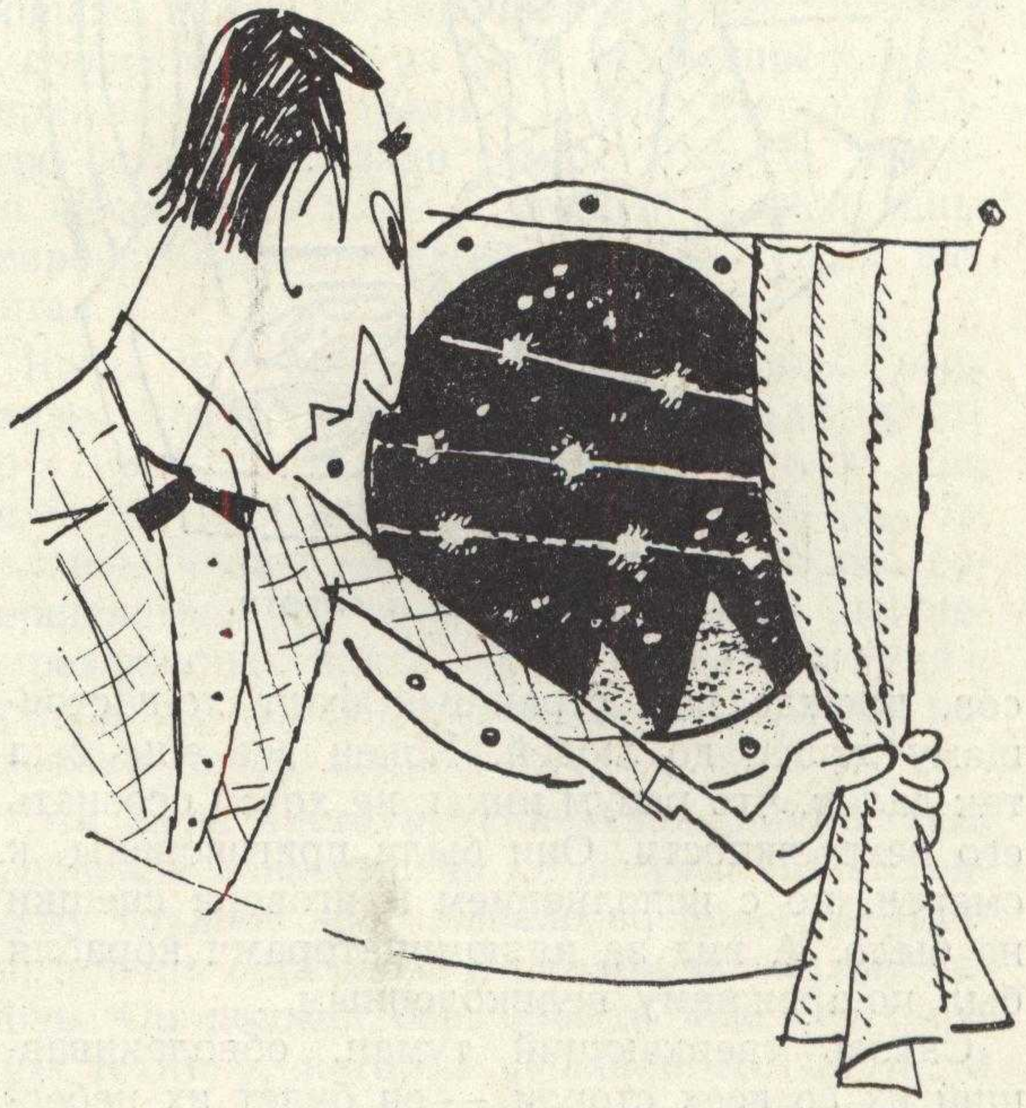
— Ну, и что же все это означает? — спросил Пикетт.

— Это означает, что все мы мертвы, — сухо ответил Мартенс. — Без компьютера нам крышка. Орбиту для возвращения на Землю рассчитать невозможно. Целая армия математиков затратила бы не одну неделю, чтобы высчитать это на бумажке.

— Но это же просто смешно! Корабль в отличном состоянии, еды и горючего сколько угодно. И вы говорите, что все мы помрем только потому, что не сможем перемножить несколько чисел.

— Несколько чисел! — ответил Мартенс с оттенком мрачного юмора в голосе. — Коренное изменение курса, вроде того, которое необходимо для отрыва от кометы и вывода корабля на орбиту для возвращения на Землю, требует около ста тысяч отдельных арифметических действий. Машина и та тратит на эту работу несколько минут!

Пикетт не был математиком, но он знал об астронавтике достаточно, чтобы понять создавшееся положение. Путешествующий в пространстве корабль находится под влиянием многих небесных тел. Главная сила, дей-

«Бусинки на нитке!» — сверкнула мысль.

ствующая на него, — тяготение Солнца. Это оно удерживает планеты на их орбитах. Но и каждая планета притягивает корабль в свою сторону, хотя и неизмеримо слабее. Учесть все эти силы, больше того, использовать их себе на пользу, чтобы достигнуть цели, лежащей за миллионы миль, — задача фантастической сложности. Он мог понять отчаяние Мартенса. Ни одну работу невозможно выполнить без подходящих инструментов, и ни одна работа не требует более совершенных инструментов, чем эта.

Даже после того, как капитан объявил о несчастье, даже после общего совещания экипажа, когда вся команда собралась обсудить чрезвычайное положение, прошло немало ча-

Он был приговорен к смерти.

сов, прежде чем страшный факт по-настоящему дошел до людей. Конец все еще был так далек, что разум никак не хотел осознать его неизбежности. Они были приговорены к смерти, но с исполнением приговора спешки не было. А вид за иллюминаторами корабля был по-прежнему великолепным...

Сквозь сверкающий туман, обволакивавший их со всех сторон, — он будет их небесным памятником до скончания мира! — ярко, точно фонарь маяка, сиял Юпитер, затмевая свет звезд. Кое-кто из них был бы еще жив, когда корабль пройдет мимо этого величайшего из сынов Солнца, если бы остальные согласились пожертвовать собой. «Но стоит ли тянуть несколько лишних недель, — спросил себя Пикетт, — только чтобы увидеть собственными глазами то, что Галилей первым заметил в свой примитивный телескоп четыре столетия назад, — спутники Юпитера, снующие взад и вперед, словно бусинки по нитке невидимого ожерелья?»

Бусинки на нитке. С этой мыслью полузабытые воспоминания детства ярко вспыхнули в его сознании. Исподволь они преследовали его уже несколько дней, ища путь наружу. Теперь наконец они пробились и завладели его лихорадочно работающим мозгом.

— Нет! — вскрикнул он громко. — Это же чепуха! Они поднимут меня на смех!

— Ну и что? — отвечала другая половина его разума. — Тебе же нечего терять! Даже если из этого ничего не выйдет, по крайней мере все будут хоть чем-то заняты, когда запасы еды и кислорода станут подходить к концу. Даже самая смутная надежда лучше, чем никакой.

Он перестал теребить рычажки магнитофона. Нечего ныть и причитать о горькой судьбе! Отстегнув эластичный пояс, удерживавший его в кресле, он отправился на склад поискать нужные материалы.

— Эта штука не в моем вкусе, — сказал доктор Мартенс, когда Пикетт через три дня явился к нему. Он презрительно посмотрел на шаткое сооружение из проволочек и деревяшек, которые Пикетт держал в руке.

— Я так и думал, что вы это скажете, — сдержанно ответил Пикетт. — Но послушайте меня одну минуту! Моя бабушка была японкой, и мальчишкой я слышал от нее одну историю, о которой я впервые вспомнил всего несколько дней назад. Мне кажется, эта штука может спасти нам жизнь. А история такова. Как-то вскоре после второй мировой войны устроили состязание между американцем с электрической конторской машиной и японцем, который использовал простые счеты вроде этих. И счеты победили.

— Значит, это была плохая машина или неопытный служащий.

— Это была лучшая машина, какая только нашлась в американской армии. Но хватит спорить, давайте испробуем. Назовите мне пару трехзначных чисел, а я их перемножу.

— Ну, 856 на 437.

Пальцы Пикетта запрыгали по рядам костяшек с молниеносной быстротой. На счетах было двенадцать рядов. Это позволяло либо оперировать с цифрами до 999 999 999 999, либо разделить их на секции и производить несколько мелких действий одновременно.

— 374 072, — сказал Пикетт меньше чем через полминуты. — А теперь посмотрим, за сколько вы это сделаете с карандашом и бумажкой.

Прошло значительно больше времени, прежде чем Мартенс, который, как все математики, был не слишком силен в арифметике, объявил итог — 375 072. Быстрая проверка показала, что Мартенсу понадобилось по крайней мере в три раза больше времени, чем Пикетту, чтобы получить к тому же неверный результат. На лице астронома отразилось огорчение, смешанное с удивлением и любопытством.

— Где вы научились таким штукам? — спросил он. — Я думал, на них можно только складывать и вычитать.

— Гм... Собственно, умножение и есть всего-навсего последовательное сложение, ведь так? Я просто отложил число 856 в единичном ряду семь раз, в десятичном — три раза и в сотенном — четыре. Пользуясь карандашом и бумагой, вы делаете то же самое. Конечно, есть приемы ускорить счет, но если вам кажется, что я быстро считаю, вы бы посмотрели на брата моего деда. Он служил в банке в Иокогаме, и, когда он считал на полную скорость, его пальцев просто не было видно. Он меня научил некоторым трюкам, но за двадцать лет я забыл большинство из них. Я тренируюсь всего несколько дней и пока еще довольно слаб. Все равно, надеюсь, я убедил вас, что мое предложение не такая уж чепуха?

— Да, конечно, впечатление сильное. А делите вы так же быстро?

— В общем, почти так же, если достаточно наловчиться.

Мартенс взял счеты и начал задумчиво щелкать костяшками. Потом вздохнул:

— Занятная штука, только вряд ли она нам поможет. Пусть даже она считает в десять раз быстрее, чем если считать с карандашом и бумагой, — а ведь это все-таки не так! — зато электронная машина быстрее — в миллион раз.

— Я думал об этом, — ответил Пикетт с легким нетерпением. «Все-таки Мартенс слаб, — подумал он, — до чего быстро сдал! А как же астрономы обходились сто лет назад, когда еще не было компьютеров?» — Вот что я хочу предложить. А вы скажите, есть ли в моем плане изъяны...

Подробно и серьезно он изложил свой план. По мере того, как он говорил, Мартенс все больше становился самим собой и наконец засмеялся. Это был первый смех, который Пикетт услышал на борту «Бросающего вызов» за последние несколько дней.

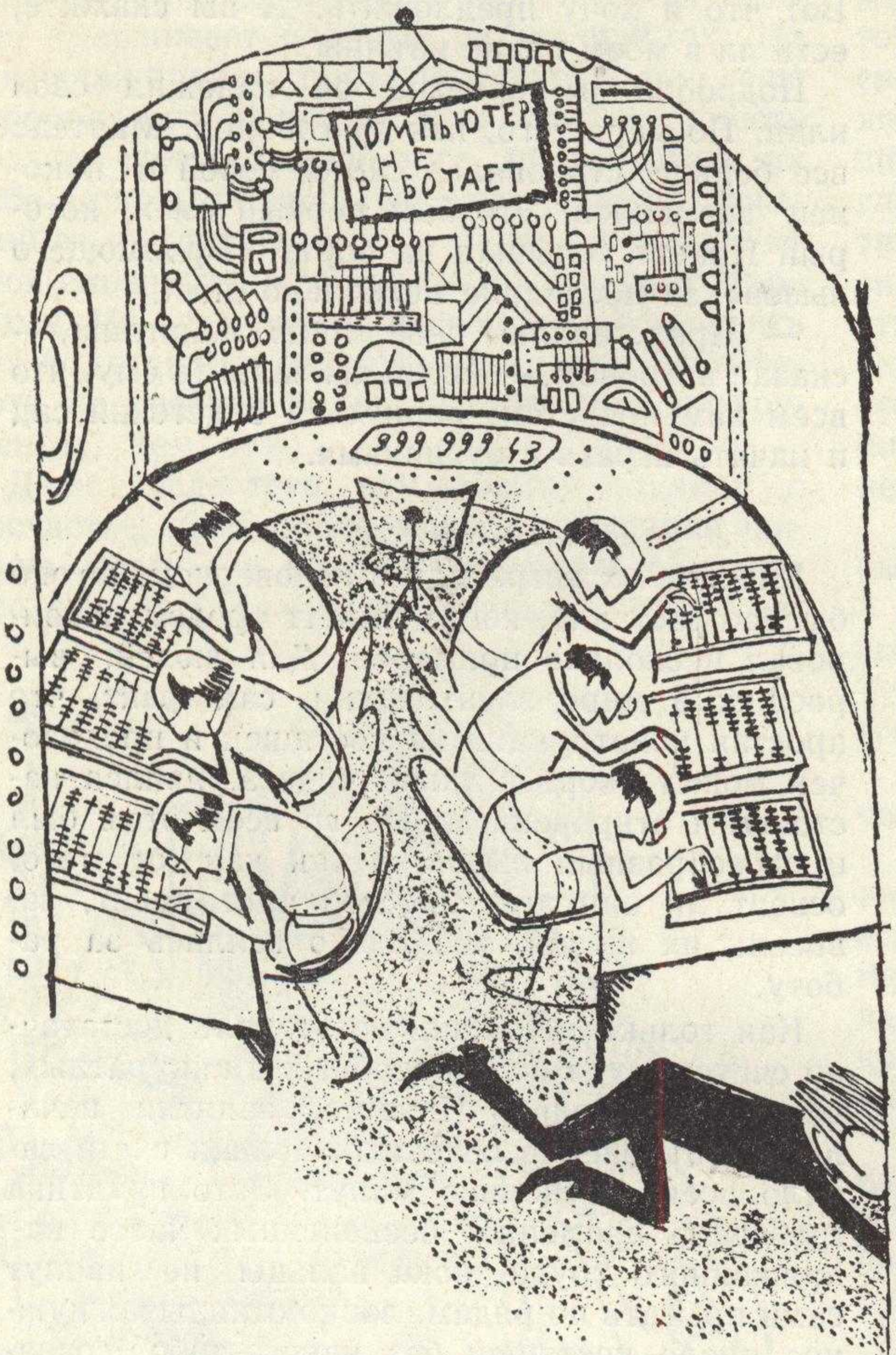
— Представляю себе лицо капитана, — сказал астроном, — когда вы заявите ему, что всем нам предстоит вернуться в детский сад и начать играть с бусинками.

Вначале их встретили с недоверием, но оно быстро растаяло, когда Пикетт продемонстрировал несколько примеров. Для людей, выросших в мире электроники, сам факт, что простая конструкция из костяшек и проволочек может творить такие чудеса, явился настоящим откровением. Но во всем этом был и своеобразный вызов, и так как от того, освоят ли они этот простой инструмент, зависели их жизни, все рьяно взялись за работу.

Как только механики изготовили достаточно счетов, куда более удобных и аккуратных, чем грубая модель Пикетта, занятия начались. Объяснение основных правил счета заняло всего несколько минут. Зато практика требовала времени — бесконечных часов напряженного труда, пока пальцы не начнут сами прыгать по рядам, ловко откидывая нужное число костяшек без какого-либо сознательного контроля мозга. Кое-кто из членов экипажа так и не приобрел нужной точности и скорости даже за неделю беспрерывных упражнений. Но были и такие, которые быстро оставили позади самого Пикетта. Ночами им снились ряды костяшек, и их пальцы непроизвольно двигались, умножая, деля, вычитая.

Когда они достаточно наловчились, всех разделили на группы, которые начали яростно соревноваться, пока не достигли еще большей производительности. Наконец, отдельные члены команды достигли такого совершенства, что могли перемножить два четырехзначных числа за пятнадцать секунд и приноровились поддерживать такой темп несколько часов подряд.

Это была чисто механическая работа. Она требовала ловкости, но не разума. По-настоящему трудное дело выпало на долю Мартенса, причем остальные мало чем могли ему помочь. Он должен был забыть про электронную технику, которая вошла в его плоть и кровь, и перестроить систему расчетов так,

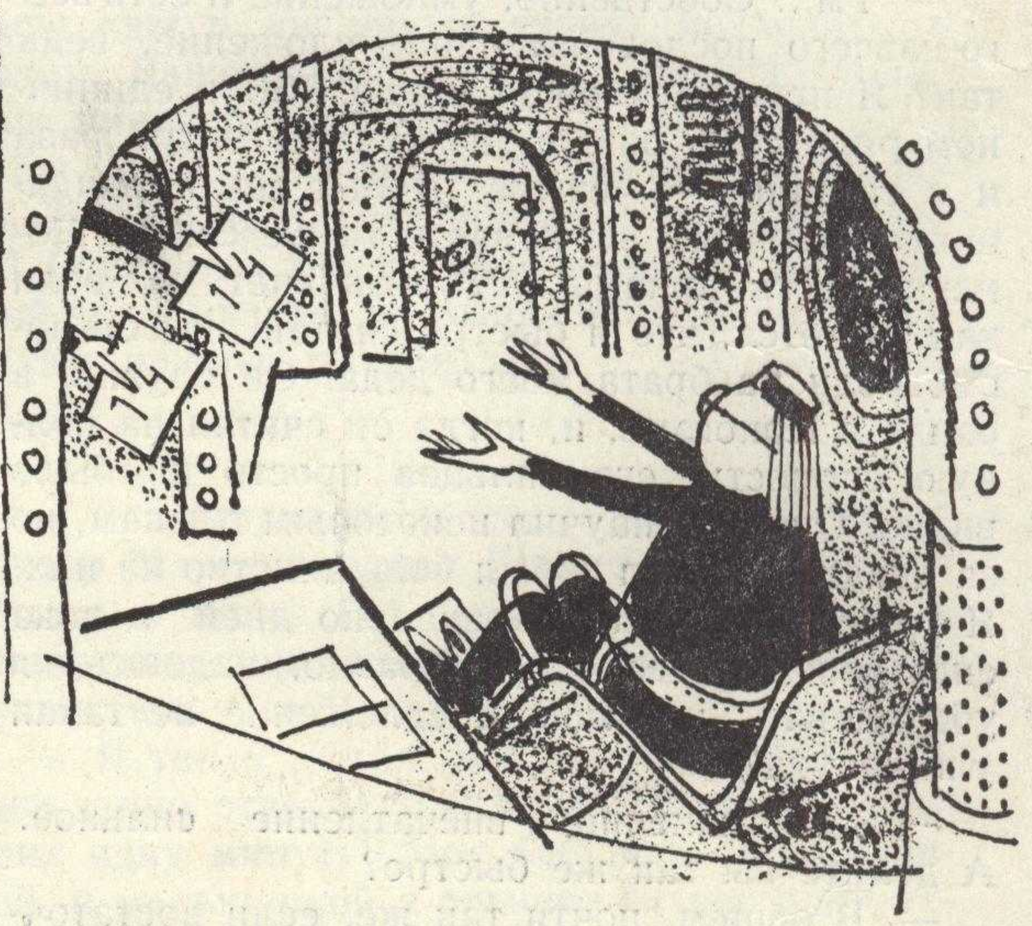
Они начали яростно соревноваться...

чтобы люди могли выполнять их, не имея ни малейшего представления о смысле цифр, с которыми им приходилось оперировать. Он готовил исходные данные, а затем они проделывали с ними арифметические действия по заданной программе. После нескольких часов сосредоточенного, утомительного труда поточная линия из людей, вооруженных счетами, выдавала нужный результат, — если, конечно, по пути не вкрадывалась ошибка. Чтобы застраховаться от таких ошибок, все операции одновременно выполнялись двумя группами, время от времени сверявшими промежуточные итоги.

Наконец пришло время, когда Пикетт мог вспомнить о своих слушателях, для которых он уже не чаял когда-нибудь снова готовить передачу. Он заперся в своей каюте и включил магнитофон.

«Вы спрашиваете, как нам это удалось? — задумчиво проговорил он в знакомый микрофон. — Просто мы создали компьютер из живых существ вместо электронных контуров. Конечно, он в несколько тысяч раз медленнее, не может переваривать столько информаций и в довершение всего быстро устает, но дело он делает. Бесспорно, он не может обеспечить управления кораблем на всем пути до Земли: это слишком сложно, — но он способен вывести нас на такую орбиту, которая позволит покинуть зону действия кометы. Как только мы освободимся от радиопомех, мы сможем передать на Землю наши примерные координаты. Тогда ее мощные электронные машины подскажут нам, что делать дальше.

Корабль уже оторвался от кометы, его больше не уносит прочь из солнечной системы. Наша новая орбита соответствует расчетной с точностью, на которую только можно было надеяться. Мы все еще не вышли из

хвоста кометы, но ее голова уже в миллионах миль от нас. Пусть аммиачные льды мчатся к звездам сквозь ледяной простор, а мы... мы возвращаемся домой.

Эй, Земля!.. Эй! «Бросающий вызов» говорит с тобой. Отвечай же, как только услышишь наши сигналы! Ты должна проверить нашу арифметику, пока мы не стерли пальцы до самых костей!»

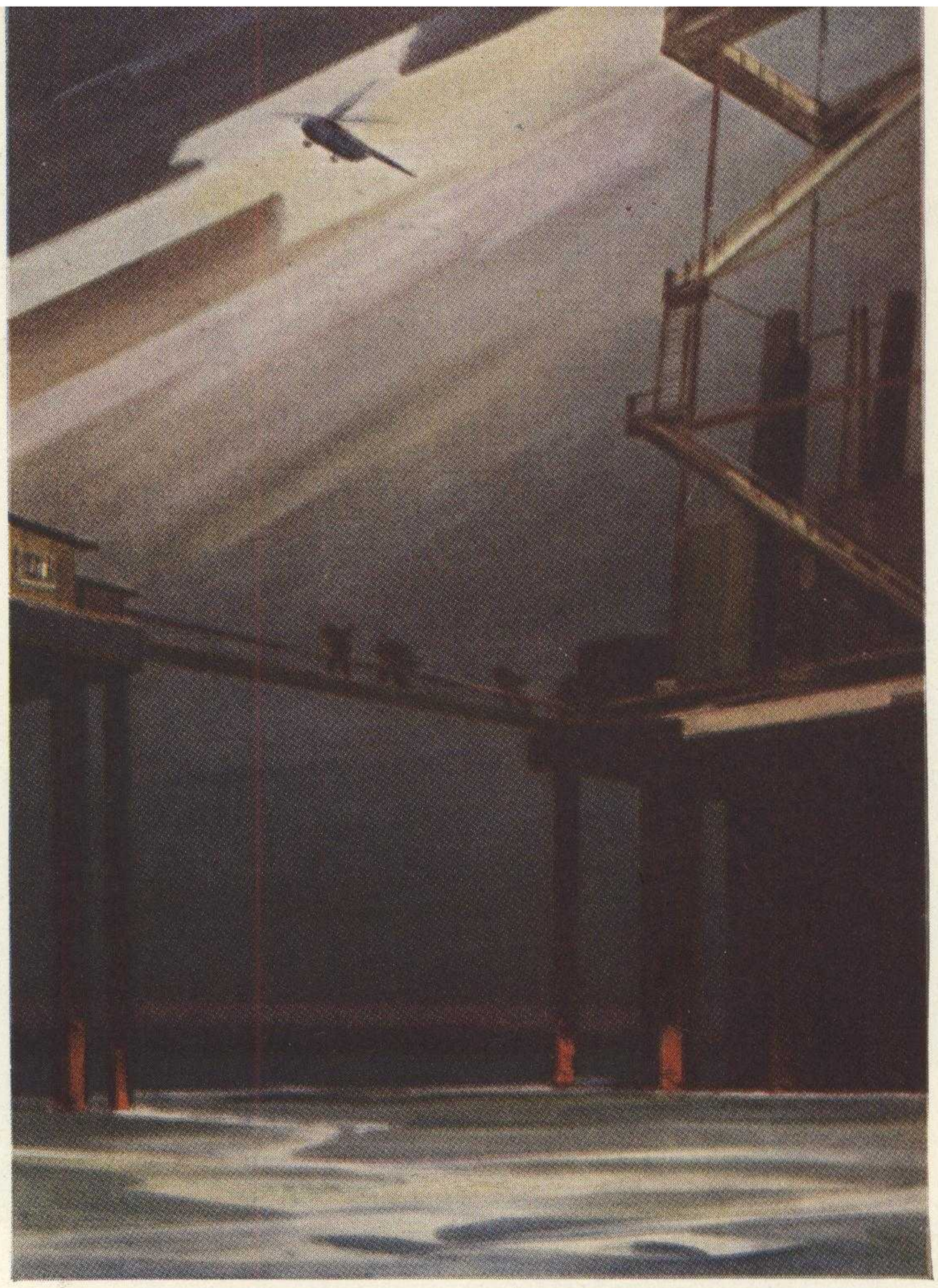
Перевел с английского
А. БОРОДАЕВСКИЙ.

Этот человек работал. Но вдруг, увлеченный новой идеей, отошел от рояля, сел и глубоко задумался. Миг острой мысли концентрирует в человеке все лучшее: силу ума, волю, душу. Так в коротких молниях концентрируется все грозовое электричество многих огромных туч. Думая, этот человек работает. Он мыслит и создает в уме такое, чего никто еще до него не сделал. Вот почему лицо его так притягательно красиво и так увлекательно интересно. Изображен на портрете композитор Кара-Караев, пишущий музыку напряженную и яркую. Автор портрета — молодой и очень талантливый художник Т. Салахов.

Поразительно трудно схватить и остановить секунду, навсегда запечатлеть на полотне само Время, но когда это получается, от картины подолгу не отходят люди.

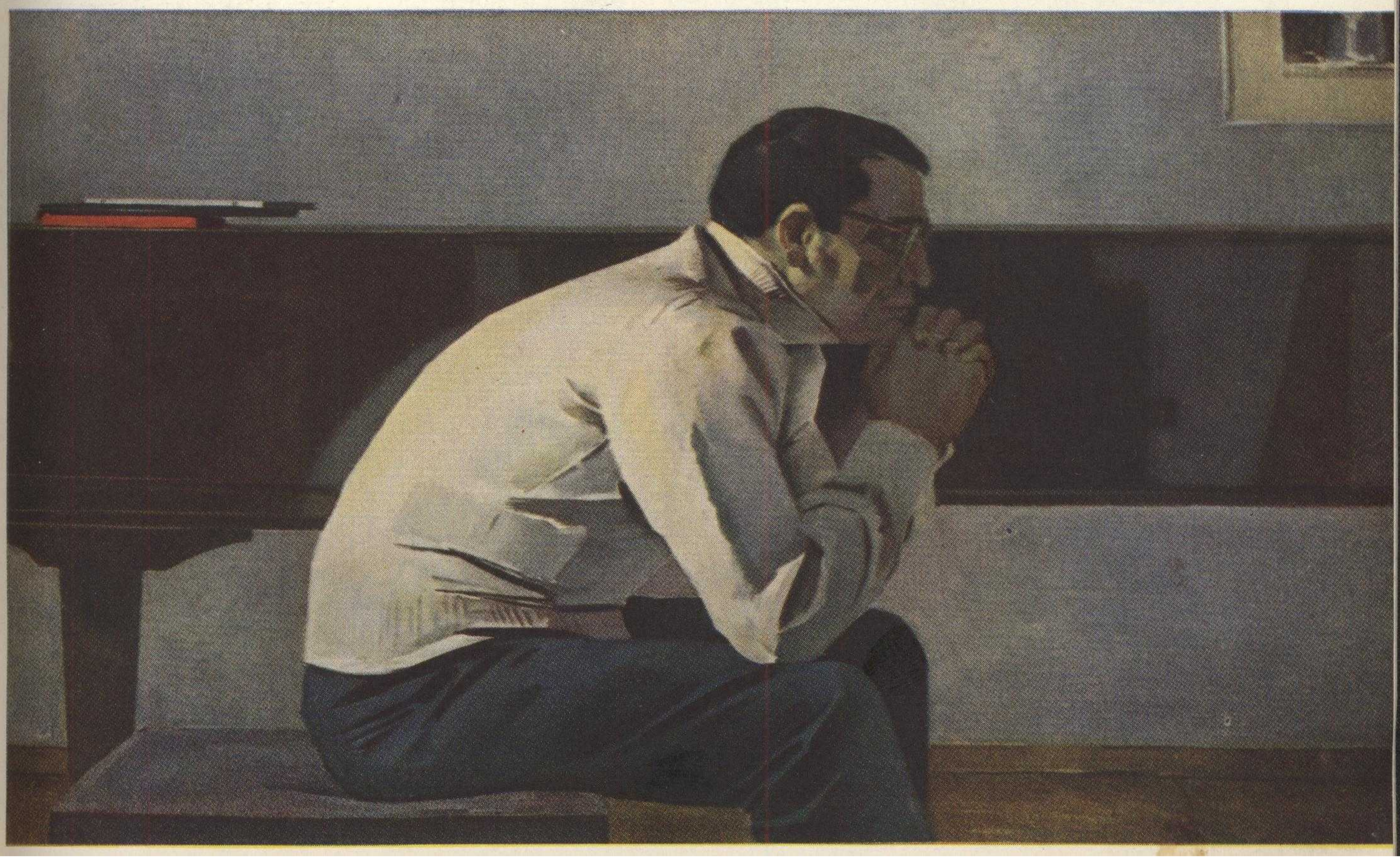
Но заметьте еще и вот что. Человек — центр картины. Он думает, и все кругом подчиняется мгновенному напряжению мысли. И недаром так вытянуто само полотно, недаром ничего лишнего нет в картине, недаром вытянулся, как аэродромная полоса разбега, черный рояль. И, конечно, недаром он как бы обрывается там, где обрывается картина, там, куда глядит человек.

Еще многое можно рассказать об этой вещи или о другой того же автора — о картине «На Каспии», помещенной рядом, но хочется, чтобы вы сами, глядя на нее, попытались разгадать и понять все то многое, что всегда таинственным образом упрятано в глубине хороших, талантливых вещей и что далеко не всякому видно. Да-да! В том-то и дело, что не всякому и вовсе не с первого взгляда. Но ведь на то и даны человеку природой ум и душа.

НА КАСПИИ. **Т. Салахов.**

ПОРТРЕТ КОМПОЗИТОРА КАРА-КАРАЕВА. **Т. Салахов.**

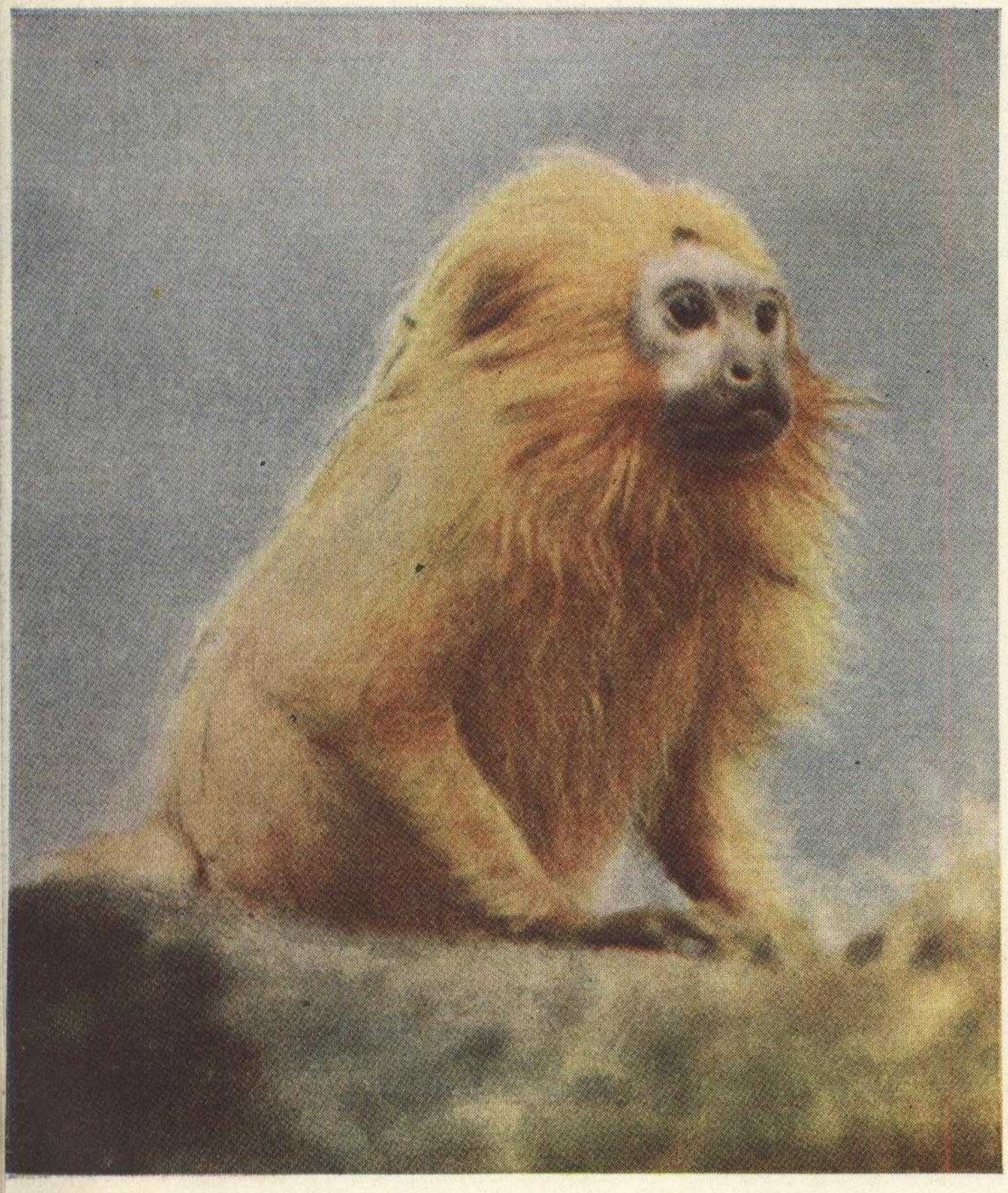
Тонкий лори.

В МИРЕ ОБЕЗЬЯН

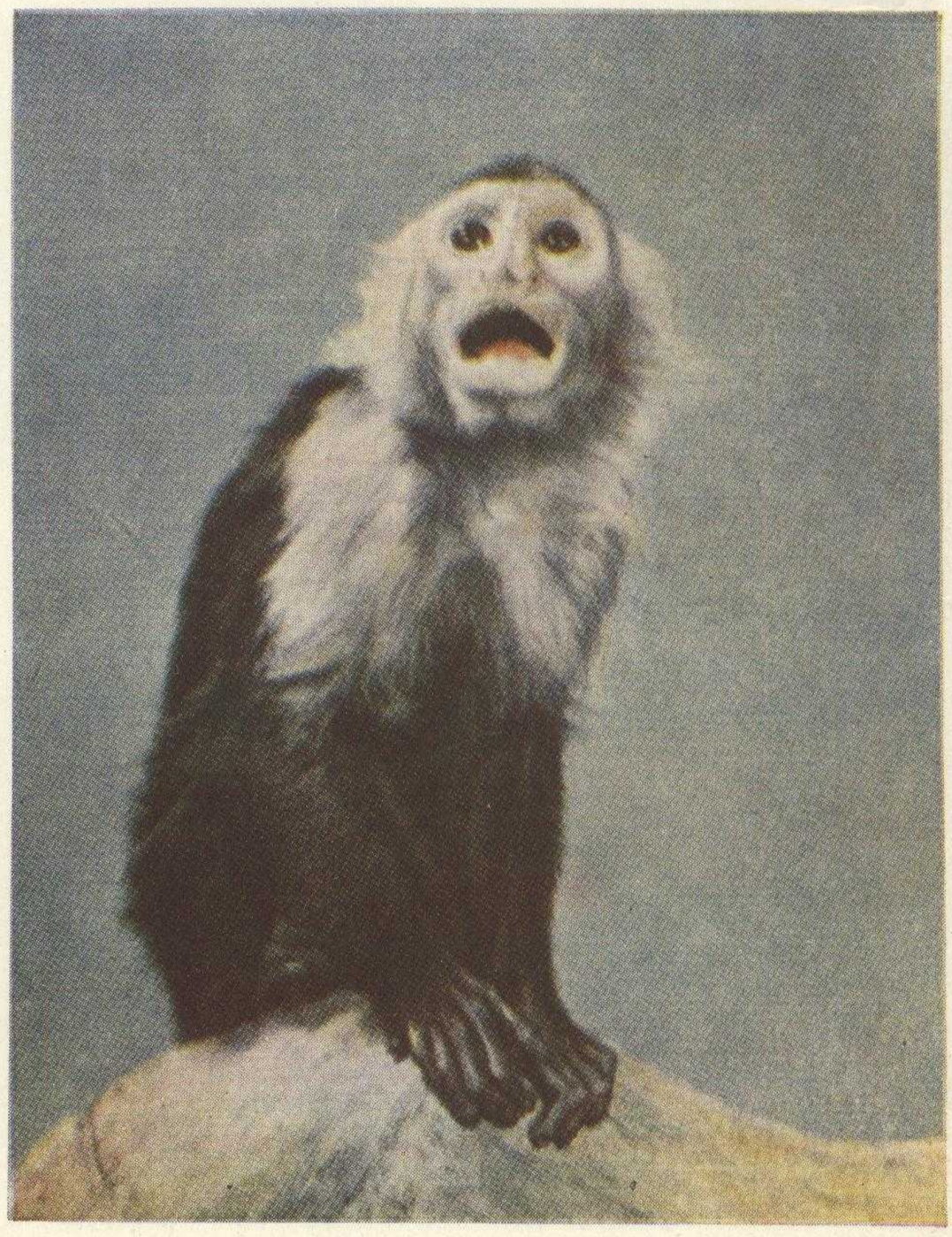
УДИВИТЕЛЬНЫЕ СУЩЕСТВА, ВЕРНО! ПРОЧИТАЙ О НИХ В ЖУРНАЛЕ.

Долгопят филиппинский.

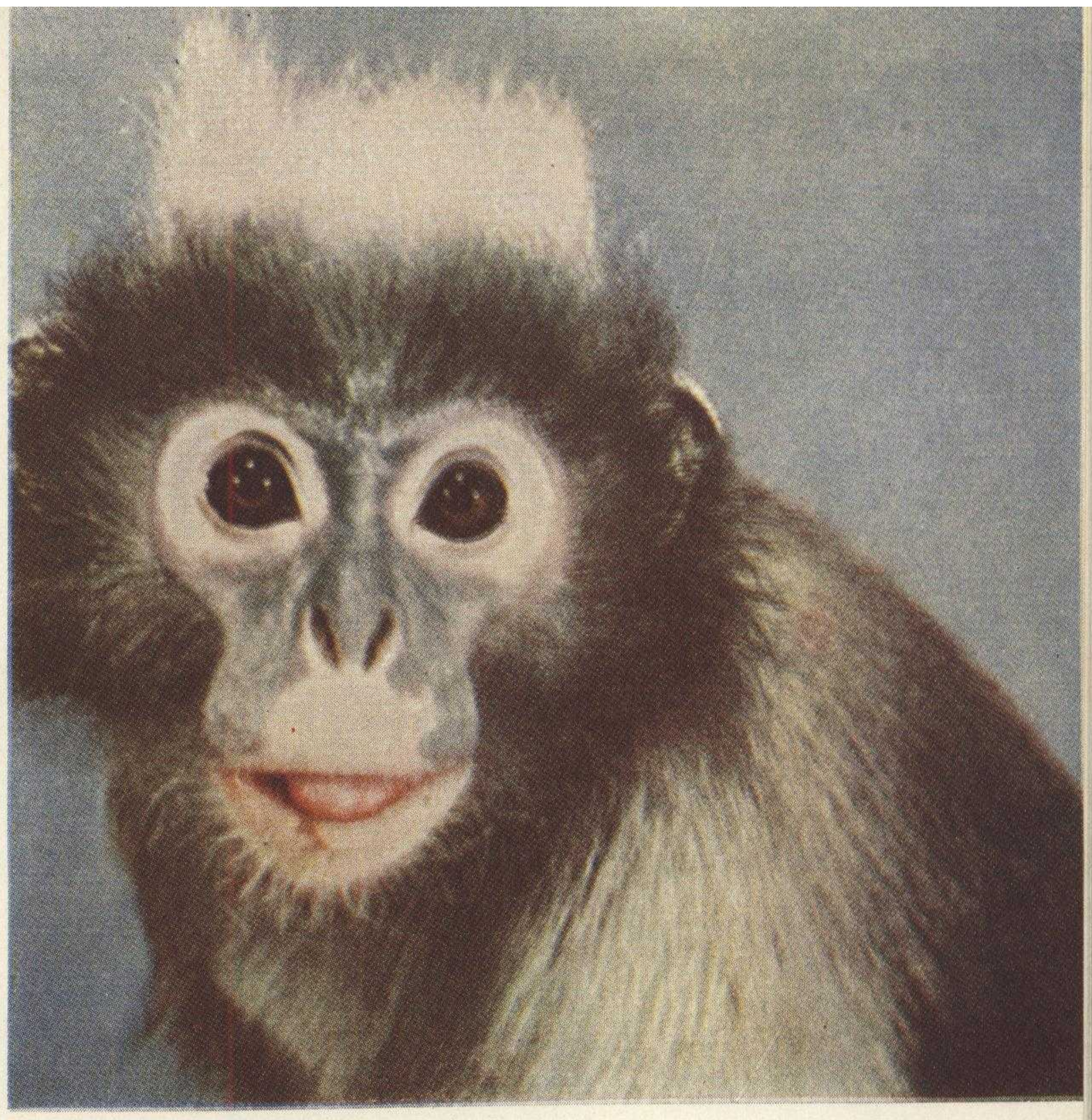
Львиная игрунка.

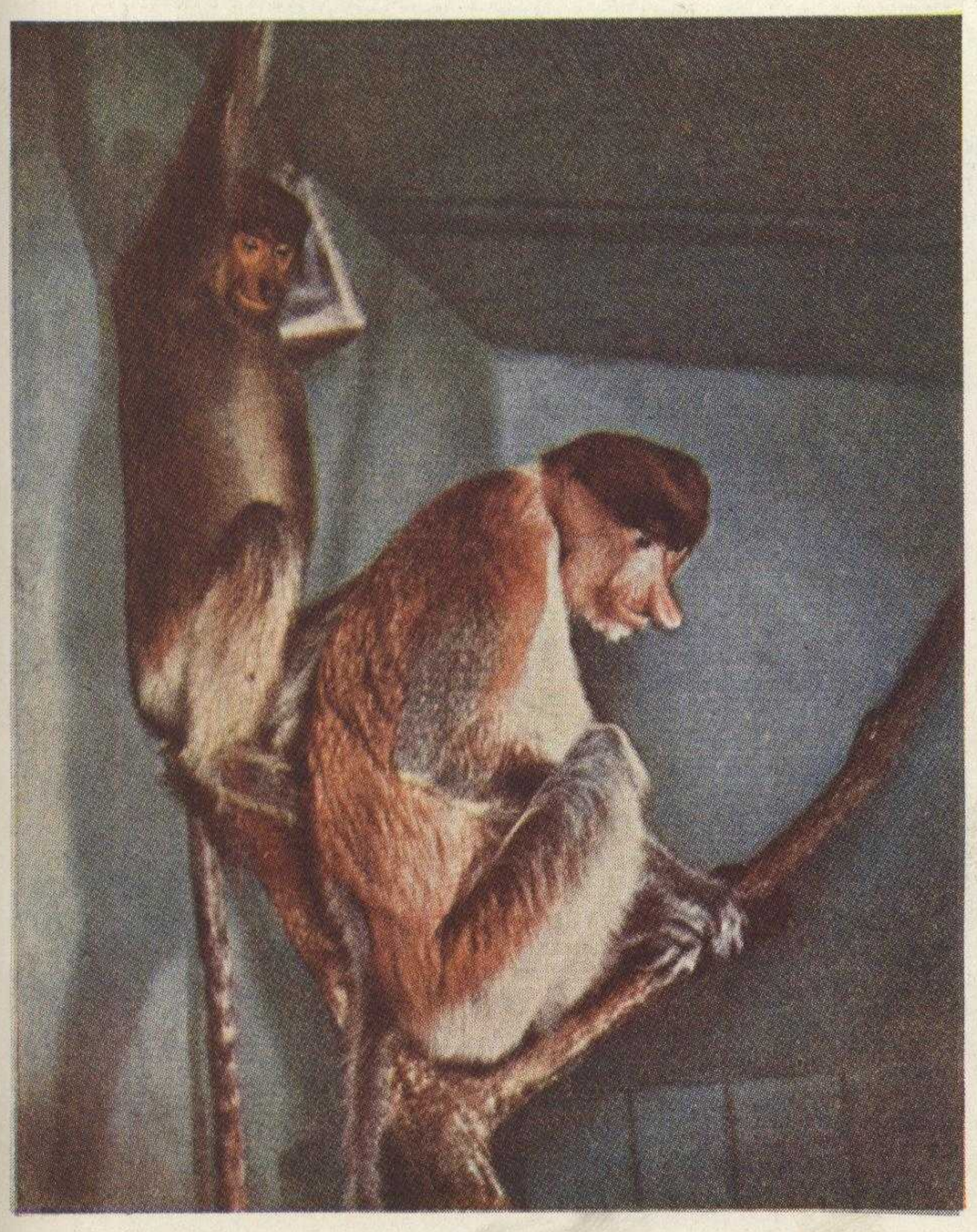
Белогорлый капуцин.

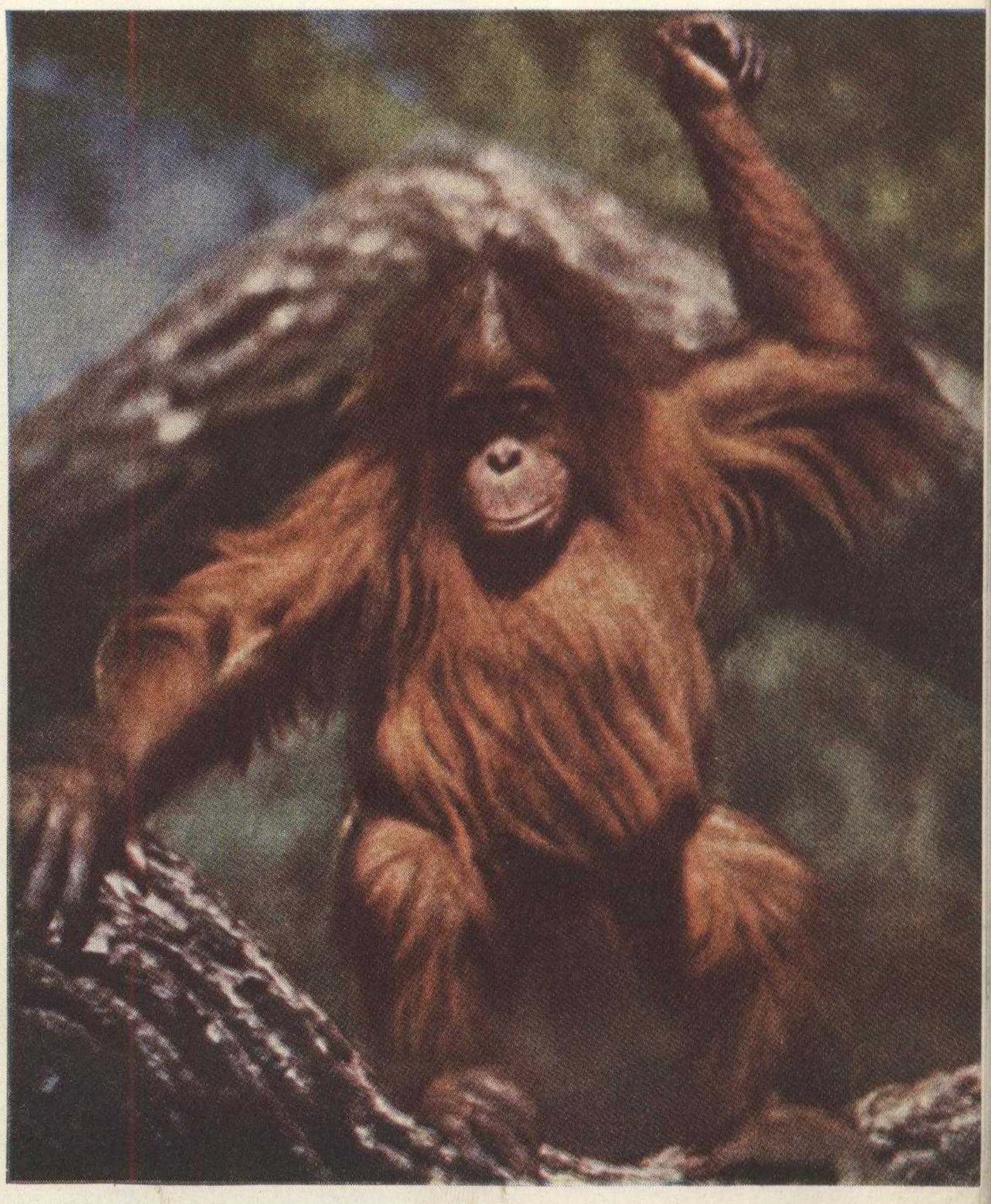
Мартышка бразовская.

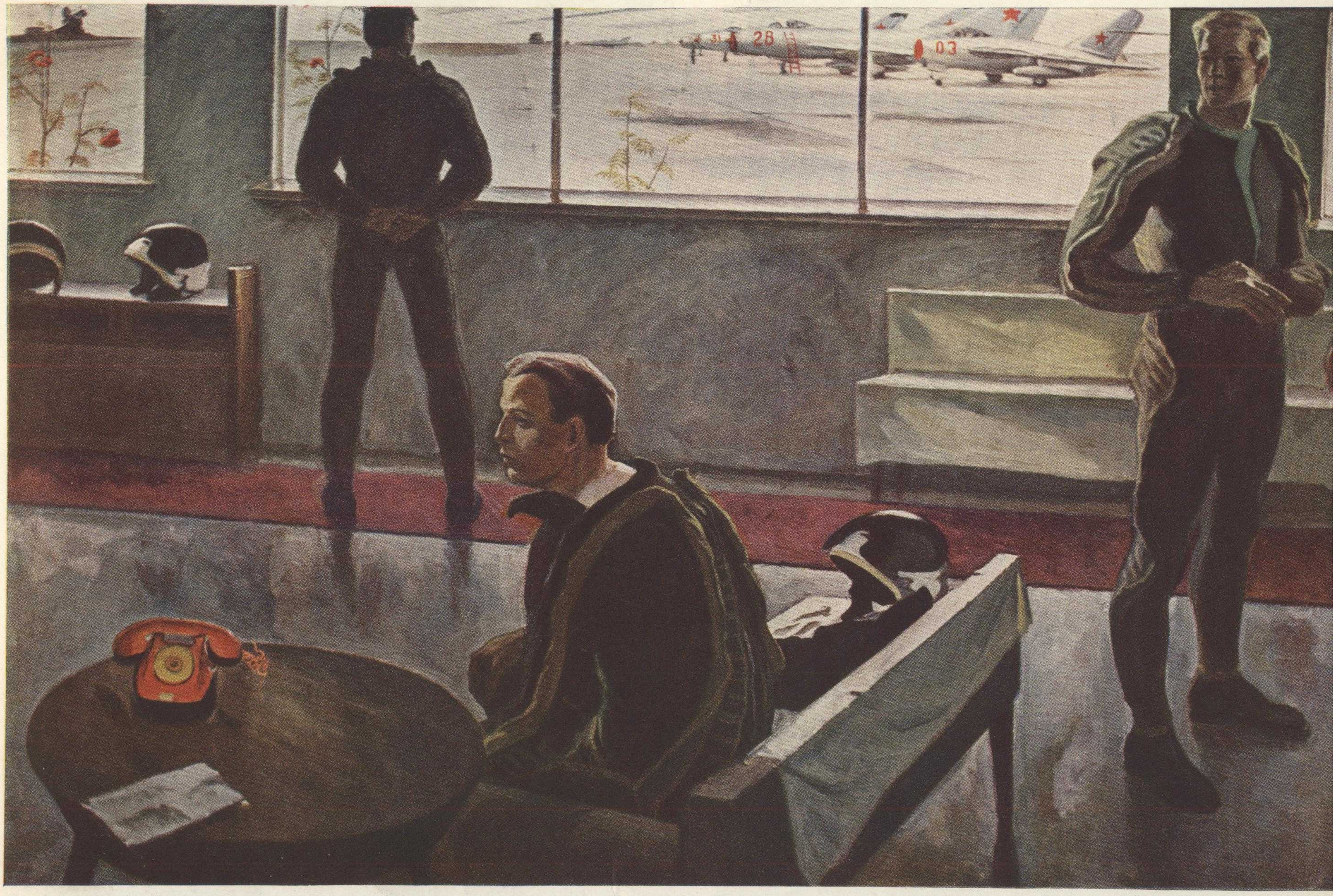
Очкастая обезьяна.

Носач обыкновенный.

Орангутан.

ПЕРЕХВАТЧИКИ.

Б. Окороков.

Анатолий МАРКУША

Цель вижу

РАССКАЗ С ОТСТУПЛЕНИЯМИ

Сумерки быстро сгущались. Горы, совсем недавно зеленые, стали густо-сиреневыми, почти фиолетовыми; небо, только что нежно-голубое, сделалось светло-серым, совсем тусклым; белая взлетная полоса потемнела, дальний ее конец растаял, растворился в вечернем мареве.

Командир звена просматривал метеосводку. Ничего хорошего синоптики не обещали: фронтальная облачность высотой нижнего края двести — двести пятьдесят метров, слоистая мощная кучевка, возможны кратковременные осадки... Дальше сведения о температуре, давлении воздуха, направлении ветра...

Дежурное звено переодевалось в летном домике.

Механики еще раз осматривали самолеты.

Радисты слушали эфир, наполненный шорохами, обрывками музыки, далекой скороговоркой морзянки.

Локаторщики, как всегда, «прощупывали» небо.

Штурман на пункте наведения взглянул на планшет и углубился в свежий номер газеты...

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дежурное звено истребителей-перехватчиков — боевая единица Военно-Воздушных Сил. Оно отвечает за воздушную безопасность определенного района.

Дежурное звено должно быть в постоянной готовности к вылету, обнаружению противника, атаке и уничтожению врага на дальних подступах к цели.

Звено — это люди и техника: летчики, механики, специалисты многих профессий; самолеты, ракетные устройства, сложные электронные приборы.

Звено майора Кузнецова приняло дежурство.

В тихом домике четверо крепких, плечистых, очень спокойных людей, казалось, расположились на отдых.

Тренировочные спортивные костюмы, партия шахмат, приглушенная музыка в транзисторном радиоприемнике, полусвет неярких ламп — решительно ничего не говорило о боевой обстановке.

Всякий, кто хоть сколько-нибудь интересуется авиацией, знает, что такое воздушный бой,— сумасшедшее напряжение нервов, острое вдохновение борьбы, безумство храбрых и холодная настороженность умелых бойцов. Всякий понимает, какую нагрузку испытывает летчик при выполнении скоротечных маневров в пространстве, при полете на огромных высотах, где едва обнаруживаются следы кислорода, где воздух настолько разрежен, что крыльям почти не на что опереться.

Но мало кому известно, как нелегко ждать. Ждать на земле. Иногда час, иногда много часов подряд, иногда дни, недели и даже месяцы.

Со стороны все выглядит просто: люди читают книги, играют в шахматы, разговаривают о рыбалке, смеются, шутят, пьют чай, разыгрывают кого-то... Это внешне. А внутри в каждом живет постоянное напряжение, цепкое, упорное, не исчезающее даже во сне.

Одно слово команды — и человек будет вырван из привычного мира.

Словно стрела, пущенная невидимым луком, он вознесется над землей, над мирными огнями и помчится в пространство, чтобы перехватить и уничтожить точку — цель...

Это после команды.

А до команды ты можешь решать кроссворд в «Огоньке», или упиваться «Похождениями бравого солдата Швейка», или

просто валяться на диване и глазеть в потолок — дело вкуса...

Капитан Шестериков подошел к окну, отдернул занавеску и, приложив лоб к стеклу, долго вглядывался во все сгущавшуюся темноту.

— Горы закрыло,— сказал он,— через полчаса будет здесь.

И все поняли: горы закрыты облаками, через полчаса непроницаемый полог накроет и аэродром. Никто не удивился, никто не выразил ни возмущения, ни досады. Только командир звена сказал:

— Коля, позвони на метео, спроси, как давление...

Коля позвонил и узнал: давление падает, падает несколько быстрее, чем можно было ожидать.

— Это уже свинство,— сказал майор Кузнецов и переставил своего белого коня на черное поле.

Дежурство продолжалось.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Каждый летчик должен знать свой самолет. Это очевидно. Человек, управляющий любой машиной, обязан досконально изучить ее. Иначе машина не подчинится человеку, может подвести его в самый неожиданный момент.

Самолет тоже машина, но в отличие от всех прочих машин самолет имеет одну очень важную особенность: в полете его нельзя остановить, нельзя задержать. В трудную минуту летчик не может призвать на помощь товарища и посоветоваться с ним: «Как быть? Что-то мне не нравится поведение этого (или другого) прибора». И даже в конспект заглянуть нельзя: руки заняты, голова занята, и потом при скорости 1800 километров в час машина преодолевает в секунду ни мало ни много — 500 метров.

Летчик дежурного звена машину, оборудование, вооружение, всю «начинку» изучил заранее, досконально, на совесть. И зачеты сдал не ниже чем на четверку. С тройкой никто не рискнет допустить его на дежурство.

В летном домике зазвонил телефон. Майор Кузнецов поднял трубку.

— Командир дежурного звена майор Кузнецов слушает.

— Паре готовность номер два.

— Вас понял: паре готовность номер два.

И, прежде чем майор успел положить трубку на рычаг, капитан Шестериков и капитан Лакоба начали надевать противоперегрузочные костюмы.

Не спеша, но быстро летчики облачились в одеяние, состоящее, казалось, наполовину из шнурков, наполовину из застежек-«молний». Прошло всего несколько минут, и пара была готова. Запеленатые в облегающие костюмы, они уже не принадлежали привычному, земному миру.

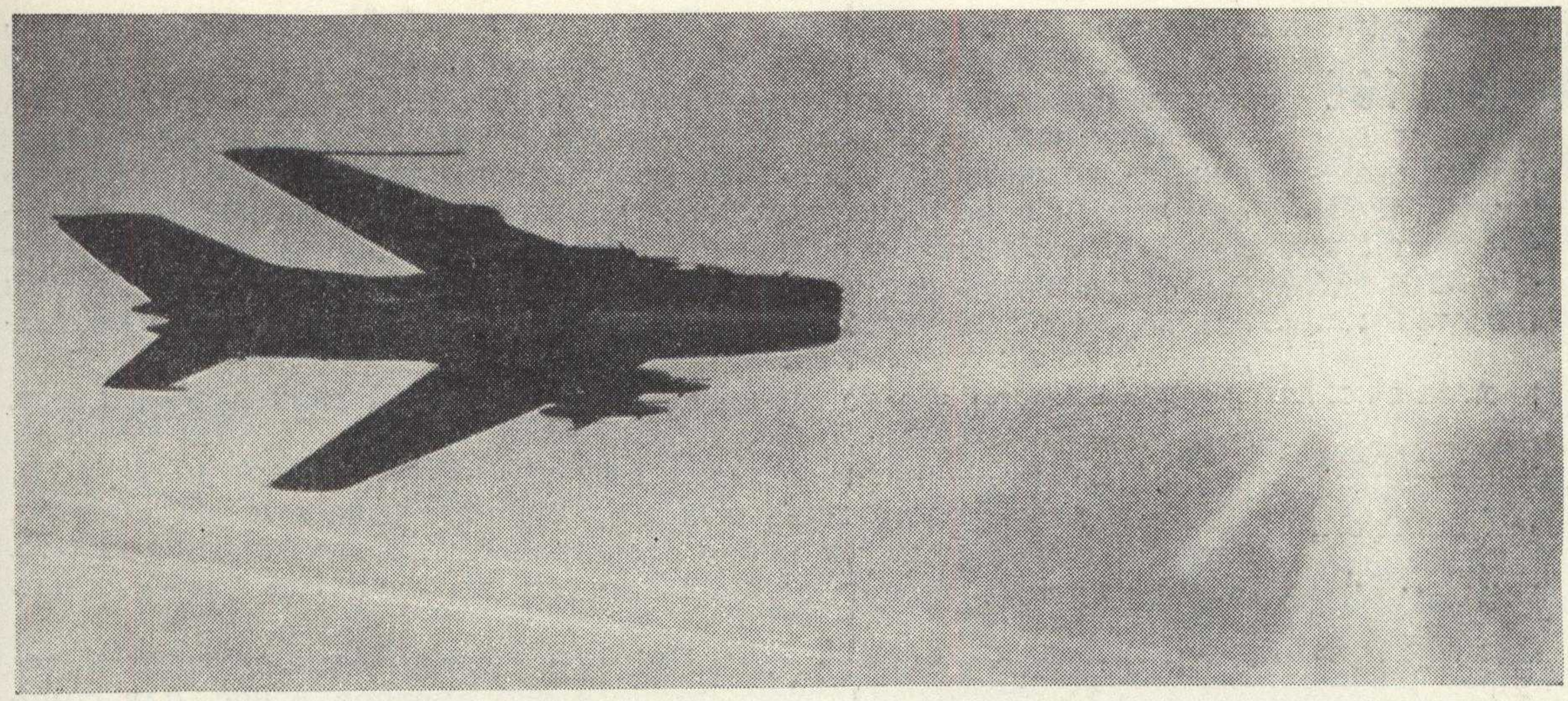
Раньше, в старых журналах, такими рисовали марсиан, пришельцев с далеких, неведомых планет. Но на деле все выглядит куда проще. В стремительном, сверхзвуковом полете костюм-корсет помогает людям переносить перегрузки, возникающие при энергичном маневре, при изменении скорости и направления. В нужный момент автоматическое устройство подает во внутренние полости костюма сжатый воздух, костюм плотнее прилегает к телу, не дает крови оттечь от жизненно важных органов, помогает человеку побороть внешнюю силу, рожденную изменением скорости полета или ее направлением...

Капитан Шестериков и капитан Лакоба присели в кресла. Под рукой гермошлемы, планшеты с картами. Шестериков прикрыл глаза. Дышал ровно и глубоко. О чем думал он в эти минуты, не знаю. Знаю, он был готов к полету, а пока... пока капитан просто дышал самым лучшим воздухом на свете — воздухом земли, настоянным на травах, увлажненным вечерней росой, прохладным воздухом своей родины.

На командном пункте штурман давно уже забросил газету.

Штурман принимал информацию от локаторщиков. Информация была тревожной.

На экране кругового обзора появилась подозрительная засветка. Засветка маневрировала и продвигалась туда, куда продвигаться ей было не положено.

Сверхзвуковой самолет-перехватчик в стратосфере.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Засветка — это знак невидимого самолета.

Когда антенна локатора медленно обращается вокруг своей оси, она как бы выбрасывает в пространство громадный сверхчувствительный палец. Если небо пусто, на экране локатора виден только след пальца — зеленый светящийся лучик. Но стоит пальцу натолкнуться на цель, как от того места, где радиосигнал обнаружил «препятствие», пойдет отраженная волна и приемник зафиксирует засветку. Это значит: в небе появилась цель. Немедленно локатору делаются известны ее координаты в пространстве, скорость, направление движения...

На всякий случай пара истребителей-перехватчиков будет переведена в готовность номер два, а дежурный штурман, не отрывая глаз от экрана, станет выяснять, что за цель появилась в небе — «свой» или «чужой».

О каждом полете «своих» должна знать диспетчерская служба. Кроме того, все «свои» поддерживают постоянную связь с землей на определенных радиоволнах и могут в любую минуту быть вызваны на радиоразговор.

Штурману цель не нравилась. Нет, прямой угрозы от нее не исходило, но... вела себя цель странно: часто ломала курс следования, то и дело меняла высоту полета.

Штурман дал знать по команде «Вижу цель» и уточнил ее координаты.

Цель взяли под присмотр щупальца многих локаторов.

Обстановка сразу же изменилась.

Сигнал боевой тревоги получили ракетчики, несущие свое бессонное дежурство.

Земля насторожилась, изготовилась к отражению противника.

Пара капитана Шестерикова была переведена в готовность номер один.

Не выглядывая за окно командного пункта, штурман узнал об этом.

В динамике щелкнуло, и над головой штурмана прозвучал чуть приглушенный голос Шестерикова:

— Капитан Шестериков готовность номер один занял.

И следом:

— Капитан Лакоба готовность номер один занял.

— Шестериков, Лакоба, вас понял,— говорит штурман и очень спокойно, очень сдержанно уточняет данные.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Если вы решали задачу: «Поезд из пункта А вышел в девять часов утра, а поезд из пункта Б — двумя часами позже»,— вам нетрудно понять смысл наведения при перехвате.

Штурман, пользуясь данными воздушного наблюдения, должен решить, когда поднять в воздух самолет-перехватчик, какой назначить ему режим полета (направление, скорость, высоту), чтобы «свой» перехватил «чужого» не дальше и не ближе определенного рубежа, чтобы, сблизившись с «чужим», «свой» оказался в выгодном положении для ведения огня, чтобы он не опоздал и не проскочил мимо противника...

В принципе это то же самое: «Из пункта А вышел один поезд, из пункта Б — другой».

Но... и тут начинается самое главное.

Поезд идет по рельсам, и потому курс его известен раз навсегда. Самолет в небе может в любой момент изменить направление полета. Поезд, правда, может останавливаться, но зато самолет — менять высоту.

И, наконец, скорость самого быстрого поезда—сто двадцать километров в час, для самолета же даже две тысячи километров в час далеко не предел.

И последнее: если, решая задачу с поездами, вышедшими из пунктов А и Б, ты что-нибудь напутаешь, самое большое огорчение — двойка. Штурман же ничего напутать не имеет права: слишком велика его ответственность, слишком много бед может натворить даже один-единственный самолет противника!

Самолет-перехватчик устремился к цели.

Время двадцать три ноль семь. Команда дана: «Перехват!».

Вылетает капитан Шестериков.

В бешеном громе, в обвальном грохоте стартует самолет-перехватчик со взлетно-посадочной бетонированной полосы. Двигатели на максимальном режиме, медленно поднимается нос машины, постепенно разгружается шасси — крылья уже несут самолет, еще мгновение-другое, и карающая стрела в воздухе.

Теперь — вверх, вверх, вверх...

Мелькнули и сразу же исчезли земные огни — теплые, надежные, дружественные. Кругом непроглядная чернота ночных облаков — ни горизонта, ни верха, ни низа; только мрак. Это за остеклением кабины. А в самой кабине голубоватый свет, вздрагивающие, дышащие стрелочки приборов на пультах и шорох далекой земли в наушниках шлемофона...

Погода испортилась и продолжает портиться, но теперь не те времена, когда дождь, или снег, или низкие облака ставили на прикол авиацию.

Шестериков выдерживает заданный курс, следит за указателем скорости, крошечными, едва заметными отклонениями рулей устраняет крен самолета.

Вверх, вверх, вверх...

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Положение самолета в пространстве человек определяет очень просто: скажем, горизонт слева приподнимается, справа — опускается, ясно — левый крен. Или: горизонт уходит вниз — значит, самолет идет вверх. Это когда горизонт виден.

А когда горизонт не виден, единственный способ сориентироваться в пространстве — полностью довериться приборам и в первую очередь искусственному горизонту.

Вот под стеклом прибора крошка-самолетик качнулся вправо; верь: твоя большая машина тоже качнулась вправо.

Сказать «верь» просто, а на самом деле поверить не так-то легко.

Все дело в том, что вестибулярный аппарат (есть такой орган, дающий нам представление о положении тела в пространстве) связан со зрительными ощущениями. Когда глаза видят горизонт, вестибулярный аппарат работает без ошибок, но стоит горизонту исчезнуть, и «настройка» сбивается. Ты смотришь на игрушечный самолетик за стеклом прибора, видишь — накреняется вправо, умом понимаешь — правый крен, а в это же время всем телом ощущаешь, как тебя клонит влево... Ощущение ложное, ошибочное, показание прибора правильное. Но не так это просто преодолеть собственное ощущение и подчиниться показанию прибора. Тут нужны знание дела (иначе ты никогда до конца не сможешь поверить игрушечному самолетику), воля (только усилием воли можно подавить желание действовать неразумно) и опыт (лишь многократные, постоянные тренировки помогают уверенно летать вслепую).

Летчик-ночник не испытывает сомнений, летчик-ночник умеет и привык подавлять свои чувства, сохранять спокойствие даже тогда, когда верить светящимся стрелочкам приборов делается вдруг очень-очень-очень-очень, ну прямо-таки невозможно трудно.

Шестериков набирает высоту.

Теперь штурман наведения видит на локаторном экране две засветки: чужую и свою.

Маленькие зеленоватые мерцающие пятнышки плывут по затемненному экрану. Это даже красиво, если на минуту забыть, что одно пятнышко несет смерть, другое мчится на защиту жизни. Впрочем, отвлекаться штурману некогда, на посторонние мысли нет времени.

Штурман решает сложнейшую задачу: сводит две стремительные ничтожные точки в громадном, необъятном пространстве...

— Шестериков, Шестериков, Шестериков. Курс — сто восемьдесят пять, скорость (следует точная цифра)... цель — впереди, слева, дистанция...

— Вас понял,— отвечает Шестериков и повторяет полученные данные...

Но условия задачи тотчас же изменяются: пока штурман передавал команду, цель сманеврировала. Надо немедленно давать поправки.

В руках у штурмана навигационная линейка, перед глазами быстродействующее вычислительное устройство. Но, кроме всего прочего, штурману нужны еще талант, вдохновение, интуиция. Ведь противник не предупредит о своем намерении, о том, что он предпримет через минуту или через пять минут. И не надо думать, что чужой летчик глуп, слеп и хочет нарвать-

ся на наши ракеты. Его, противника, тоже чему-то учили. И у него на борту тоже есть локатор, позволяющий видеть сквозь облака, сквозь черноту ночи. Противник хитрит, маневрирует. Противник все время думает, как выполнить свое задание. Чужой не просто точка в пространстве. Это точка мыслящая, технически оснащенная, изощряющаяся...

— Шестериков, Шестериков, Шестериков, доворот влево—пять градусов, крен—тридцать, скорость...

— Вас понял: доворот влево — пять, крен — тридцать...

На земле Шестериков может быть компанейским, веселым человеком, легко возбудимым или, напротив, флегматичным. Теперь, в полете, все чувства в сторону. Никаких переживаний, никаких эмоций. Видимый Шестерикову мир сузился до границ пилотской кабины, летчик беспрерывно читает показания приборов, подчиняет машину показаниям стрелок, вносит свои поправки и исполняет приказы с земли.

Мелкими, нет, даже не мелкими, мельчайшими движениями рулей пилотирует Шестериков машину, беспрерывно получает все новую информацию, осмысливает ее и вслушивается в голос земли. Вот-вот земля выведет его на рубеж атаки.

Не пропустить этот момент, не запоздать ни на миг, сейчас это—самое главное.

— Шестериков, Шестериков, Шестериков, доворот влево—пять градусов, крен—десять, скорость... дистанция...

— Вас понял, цель вижу!

ОТСТУПЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Как же так: облака, сплошная чернотища, ни горизонта, ни звезд, ни верха, ни низа и вдруг: «Цель вижу!»?

Летчик-перехватчик вооружен локаторным прицелом, в известный момент он видит на светящемся экране засветку. Это и есть цель.

Теперь надо так развернуть машину, занять такую позицию по отношению к противнику, чтобы было удобнее всего произвести точное прицеливание.

Конечно, автоматический прицел сам учтет все необходимые поправки, но есть позиции, выгодные для ведения огня и есть невыгодные. Чем выгоднее позиция, тем выше вероятность попадания.

Шестериков маневрирует. Ювелирные движения рулями. Тщательный контроль за каждым своим движением. Все возрастающее напряжение. Ярость, обрушивающаяся на человека (противник ведь рядом!). Согласитесь — это сложный сплав поступков, действий, чувств. Но все подчинено разуму и расчету.

Сближение продолжается.

Все правильно? Все правильно.

Секунда-другая, палец нажмет на кнопку управления огнем. И тогда из-под плоскостей перехватчика в безбрежную черноту ночи, сверкнув алыми пламенными хвостами, уйдут ракеты системы «Воздух — воздух»...

Цель будет поражена.

Капитан развернет свою машину в ночи и, не позволяя себе никаких проявлений радости — все внимание приборам,— будет пилотировать самолет, аккуратно снижаясь, внимательно наблюдая за качающимся игрушечным самолетиком авиагоризонта, строго выдерживая заданные режимы полета.

Земля передаст ему сведения о погоде. Сведения окажутся скверными: прогноз оправдывается по всем пунктам, но ко всему еще над аэродромом лупит дождь. А садиться все равно надо...

Капитан пробьет пять слоев облаков, так и не увидев земли, выпустит шасси, выпустит закрылки, выпустит воздушные тормоза. Наконец он вынырнет из облаков, блеснет посадочными фарами и мягко коснется земли.

Разбрызгивая лужи, его машина пробежит по бетону и замрет.

— Задание выполнил,— доложит капитан Шестериков.

— Задание выполнил,— доложит дежурный штурман.

Все, что произойдет потом, прямого отношения к перехвату уже не имеет.

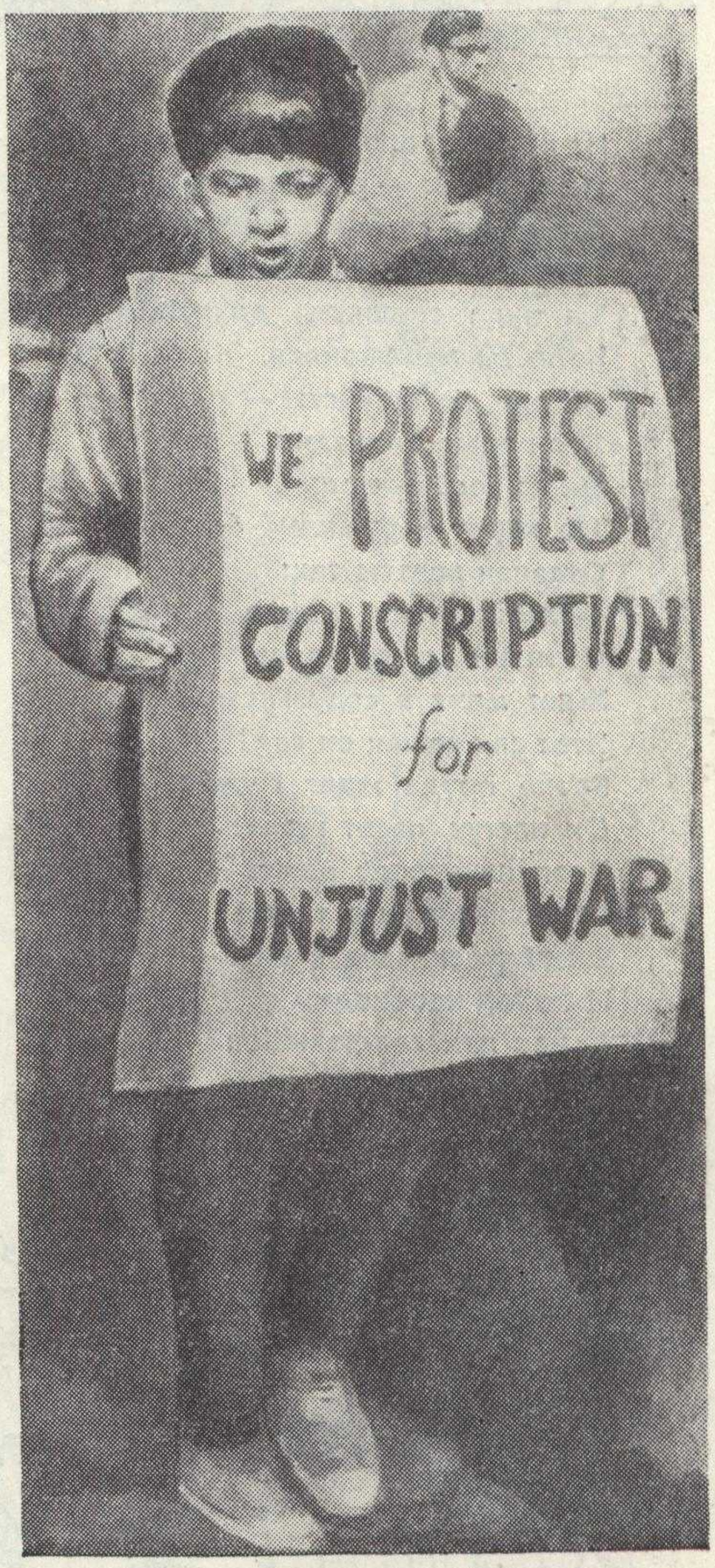
КРУГОСВЕТКА

«НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЬЕТНАМЦЫ УМИРАЛИ»

Так сказал тринадцатилетний Роберт Шрейбер, когда его спросили, почему он пришел к американскому посольству с плакатом. А на плакате ясная надпись: «Мы протестуем против несправедливой войны!».

Против войны американцев во Вьетнаме выступает весь мир. В самой Америке не утихают митинги. Молодые парни-призывники рвут свои военные билеты, отказываются служить в армии. Народ проклинает преступных генералов и миллионеров. Ведь это они разжигают войну, чтобы нажить на ней богатые барыши. Сотни тысяч американцев участвуют в шествиях и маршах против войны.

Роберт Шрейбер тоже американец. Но живет он в индийском городе Дели. Учился там в специальной школе для детей дипломатов и служащих из США. Роберт пришел к посольству вместе с пятнадцатью товарищами-подростками. Это была маленькая, но самая первая антивоенная демонстрация американцев в Азии. Юный борец, конечно, знал, что за мужество и честность ему грозит расправа. Так и случилось: Роберта исключили из школы.

ПУШКИ ВМЕСТО ШКОЛ

В Португалии много полицейских участков, тюрем и очень мало школ. «Чем меньше образованных, тем меньше коммунистов»,— рассуждает диктатор Салазар.

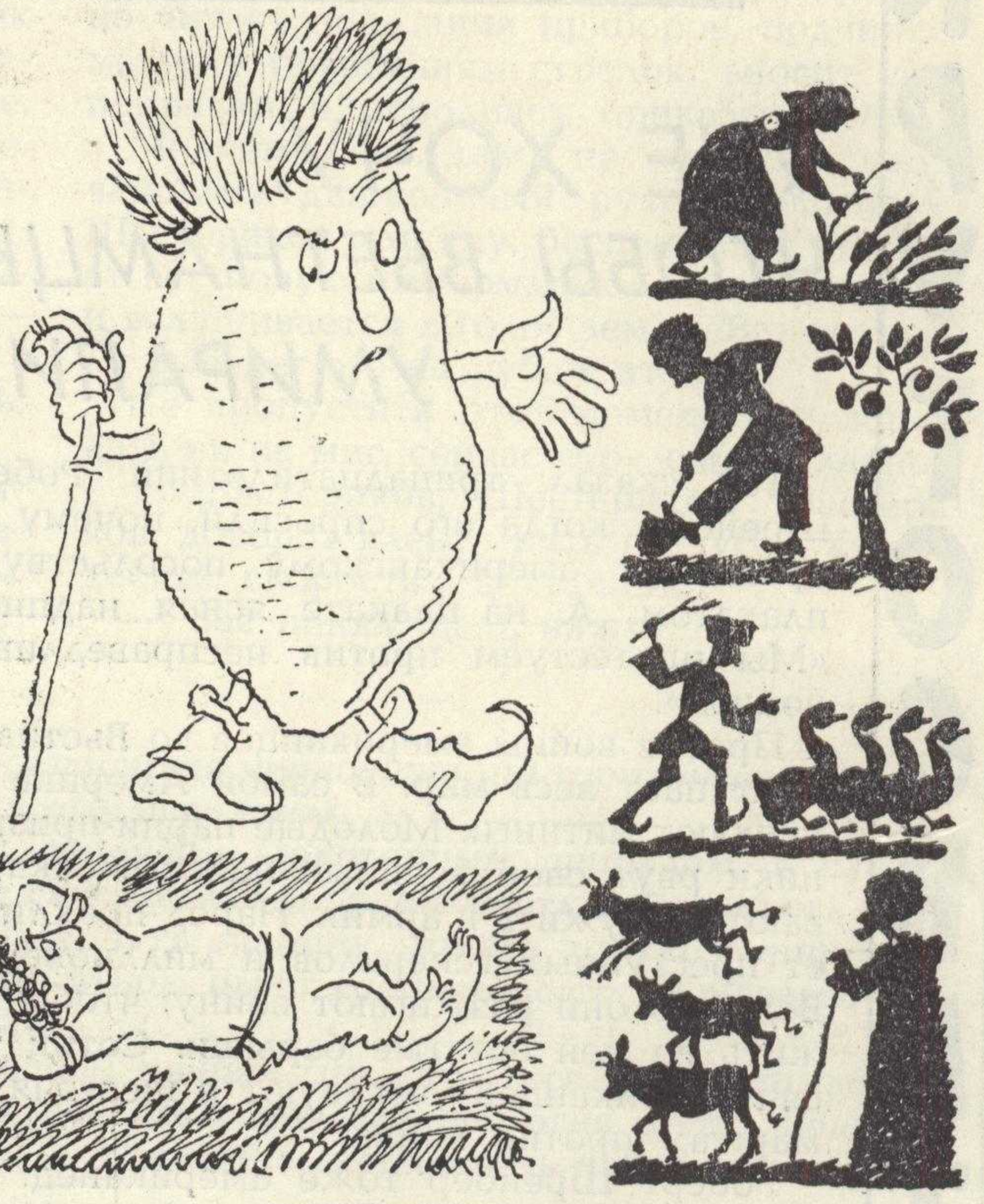
Уже сорок лет Салазар стоит у власти, насаждает в стране фашистские порядки. Деньги тратит он на войну, чтобы оружием, силой держать в рабстве африканские колонии Анголу и Мозамбик. А на школы у Салазара денег нет.

Всего четыре года учатся в Португалии ребята. Есть, конечно, там и средние школы, но они платные — для сынков и дочек богачей. Недавно Салазару пришлось открыть шестилетние школы. Однако все равно миллион детей закончит только четыре класса. И это не самое худшее. Почти половина португальского населения совсем неграмотна.

П·И·Р·О·Г

Рашид РАШИДОВ

Рисунки Э. БУЛАТОВА.

Из пекарни шел пирог,
Шел пирог — румяный бок!
Вдруг он слышит голосок:
— Пирожок, пирожок!
Ты куда спешишь, дружок!
Коли ты прожарился,
Заходи, пожалуйста! —
Это лодырь Аскадин,
Он на весь аул один.
Но пирог — румяный бок
Отвечал лентяю так:
— Ждет меня Ашура в поле,
Сорняки Ашура полет!
Ждет меня в саду Гасан —
Этот сад сажал он сам!
Возле пруда ждет Гусейн —
Он пастух, пасет гусей!
У опушки ждет Ахмат —
Стережет Ахмат телят!
Я пойду сначала к ним —
Им обед необходим!
А для лентяев-лежебок
Не поспел еще пирог!

Г·О·С·Т·Ь

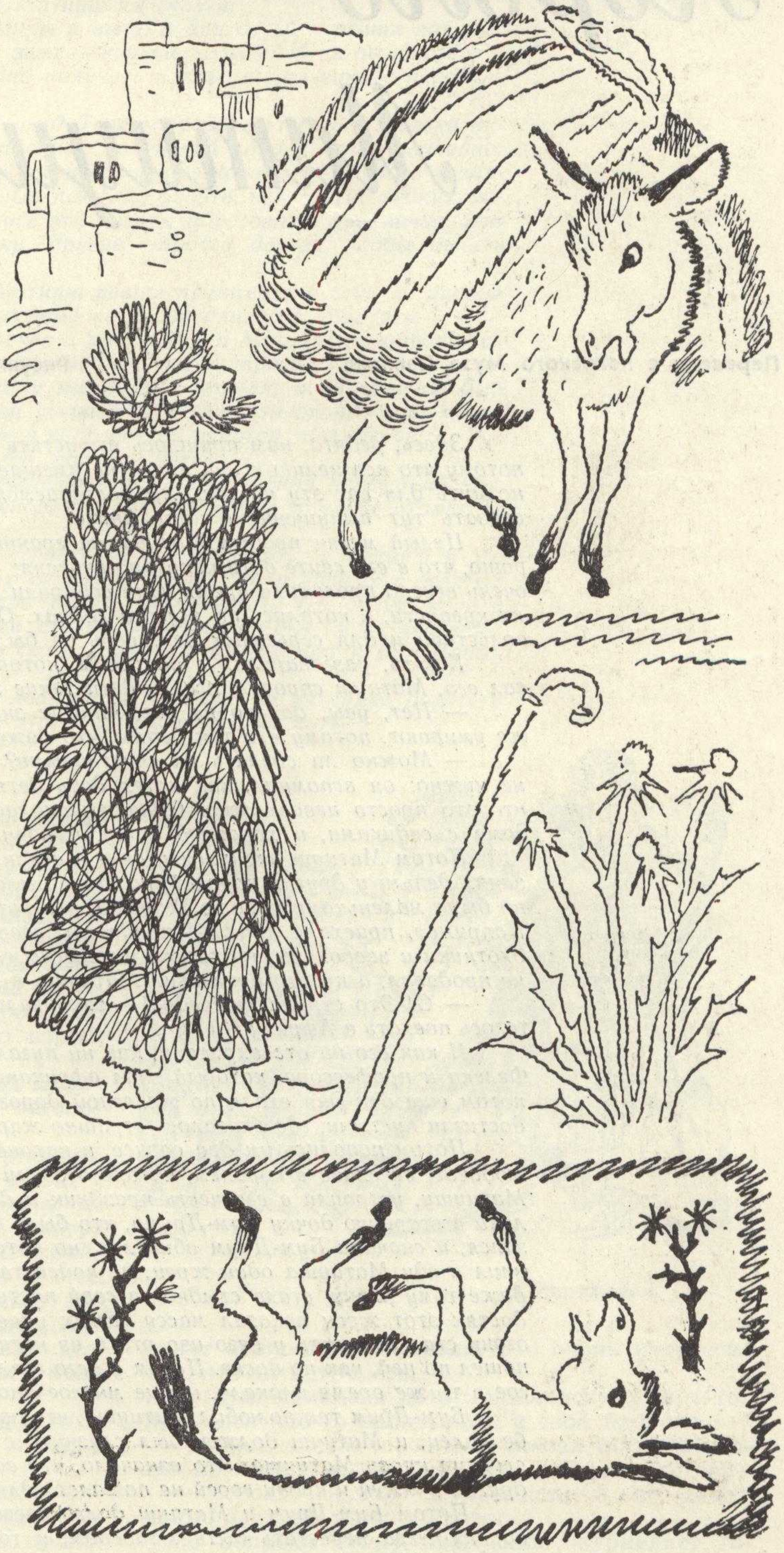

— Что ты делаешь, дружок!
— Мастерю я пару ног.
— Стол иль табурет!
— Нет!
Мастерю я пару ног
для тебя, сосед!
— Для меня!
Спасибо, но
у меня есть пара ног —
вот обуты в сапоги
две чудесные ноги.
Можно огород копать
или в горы за отарой
день без устали шагать!
— Есть!
Смотри-ка, в самом деле!
Но тогда я не пойму,
почему ты не заходишь,
не приходишь две недели
в гости к другу своему!

ПРО ОСЛА

Эту сказку
про осла
не сорока
принесла
на хвосте.
Вам ее,
мои друзья,
расскажу сегодня
я.
Слушайте:
— По тропинке
шел осел.
Он нагружен был,
как вол,—
тяжело!
Две корзины,
три мешка,
четыре
полных бурдюка
и кулек!
Осла прохожий
повстречал.
Удивился
и сказал:
— Ну и ну!
Было б место
на спине,
ты б поднял,
сдается мне,
шар земной!
Ослик
от таких похвал
очень радостно
заржал:
— Иа, иа!
И решил:
приду домой,
отдохну
и шар земной
подниму!
Если ты
заметишь, друг,
что спиной на землю
вдруг
лег осел,
удивляться не спеши:
знать, ишак
поднять
решил
шар земной!
Вот и все!

Пересказал Н. ОЛЕВ.

Король Матиуш Первый

Януш КОРЧАК

(Продолжение)

Перевела с польского Муза Павлова.

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО.

Здесь, ребята, нам пришлось выпустить целый кусок этой замечательной истории, потому что вся целиком она никак не умещается в журнале. Но чтобы хоть как-то восполнить для вас эту потерю, мы постараемся коротко и, по возможности, полно пересказать тут выпущенную часть книги.

Целый месяц пробыл Матиуш за границей у тамошних королей. Очень было хорошо, что в его свите дети капитана-учителя: Стасек и Еленка,— они все сдружились и очень весело проводили время. Они собирали грибы, и ездили к морю, и строили из песка крепости, и катались по морю в лодках. Однако выбирал Матиуш время среди удовольствий и для серьезных дел: ведь он был король!

Как-то, разговаривая с доктором, который был добрым человеком и не обманывал его, Матиуш спросил, все ли дети такие здоровые, как он. Доктор отвечал:

— Нет, увы, далеко не все. Многие знают и холод и голод, они болеют и даже умирают, потому что так бедны, что даже на лекарства нет у них денег.

— Можно ли сделать их счастливыми? — спросил Матиуш, но ответа ему было не нужно: он вспомнил, как хотел дать детям шоколад во второй раз, но оказалось, что это просто невозможно. Однако шоколад — пустяки, Матиуш захотел дать детям дома с садиками, и хорошую пищу, и новую одежду.

Потом Матиуш вернулся к себе в страну и все думал и думал, как ему быть; он занял деньги у других королей, но этого было мало: все ушло в руки министров. Трудно было маленькому королю. Хорошо, что хоть кое-какие развлечения подворачивались. Например, приехали купцы — продавцы зверей со всего света. Все они были смелые охотники и звероловы, но самым интересным был среди них один негр, который ничего не продавал, а просто пригласил Матиуша в Африку, в свою страну, в гости...

— О! Это страна людоедов! — закричали все, но Матиуш не испугался, ему захотелось поехать в Африку.

И как его ни отговаривали, как ни пугали, Матиуш взял с собой доброго доктора, Фелека и профессора, который знал африканские языки. Они долго плыли на корабле, потом еще два дня ехали по железной дороге, затем пересели на верблюдов и вскоре достигли пустыни, где оказалось страшно жарко и очень пустынно.

Потом попались им два оазиса, и наконец показался тот самый лес, где ждали их людоеды во главе с королем, которого звали Бум-Друм. Людоеды очень обрадовались Матиушу, устроили в его честь праздник и даже уговаривали Матиуша выстрелить из лука в старшую дочку Бум-Друма, что было бы верхом почета. Матиуш, конечно, отказался, и сначала Бум-Друм обиделся, но потом все обошлось, и даже отрава, которую влил в еду Матиуша один жрец, не подействовала. Словом, все было очень хорошо, и даже тому жрецу стало стыдно за свой поступок, а Матиуш простил его. Тогда на радостях этот жрец показал массу самых удивительных фокусов: он входил в огонь, и огонь стал вылетать у него изо рта и из носа. Он провел палочкой линию в воздухе и пошел по ней, как по доске. Потом у него стало вдруг два лица, и одно смеялось, а другое в то же время плакало, и еще многое-многое другое.

Бум-Друм так полюбил Матиуша, что захотел с ним побрататься. Он оцарапал себе палец, и Матиуш должен был слизнуть с его пальца капельку крови, а Бум-Друм слизнул кровь Матиуша. Это означало, что если кто-нибудь из них очутится в беде, то другой должен и крови своей не пожалеть для спасения побратима.

Потом Бум-Друм и Матиуш долго беседовали, и мальчик-король все уговаривал короля-негра перестать быть людоедом, и тот обещал попробовать, хоть это и очень трудно — переменить привычку.

Пришла пора уезжать. Бум-Друм подарил Матиушу много зверей, и много золота, и много драгоценных камней, все это погрузили на вьючных верблюдов и тронулись в обратный путь.

Пока не было Матиуша, все дома думали, что его уже съели, а потом, когда пришла от Матиуша телеграмма, что он едет назад, то министры подумали: «Может, и сам стал людоедом? Вернется и всех съест!»

Матиуш вернулся веселый и довольный, а когда он показал, сколько привезено золота, все ахнули и перестали хмуриться. А Матиуш им сказал:

— Вам, министры, я дарю хорошие сигары и вина, а для детей я решил вот что. Каждый на лето получит по два мяча, а на зиму — коньки, каждый день по конфете и по пирожному, а еще девочки будут ежегодно получать куклы, а мальчики — перочинные ножи...

Представляете себе, как обрадовались дети? Теперь представьте себе, сколько писем от детей посыпалось во дворец! Но о письмах маленький король узнал случайно: он увидел, как служитель нес на королевскую помойку целую корзину конвертов с марками. Да, Матиуш, конечно, собирал марки! Он пожелал узнать, нет ли тут редких марок, и страшно удивился, когда узнал, что все эти письма адресованы ему лично. Это дети просили: одни вместо мячей — ботинки, другие — просто деньги, чтобы купить хлеба.

И тогда, отругав церемониймейстера, Матиуш решил принимать у себя во дворце всех, у кого есть в нем нужда, и обещал каждому по справедливости помогать.

В тронный зал по очереди впускали девочек и мальчиков, и Матиуш, разобравшись сначала в их просьбах, вручал тому, кто заслужил, то, что он просил.

Для игры почти не оставалось времени у маленького короля, и он поэтому был отчаянно грустен. Но что делать, и Матиуш утешал себя тем, что он все-таки много путешествовал, а перед тем воевал... Надо же и королевской работой заниматься!

Утром он учился, потом принимал послов, потом — детей.

Все было бы хорошо, если бы не побежденные короли, особенно первый из них, тот, кого Матиуш выпустил из плена, а главное, его сын, которому хотелось отомстить Матиушу за поражение.

Итак, короли готовили войну, строили крепости и копили порох, а Матиуш в это время собирался созвать к себе в гости всех не только белых, но и черных и желтых королей, чтобы договориться с ними никогда больше не воевать. Но белые короли искали ссоры и отказались сидеть за одним столом с черными: они, мол, людоеды.

Матиуш обиделся за черных королей и сказал, что еще раз слетает к Бум-Друму и посмотрит, людоед ли он.

Матиушу, конечно, устраивали разные ловушки и подвохи, но он сумел долететь и даже спас от верной гибели Бум-Друма и отправился в обратный путь.

Однажды во время аудиенции Матиуш услышал какой-то необычный шум в приемной. Сначала он не удивился, потому что дети уже попривыкли и сидели в ожидании аудиенции не так уж тихо. Но этот шум был иной. Казалось, кто-то ссорился. Матиуш послал лакея узнать, что там происходит. Лакей вернулся и доложил: какой-то взрослый уперся и во что бы то ни стало хочет войти к королю. Это заинтересовало Матиуша, и он приказал впустить этого взрослого.

Вошел молодой человек с портфелем под мышкой и, даже не поклонившись, громко заговорил:

— Ваше королевское величество, я журналист. Это значит, что я пишу в газетах. Уже месяц я стараюсь попасть на аудиенцию, но меня не пускают. Мне говорят: «Завтра»,— но завтра снова говорят, что король устал, и велят прийти завтра. Сегодня я притворился, будто я отец одного из детей, думал, так скорее попаду. Но лакеи меня узнали и не захотели впустить. А у меня очень важное дело, даже несколько дел, и я уверен, что ваше величество пожелает меня выслушать.

— Хорошо,— согласился Матиуш,— подождите, пока я закончу дела с детьми, это их часы, а потом мы поговорим с вами.

— А не позволит ли мне ваше величество остаться в тронном зале? Я не буду мешать. А завтра будет в газетах статья о том, как происходит аудиенция у короля. Это очень интересно тем, кто читает газеты.

Вошел молодой человек с портфелем.

Матиуш приказал дать журналисту стул, и тот принялся что-то записывать в свой блокнот.

— Пожалуйста, говорите,—сказал Матиуш, когда последний мальчик вышел из тронного зала.

— Король,— начал журналист,— я не займу много времени. Скажу кратко.

Но вопреки этому заявлению журналист го-

ворил очень долго, хотя и интересно. Матиуш слушал внимательно и наконец сказал:

— Я вижу, дело действительно важное. Прошу вас, поужинайте со мной, а потом мы пройдем в кабинет и вы закончите.

До одиннадцати часов вечера говорил журналист, а Матиуш ходил по кабинету, заложив за спину руки, и внимательно слушал. Матиуш впервые видел человека, который пишет в газетах, и должен был признать, что это умный человек, хотя и взрослый, и совершенно не похож на министров.

— Вы только пишете или также и рисуете?

— Нет, в каждой редакции газеты есть кто-нибудь, кто пишет, а другие рисуют. Если бы ваше величество пожелали навестить нашу газету, мы были бы счастливы.

Матиуш давно уже не выезжал из дворца, так что охотно воспользовался приглашением и завтра же отправился в редакцию.

Это был большой дом, разукрашенный в честь Матиуша флагами, коврами и цветами. В первом этаже стояли огромные машины, на которых печатали газету. Выше была контора, откуда газеты посылали на почту и продавали. Еще выше — редакция, там за столами сидели люди, которые писали то, что внизу тотчас же печатали. Сюда приносили телеграммы со всего света, звонил телефон, бегали перемазанные мальчики и уносили исписанную бумагу в типографию, там писали, тут рисовали, гудели машины... Совсем как на войне во время наступления. На серебряном подносе подали Матиушу свежую газету с его фотографией, изображавшей, как во время аудиенции он принимает детей, и все было напечатано, что говорили дети Матиушу и что Матиуш им.

Матиуш целых два часа провел в редакции, и ему все очень понравилось. Теперь он не удивлялся, что в газете написано обо всем, что случилось: какие были пожары, какие кражи, кого задавили и что делают короли и министры во всем мире.

Журналист был прав: газеты знают все. Как быстро было написано в газетах, что делал Матиуш, когда поехал в гости к иностранным королям, и как сразу же узнали, что Матиуш возвращается из страны людоедов!

— А почему не знали вы тогда, что я удрал на фронт, а тут осталась только фарфоровая кукла?

— О, мы прекрасно это знали, только мы не обо всем пишем. В газетах пишется только то, что нужно, а остальное мы знаем только для себя. Народ не должен знать того, что не следует, и за границей о многом не должны знать.

Вечером Матиуш снова долго разговаривал с журналистом.

Значит, так.

Все, что делает Матиуш,— это не реформа. Матиуш не реформатор, но может им стать. Матиуш хочет сделать так, чтобы управлял весь народ. Надо устроить два сейма: в одном будут управлять взрослые, а в другом — дети. Пусть дети выберут своих депутатов и пусть скажут, что они хотят: шоколад, кукол, перочинные ножи или что-то другое. Может быть, они предпочтут конфеты, ботинки, а может, захотят получать деньгами, и каждый купит себе то, что ему нравится.

Дети, так же как и взрослые, должны иметь свою газету, и пусть она выходит ежедневно. В эту газету они будут писать, что хотят. Король ведь не может знать всего, а газета все знает. Например, тогда не все дети получили шоколад. В деревнях служащие сами его съели, а дети даже не знали, что им полагается сладкое, и все это потому, что у них нет своей газеты.

Это было для Матиуша так ясно, что ему казалось, что он сам давно уже так думал. Четыре вечера подряд он советовался с журналистом, все обдумал и на ближайшем совете министров попросил слова.

— Господа министры! — начал Матиуш и выпил воды, так как собирался говорить долго.— Управлять страной должен весь народ, чтобы весь народ мог сказать, что ему нужно. Но вы забыли, господа, что народ — это не только взрослые, но также и дети. У нас несколько миллионов детей, и они тоже должны управлять. Будет два парламента: один — для взрослых, и там будут депутаты взрослые и министры взрослые, а другой — для детей; там дети будут депутатами и министрами. Я король и взрослых и детей, но если взрослые находят, что я для них слишком маленький, пусть выберут себе взрослого короля, а я останусь королем детей.

Матиуш четыре раза пил воду и говорил очень долго. Министры поняли, это не шутка, и сейчас дело идет не о шоколаде, не о коньках или качелях, а об очень важной реформе.

— Я знаю, это трудно,— закончил Матиуш свою речь.— Все реформы трудны. Но надо начать. Если мне не удастся сделать все, как надо, мои реформы завершит мой сын или внук.

Министры склонили головы. Так долго и так умно Матиуш никогда еще не говорил. Это правда: дети тоже народ, следовательно, и они имеют право управлять. Но как это сделать? Сумеют ли они, не слишком ли они глупы?

Сказать, что дети глупы, министры не могли: ведь Матиуш тоже был ребенком. Ну что ж, газету для детей учредить можно; Матиуш привез много золота, и деньги есть. Но кто будет писать в эту газету?

— Журналист у меня уже есть. Министром от детей будет Фелек.

Для Матиуша было очень важно доказать Фелеку, что он продолжает быть его другом, так как Фелек часто его поддразнивал и говорил:

— Господская милость до порога. На войне под пулями хорош был Фелек. А на балы, в театр или на море собирать ракушки лучше Стасек и Еленка. Но в страну людоедов снова поехал Фелек: ведь там опасно, и мамочка не отпустила Стасека и Еленку. Что ж, ведь я сын простого взводного, а не господина капитана. Может быть, опять появится какая-нибудь опасность, и снова Фелек будет нужен.

Очень неприятно, если вас обвиняют в том, что вы слишком горды или, еще хуже, неблагодарны.

И вот сейчас появилась возможность убедить Фелека, что он ошибается, что Матиуш помнит о нем не только в беде. Притом Фелек постоянно бегал с детьми, его видели на всех улицах, уж он-то хорошо знает, что нужно детям.

Бедный Матиуш! Он так хотел быть настоящим королем, так мечтал сам управлять, так хотел понять все! Его желание исполнилось. Но

Матиуш не знал, сколько работы, сколько забот и огорчений падет на его голову.

Внутри страны все шло хорошо. Начали строить в лесах дома для детей; таким образом, строители, каменщики, столяры, печники, кровельщики, слесари и стекольщики получили работу и были довольны, потому что много зарабатывали. Работали кирпичные заводы, лесопильни, стеклянные заводы, была выстроена специальная фабрика коньков, прибавились четыре большие фабрики конфет и шоколада. Были сделаны специальные клетки для диких зверей и вагоны для перевозки их по железной дороге. Трудно и дорого было сделать вагон для слонов и верблюдов. Специальный вагон надо было придумать для жирафа, у которого очень длинная шея. За городом садовники устроили зоологический сад.

Были выстроены два больших дома, куда со всей страны депутаты должны были собираться на совещания, как управлять, какие издавать законы.

Одно здание сейма предназначено было для взрослых депутатов, а другое—для детей. В детском парламенте все было устроено так же, как и у взрослых, только ручки у дверей были ниже, и самые маленькие депутаты могли сами открывать двери; стулья были низкие, чтобы у детей ноги не болтались в воздухе, и окна были ниже, чтобы дети могли смотреть на улицу, когда совещание будет не очень интересным.

Дети читали свою газету, где каждый писал что хотел, и те, которые не умели читать, теперь успешно учились: им хотелось знать обо всем и самим писать в свою газету.

Родители и учителя были довольны. И драк в школах теперь было меньше, ибо каждый ученик хотел, чтобы его любили и выбрали в депутаты.

Все удивлялись, как такой маленький король так быстро научился хорошо управлять.

Но народ не знал, сколько у Матиуша забот. Хуже всего было то, что иностранные короли все больше и больше ему завидовали.

— Что он думает? — говорили они.— Мы уже давно управляем, а Матиуш хочет сразу быть первым. Нетрудно быть добродетельным за чужой счет. Бум-Друм дал ему золото, и Матиуш распоряжается. Но где это видано, чтобы белый король дружил с людоедами?

Знал это Матиуш от своих шпионов. Министр иностранных дел предостерегал его: опять может быть война.

Матиуш не хотел войны, не хотел отрываться от работы. Ремесленники снова были бы взяты в солдаты, и дома остались бы недостроенными. А Матиуш хотел, чтобы уже этим летом дети выехали в деревни, а осенью собрались оба сейма.

— Как же сделать, чтобы не было войны? — спрашивал Матиуш, расхаживая большими шагами по кабинету, заложив за спину руки.

— Надо поссорить иностранных королей между собой, а с самыми сильными подружиться,— отвечал министр.

— Ах, это было бы замечательно! Я думаю, что грустный король, тот, который играет на скрипке, мог бы с нами подружиться. Он мне говорил тогда, что вовсе не хотел со мной воевать, и я его меньше всех побил, потому что он был в резерве. Да и он сам мне советовал ввести реформу для детей.

— Это очень важно, то, что мне говорит ваше королевское высочество,— сказал министр иностранных дел.— Да, он может с нами подружиться, но два других останутся нашими врагами.

— Почему?— спросил Матиуш.

— Один недоволен тем, что у нас управляет народ.

— Разве это его касается?

— Очень даже касается: ведь если об этом узнает его народ и тоже захочет управлять, у них будет революция!

— Ну, а другой?

— Другой? Гм, с ним можно договориться: он больше всего злится на то, что дикие короли теперь любят нас больше, чем его. Раньше черные и желтые короли присылали ему подарки, а теперь присылают нам. Но и с ним можно договориться: предложить ему дружить с желтыми королями, а мы будем дружить с черными.

Бедный Матиуш работал до поздней ночи...

— Хорошо, нужно будет попробовать. Я не хочу войны,— решительно сказал Матиуш.

В тот же вечер король Матиуш сел писать письмо к грустному королю, который играл на скрипке:

«Мне донесли шпионы, будто иностранные короли завидуют тому, что Бум-Друм присылает мне золото, и, наверное, они опять на меня нападут. Так что прошу ваше королевское величество стать моим другом и с ними поссориться».

Была уже поздняя ночь, когда Матиуш положил перо. Он вышел на балкон королевского дворца и долго смотрел на свою столицу. На улицах горели фонари, но в окнах домов было темно, все уже спали.

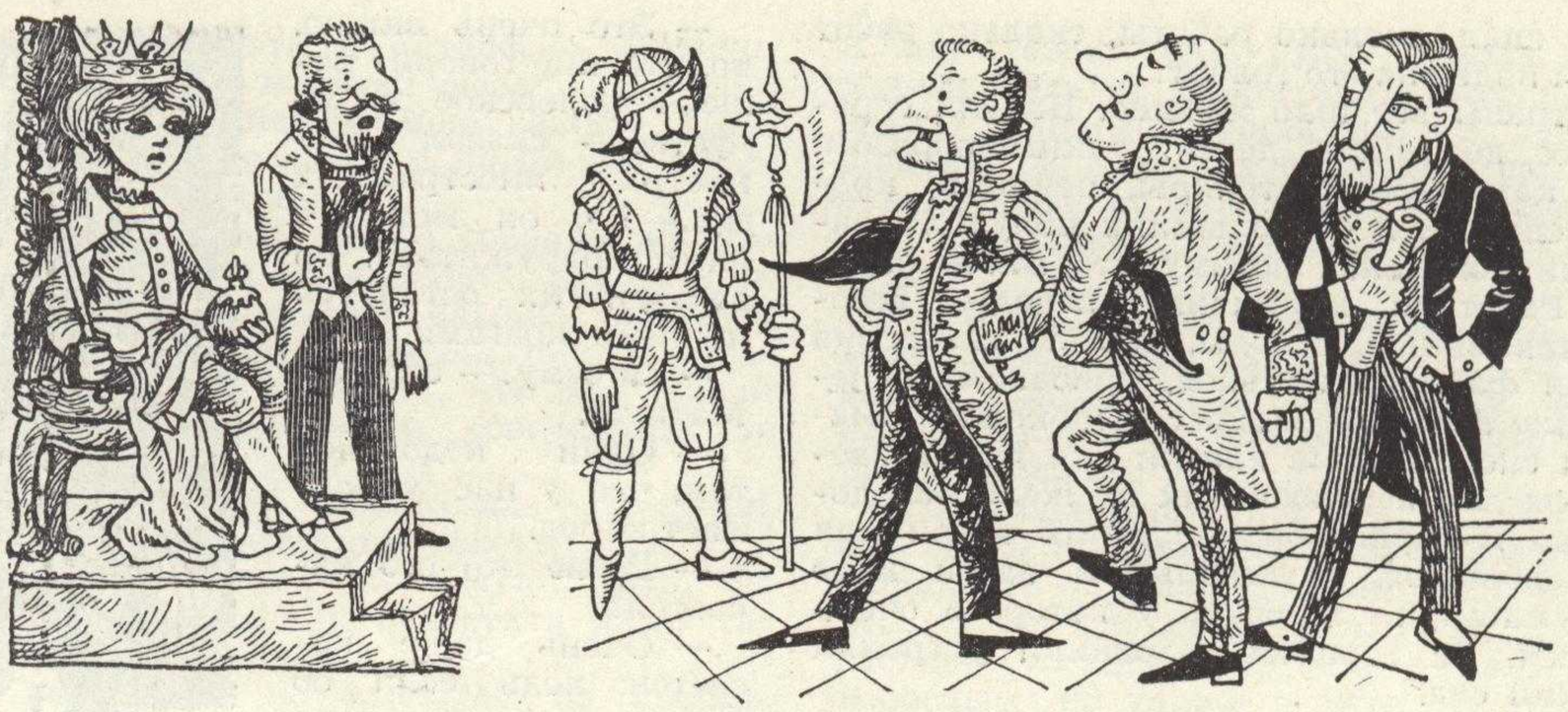
И Матиуш подумал:

«Все дети спят спокойно, только я один не сплю и должен ночью писать письма, чтобы не было войны и можно было спокойно закончить дома в деревне. Каждый ребенок думает только о своих занятиях и игрушках, а у меня даже нет времени учиться: я должен думать обо всех детях моего государства».

Матиуш вошел в комнату, где были его игрушки. Они лежали забытые и запыленные.

— Мой миленький паяц,—сказал Матиуш своему паяцу,— ты, наверно, сердишься: я так давно с тобой не играл! Что делать? Ты деревянный паяц, и если тебя не сломать, ты лежишь себе, и ничего тебе не надо. А я должен думать о настоящих людях, которым нужно очень много.

Матиуш лег, погасил свет и собирался уже заснуть, но вдруг вспомнил, что не написал друго-

Они говорили так, будто хотели поссориться...

му иностранному королю — о том, чтобы он дружил с желтыми королями из Азии, а Матиушу оставил его африканских друзей.

Матиуш встал, хотя у него от усталости болела голова, и писал до самого утра длинное письмо к другому иностранному королю.

После бессонной ночи снова работал он целый день. И этот день был для Матиуша очень трудным.

Были получены телеграммы из приморского города, что король Бум-Друм прислал целый корабль диких зверей и золота, но иностранный король не разрешает, чтобы все это провозили через его государство...

Пришли послы иностранных королей, сказали, что запрещено через их государства возить подарки от людоедов. Матиуш слишком много себе позволяет, и если однажды он их победил, то это еще ничего не значит, так как они купили теперь новые пушки и совершенно не боятся Матиуша...

Вообще послы говорили так, как будто хотели поссориться, и один даже топнул ногой, и церемониймейстер должен был сделать ему заявление: мол, этикет не позволяет топать, когда говорят с королем.

Матиуш сначала покраснел от гнева: ведь в его жилах текла кровь Генриха Стремительного, а когда сказали, что Матиуша не боятся, он готов был крикнуть:

«И я вас тоже не боюсь! Можем попробовать и увидим, чья возьмет!»

Но через минуту Матиуш побледнел и начал говорить так, будто бы не понимал, чего они хотят:

— Господа послы, вы напрасно сердитесь. Я вовсе не хочу, чтобы ваши короли меня боялись. Сегодня ночью я написал вашим королям письма, где пишу, что хочу с ними дружить. Прошу вас передать эти письма. Тут только два письма, но я сегодня же напишу и третье. Если вы не хотите пропускать подарки Бум-Друма через ваши страны бесплатно, я охотно заплачу. Я не знал, что это причиняет вашим королям неприятности.

Послы не знали, что написал Матиуш их королям, так как конверты были заклеены и запечатаны королевской печатью, поэтому ничего больше говорить не стали, пробурчали что-то под нос и удалились.

А у Матиуша было совещание с журналистом, потом другое — с Фелеком, потом с министрами. А еще аудиенция, а еще подписывание бумаг. Потом смотр войск. Была как раз годовщина битвы, которую королевское войско выиграло во времена Витольда Победителя.

Вечером Матиуш был такой усталый и бледный, что доктор огорчился.

— Нужно беречь здоровье,— сказал он.— Ваше величество мало ест и мало спит. Ваше величество растет и может заболеть чахоткой и будет харкать кровью.

— Я уже вчера харкал кровью,— сказал Матиуш.

Доктор еще больше забеспокоился, осмотрел Матиуша, но выяснилось, что это не чахотка, что у Матиуша выпал зуб и поэтому он харкал кровью.

— Где этот зуб? — спросил церемониймейстер.

— Я выбросил его в корзинку для бумаг.

Церемониймейстер ничего не сказал, но подумал:

«Хорошие наступили времена! Королевские зубы выбрасываются на помойку!» В придворном этикете было сказано, что королевские зубы должны быть оправлены в золото, сложены в ящик, выложенный брильянтами, а ящик должен храниться в сокровищнице.

На другой же день после приезда Матиуша старший министр созвал совещание, но Матиуш попросил его отложить. Как раз выпал красивый, белый и липкий снег, в королевском саду собралось много мальчиков, тут были и Фелек и Стасек. Они играли так весело, что у Матиуша даже сердце сжималось, когда он смотрел на их игру.

— Господин старший министр, — сказал Матиуш,— я только вчера возвратился из трудного и опасного путешествия. Я все устроил хорошо. И вот теперь, хоть я и король, разве не могу я денек отдохнуть? Ведь я маленький мальчик и люблю играть. Если нет ничего уж очень важного и можно один день подождать, то я предпочел бы отложить совещание на завтра. А сегодня я буду весь день играть. Такой хороший снег, наверно, уже последний в этом году...

Старшему министру стало жаль Матиуша.

— Один день можно подождать, — сказал он.

Матиуш даже подпрыгнул от радости. Надел ко-

ротенькую меховую курточку и через минуту уже лепил снежки. Сначала в Матиуша не бросали, не знали, можно ли. Матиуш заметил это и крикнул:

— Слушайте, это не игра — я в вас бросаю, а вы нет! Это не дело. И не бойтесь, я сумею защищаться. Снежки — это не отравленные стрелы.

Ну, ладно. Поделились на две партии. Эти нападают, те защищаются. Шум поднялся, даже лакеи выбежали посмотреть, что творится. Но увидели короля, удивились, ничего не сказали и ушли.

Никто не узнал бы короля. Матиуш был весь в снегу, он падал и получил не один снежок в спину, в голову и в ухо. Защищался он яростно и все выдумывал новые игры.

— Слушайте! Договоримся так: в кого попадет снежок, тот будет считаться убитым и в сражении участвовать не будет. Тогда по крайней мере узнаем, кто выиграл.

Но получилось нехорошо: слишком быстро все оказались убитыми. Тогда условились: в кого трижды попадет снежок, тот будет считаться убитым. Правда, некоторые обманывали и даже после третьего удара продолжали сражаться. Но уже было лучше, меньше было шума, крепче лепили снежки и внимательнее целились.

Чудесная была игра!

Потом вылепили из снега огромную бабу, дали ей в руки метлу, сделали ей глаза из угля, а нос -- из моркови. Матиуш то и дело бегал на королевскую кухню.

— Господин повар, дайте, пожалуйста, два уголька.

— Господин повар, дайте, пожалуйста, морковь для носа снежной бабы.

Чудесная была игра!

— Двадцать восемь лет я работаю королевским поваром, но такого хлева в моей кухне еще не помню, — ворчал повар и сердито гонял поварят вытирать пол.

Когда баба была готова, Фелек предложил кататься на санях. При дворе имелись четыре пары саней, предназначенных для королевских детей, и четыре пони. Запрягли пони.

— Сами будем править, — сказал Матиуш конюхам. — Будем ездить наперегонки — кто первый объедет пять раз вокруг парка.

— Хорошо, — согласились мальчики.

Матиуш уже сел в сани, как вдруг увидел старшего министра, который быстро шел в их сторону.

— Наверно, за мной, — вздохнул опечаленный Матиуш.

Так оно и было.

— Простите, тысячу раз простите, ваше королевское величество. Мне страшно неприятно, что я вынужден прервать игру вашего величества.

— Что же делать? Играйте без меня, — сказал Матиуш мальчикам. — Так что же случилось?

— Приехал наш самый главный шпион, — шепотом сказал министр. — Этот шпион привез такие новости, которых не мог написать в письме, так как боялся, что письмо может попасть в чужие руки. Мы должны немедленно посоветоваться, потому что через три часа он снова уезжает за границу.

В это время как раз перевернулись первые сани. Пони давно уже не запрягали, он был зол и вместо того, чтобы идти вперед, прыгнул в сторону. С грустью смотрел Матиуш, как мальчики с хохотом выбирались из сугроба и, отряхнувшись, поднимали сани... Но что поделаешь!

Впрочем, Матиушу было очень интересно увидеть этого шпиона, до сих пор он только слышал о нем.

Матиуш думал, что введут какого-нибудь босого мальчика или деда с мешком на спине, но вместо этого увидел весьма элегантного господина. В первую минуту он даже подумал, не министр ли это земледелия, которого знал хуже других, так как тот хозяйничал в деревне и редко приезжал на совещания. Но нет.

— Я шеф шпионов у первого иностранного короля, — сказал элегантный господин. — Я приехал предупредить ваше королевское величество. Сын этого короля вчера закончил строительство новой крепости. Но это еще не самое плохое. В прошлом году он втайне построил в лесу огромную фабрику снарядов и совершенно готов к войне. У него в шесть раз больше пороха, чем у нас.

— Вот негодяй! — воскликнул Матиуш. — Я в лесах строил дома для детей, чтобы они могли на лето выезжать в деревню, а он делал в лесу снаряды и пушки, чтобы напасть на мое государство и уничтожить то, что я выстроил.

— Одну минуту, это еще не все, — сказал далее

шеф шпионов своим приятным, тихим голосом.— Он хочет сделать нечто похуже. Зная о том, что ваше королевское величество собирается выслать иностранным королям приглашение на торжественное открытие сейма, он подкупил вашего секретаря, и тот вместо приглашения вышлет объявление войны.

— Ах, негодяй! Я сразу заметил, когда был у них в гостях, что он меня ненавидит.

— О, он очень хитер, этот сын старого короля. Если бы секретарю не удалось подменить письма, были бы приготовлены две такие же бумаги с поддельной подписью короля Матиуша: ко двору грустного короля и короля — друга желтых королей. А теперь, ваше королевское величество, позвольте мне его оправдать.

— А как же вы можете оправдать такого вероломного разбойника?

— Что ж, он заботится о своей стране так же, как мы заботимся о своей. Мы хотим быть первыми, и они хотят. Сердиться не следует, нужно только быть начеку.

— Так что же делать?

— Ваше величество, подпишите сейчас же приглашения иностранным королям, и я тайно увезу эти письма. Завтра после заседания вы посоветуетесь, как и когда пригласить иностранных королей, словно эти письма еще не высланы. Секретарю нужно дать возможность подменить их и только в последнюю минуту арестовать его.

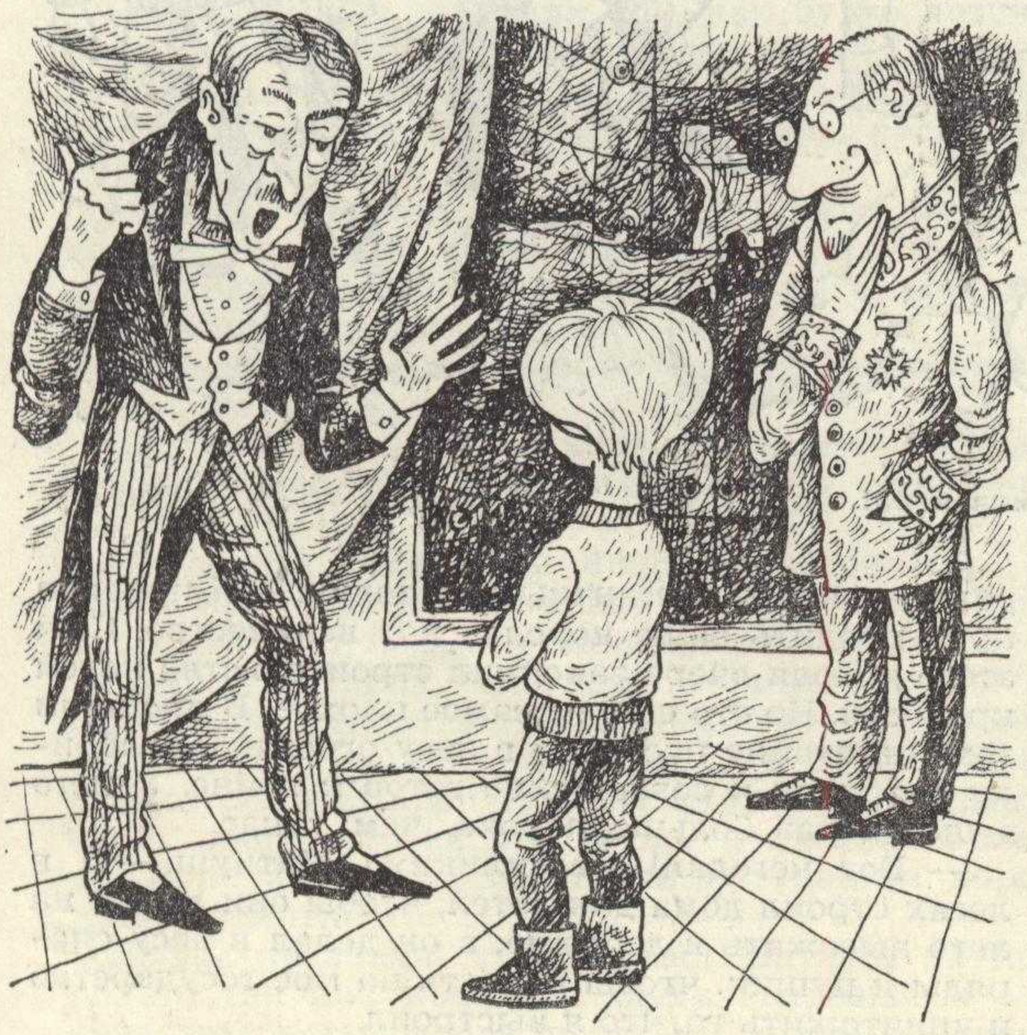
— А что же будет с крепостью и той фабрикой пушек?

— Ах, глупости! — улыбнулся шеф шпионов. — Крепость и фабрика будут взорваны. Я приехал к вашему величеству как раз для того, чтобы получить на это разрешение.

Матиуш побледнел.

— Как же это? Ведь войны нет. Одно дело — во время войны взрывать неприятельские пороховые склады, но приглашать его к себе в гости и нанести ему такой вред!

— Я понимаю,— сказал шеф шпионов.— Ваше величество думает, что это неблагородно, некрасиво. И если ваше величество не разрешит, я этого не сделаю. Но вряд ли это будет хорошо. У него в шесть раз больше пороха, чем у нас.

— Я шеф шпионов у первого короля.

Матиуш, взволнованный, ходил по кабинету.

— Но как же вы это сделаете? — спросил он.

— Гм... Там есть одно небольшое здание — склад досок — и свалено много стружек. Стружки загорятся, и вспыхнет пожар...

— Ну так его погасят!

— Не погасят, — улыбнулся шеф шпионов и сощурил глаза. — Потому что так уж странно получится, что как раз лопнет главная водопроводная труба и на всей фабрике не будет ни капли воды. Ваше королевское величество, вы можете быть спокойны.

— А рабочие погибнут? — снова спросил Матиуш.

— Пожары обычно вспыхивают ночью, так что много рабочих не погибнет. А в случае войны погибло бы людей в сто, в тысячу раз больше.

— Знаю, знаю, — сказал Матиуш.

— Ваше королевское величество, мы должны это сделать, — несмело вмешался старший министр.

— Я знаю, что должны, — с гневом сказал Матиуш. — Так зачем же вы спрашиваете, разрешаю ли я?

— Нам иначе нельзя.

— Должны, нельзя... Так сожгите фабрику, но крепости при этом не трогайте.

Матиуш быстро подписал приглашение на открытие парламента трем иностранным королям и пошел в свою комнату.

Он сидел у окна, смотрел, как Стасек, Фелек и другие мальчики весело возятся с санями, и думал:

«Теперь я понимаю, почему грустный король так грустно играет на скрипке. И понимаю, почему он тогда хоть и не хотел, но должен был вести со мной войну».

Перед заседанием, на котором приглашения королям должны были вкладывать в конверты и запечатывать, Матиуш волновался и с нетерпением ждал государственного секретаря, желая увидеть, как он подсунет в конверты поддельные объявления войны. Его очень удивило, когда сам секретарь не явился, явился его помощник.

...Итак, порядок празднества будет таков. Торжества продолжаются неделю. В первый день — богослужение, смотр войск, парадный обед и большое представление в театре.

На второй день — открытие сейма взрослых. На третий — открытие детского сейма. На четвертый день — открытие зоологического сада. На пятый — большое шествие детей, выезжающих на все лето в деревню, в дома, которые Матиуш выстроил для них в своих лесах.

На шестой день — большой прощальный бал для иностранных королей. А на седьмой день — отъезд гостей.

Матиуш добавил еще к программе четвертого дня открытие памятника храброму летчику, который погиб в последнем его путешествии, и большое гулянье для черных королей. На всех увеселениях будут присутствовать депутаты обоих сеймов и Фелек-министр будет сидеть по левую руку от Матиуша, а старший министр — по правую. Это значит, что министр взрослых и министр детей совершенно равны перед королем.

Все это обсудили, Матиуш подписал приглашения иностранным королям: белым — на белой бумаге, желтым — на желтой, а черным — на черной. Белым королям приглашения были написаны черными чернилами, желтым — красными, а черным королям — золотыми. Приглашения черным королям должен был отвезти Бум-Друм; приглашения желтым королям должен был переслать их приятель — белый король. Но было заранее договорено, что белый король задержит эти приглашения у себя. Тогда желтые короли обидятся на Матиуша и не будут с ним дружить.

Церемониймейстер принес ящик с королевской печатью. Приглашения по очереди вкладывали в конверты, и помощник государственного секретаря запечатывал их красным и зеленым сургучом.

Матиуш смотрел внимательно. Прежде его смешила вся эта церемония запечатывания писем, он находил ее излишней и злился, что она так долго длится. Но теперь он понял, как это важно.

Уже были запечатаны все письма, кроме последних трех. Министрам надоела эта церемония, они закурили сигары и тихонько разговаривали, хотя регламент запрещал разговаривать во время запечатывания писем. Никто не знал, что должно случиться. Знали обо всем только Матиуш, старший министр да министр юстиции.

Помощник государственного секретаря побледнел, но руки его ничуть не дрожали. И, когда он должен был вложить приглашения белым королям, он вдруг начал кашлять и, сделав вид, будто не может найти носовой платок, стал шарить по карманам. Тут же он ловко вынул из кармана вместе с платком подложные письма, а настоящие спрятал. Заметить это могли только те, кто обо всем знал.

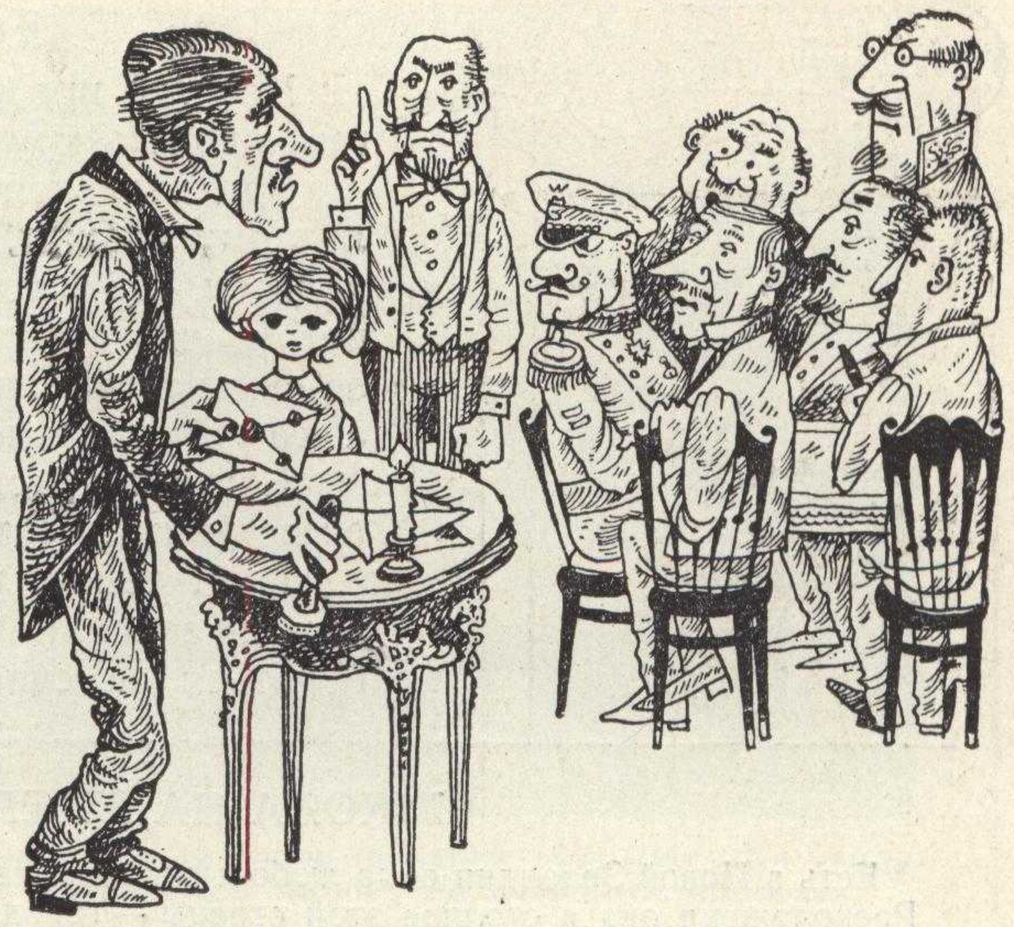
— Ваше величество, прошу прощения,— сказал он кротко,— но в моем кабинете выбито стекло, и я простудился.

— О,—возразил Матиуш,— это моя вина. Стекло выбил я, когда мы играли в снежки...

И помощник был очень доволен: ему так ловко удалось подменить письма. Но тут вдруг министр юстиции объявил:

— Господа министры, прошу внимания.

Все сейчас же догадались: произошло нечто важное. А министр юстиции надел на нос очки и обратился к помощнику государственного секретаря:

— Господа министры, прошу внимания!

— Именем закона вы арестованы.

У того даже глаза вылезли на лоб; он утер пот, но продолжал притворяться спокойным.

— Господин министр, я ничего не понимаю. Я болен, у меня кашель. В моем кабинете выбили стекло. Я должен идти домой и лечь в постель.

— Нет, братец, ты у меня не уйдешь. Уж в тюрьме тебя вылечат!

Тут входят пять тюремных стражей и надевают ему цепи на руки и на ноги.

— Что случилось?— спрашивают удивленные министры.

— Сейчас увидите. Ваше королевское величество, извольте сломать печати на этих письмах.

Матиуш вскрыл конверты и показал поддельные бумаги.

Там было написано:

«Теперь, когда все дикие короли — мои друзья, вы мне совершенно не нужны. Я уже один раз вас победил, попробую и второй. И тогда вы будете меня слушаться. Объявляю вам войну».

(Продолжение в следующем номере.)

НАЧИНАЮЩИМ ГЕРОЛЬДАМ

Гербовед Государственного Эрмитажа А. А. Покорна дает вам новые задания:

1. Всем известны великие победы, которые одержали над врагом великие русские полководцы А. В. Суворов и М. И. Кутузов. Но напрасно искать символы этих побед в гербах полководцев. Суворов и Кутузов принадлежали к родовой знати, и гербы у них были родовые, наследованные, а не личные. А вот такой военачальник, как Александр Данилович Меншиков, сподвижник Петра I, вышел из простых людей, и в его гербе отразились его заслуги, военные и государственные. Каким, по-твоему, мог быть герб Меншикова? А герб участника Отечественной войны 1812 года казачьего атамана М. И. Платова?

2. Нарисуй и опиши, каким бы ты хотел видеть свой личный герб. Постарайся, чтобы по гербу мы могли узнать, какой у тебя характер, чем ты увлекаешься, о чем мечтаешь.

А что это за удивительный герб на рисунке рядом? Ребята, которые читали наш № 1, наверно, уже догадались, в чем дело. Сообщаем: ждите № 5. Там мы напечатаем самые интересные рисунки и дадим отгадку.

ЕСТЬ В МЕКСИКЕ ГОРА...

Нелегко пробраться к ней. Надо немало прошагать по дорогам, одолеть крутые склоны, пробиться сквозь густые заросли...

Удивительная это гора. О ней рассказывают легенды, но мало кому скажут, где именно, в каком уголке Мексики она находится. Об этом нельзя рассказывать первому встречному, потому что дознаются власти и взорвут гору. Ведь на одном из ее склонов высечен профиль Ленина. Высечен не художниками, а самой природой.

Когда подрастают дети мексиканских коммунистов и готовятся вступить в самостоятельную жизнь, они уходят в поход.

Идут тайно, по ночам. Одолевают склоны и пробиваются сквозь заросли. И здесь, у горы Ильича, дают клятву всегда бороться за счастье народа.

ШКОЛА НА БЕРЕГУ ПРОЛИВА КУКА

Есть в Новой Зеландии одна любопытная школа. Расположена она в столице этой страны — городе Веллингтоне, на берегу пролива, названного именем знаменитого путешественника Кука.

Каждое утро спешат к ней учителя. Как и все учителя на свете, они деловиты, озабоченны и вооружены толстыми портфелями с тетрадками и книжками. В перерыв собираются в учительской и разговаривают, как, впрочем, и все учителя на всем свете, о своих учениках.

— А Джим-то подтянулся,— радостно сообщает один,— по математике пятерку получил.

— Эх,— вздыхает другой,— а вот Ноэль поленивается. Опять двойка!..

Словом, школа как школа. Но только вот странно: никогда вы не услышите в ее коридорах топота ребячьих ног, не встретите во дворе любителей чехарды. И вообще не увидите здесь ни одного ученика.

Не ходят сюда ученики. Вместо них это делает... почтальон. Выкладывает перед учителями десятки конвертов. А в конвертах и домашние уроки и контрольные работы. Проверят все учителя, проставят оценки, и снова шагает почтальон, несет невидимым ученикам новые задания...

«Вот лодыри,—подумаете вы.—В школу им лень заглянуть!»

Нет, они не лодыри. И лентяев среди них не больше, чем в любой другой школе. Только добираться каждый день до школьного порога они действительно не могут, потому что живут на маленьких островках посреди океана.

Новая Зеландия со всех сторон окружена океаном. Много кораблей спешат к ее берегам. Путь кораблям освещают маяки. А каждый маяк обслуживают люди. Вот для их детей и создана эта необычная школа.

Растут ребята, переходят из класса в класс, не видя ни своих учителей, ни одноклассников. Они бы рады встретиться, поговорить, вместе поиграть, но как? Кругом — лишь островки и вода, вода... Только маяки перемигиваются ночами.

Если вы подумаете, что перед вами немецкие пионеры-тельмановцы, вы ошибетесь. Это советские ребята, которые давно дружат с юными тельмановцами. На весеннем празднике-фестивале сельских дружин Калининской области они представляют делегацию ГДР.

ПЕРВЫЙ УРОК БИЗНЕСА

«Клуб четырех «эйч»—так называется организация детей американских фермеров.

«Эйч» — первая буква, с которой начинаются в английском языке слова: голова, руки, здоровье и сердце. Каждый вступающий в клуб дает клятву лучше думать головой, активней работать руками, набираться побольше здоровья и расти человеком с горячим сердцем. Клятва-то хорошая, но посмотрите, что подразумевается под ней...

Мальчик, сын фермера, получил от своего инструктора задание вырастить бычка. Он старается, ухаживает за теленком, готовит ему корма, пасет. Словом, действует и головой и

руками и здоровья попутно набирается.

Подрос теленок, стал крепким, упитанным бычком. Вроде бы и все — выполнено задание. Ошибаетесь, впереди самое важное: сделать бизнес — продать бычка.

Юный собственник направляется к своему папе. Они долго торгуются, и наконец сделка совершается: папа раскошеливается, а сынок, пересчитав зеленые бумажки, торжественно передает ему бычка... Теперь задание выполнено, можно приниматься за новое...

Вот видите, что скрывается за «четырьмя «эйч» и что значат хорошие слова о голове, руках и горячем сердце в стране, где главный воспитатель — доллар.

«Летка-енка» — любимый танец финских пионеров. Его танцуют всюду: в школах, в лагере, на походных привалах.

На снимке Миро Тилея (Братислава) сценка из жизни юных хоккеистов. Сценка называется «Игра закончена».

КОЛЛЕКЦИЯ ШУТОК

Разные на земле живут ребята. Но все они одинаково любят шутки. Венгерский журнал «Табортюз» коллекционирует шутки ребят из всех стран. Вот некоторые из них.

●

— Папа, ты однажды говорил, что как-то получил в школе двойку.

— Да, но почему ты об этом спрашиваешь?

— Так. Просто подумал, что история повторяется.

(Франция)

●

Мама попрекает Шами:

— Ты такой рассеянный — у тебя в одно ухо влетает, из другого вылетает.

Шами счастливо улыбается.

— Спасибо, мама. Теперь я знаю, зачем нужны два уха.

●

Отец вернулся домой.

— Ну что вы здесь делали, детки? — спросил он.

Старший сын ответил:

— Я убрал со стола посуду.

Средний сын добавил:

— А я вымыл посуду.

Младший гордо сказал:

— Я выбросил черепки.

(Индия)

«ЧУРРИНЧЕ» — ДРУГ МАЛЬЧИШЕК И ДЕВЧОНОК

Чурринче — имя небольшой птички. Она живет в Уругвае, и еще никогда и никому не удавалось засадить эту ярко-красную пичугу в клетку: чурринче может петь и летать только на свободе, а в неволе погибает...

У детей рабочих и крестьян Уругвая есть и своя «Чурринче» — детская страничка газеты «Эль Популар», которую издает коммунистическая партия. С нетерпением ждут ее «прилета» в рабочих кварталах и в крестьянских хижинах.

«Чурринче» приносит мальчишкам и девчонкам рассказы и сказки, стихи и песни. Знакомит их с жизнью своей страны и всего мира. Она очень много знает, эта «Чурринче», и щедро делится своими знаниями. И о Луне рассказывает и о тайнах морей и океанов. И про то, как живут мальчишки и девчонки на Кубе и в далеком Советском Союзе, о чем они мечтают и в какие игры играют. Интересный, увлекательный собеседник «Чурринче».

А еще она очень добрая и заботливая. Перед каждым праздником присылает своим читателям подарки. Любят ребята свою газету.

«Чурринче» радушна и гостеприимна. Охотно печатает рассказы, рисунки и заметки своих читателей.

И ребята не остаются в долгу: они активно распространяют газету «Эль Популар», подарившую им «Чурринче».

11 часов 17 сентября 1962 года. Впервые за два месяца я увидел дневной свет...

Мишель СИФР

ВНЕ ВРЕМЕНИ ПОД ЗЕМЛЕЙ

(Окончание)

Предположительно вторник, 14 августа, 44-е пробуждение

Под землей ничто не меняется, и это ужасно. Холод и сырость все время те же. И переносить это становится все тяжелее. Я теперь мерзну даже ночью. Это невыносимо!

Лежа в спальном мешке, слушаю сонаты Бетховена. Впечатление потрясающее. Пластинки слушаю теперь все реже и реже, но сегодня музыка мне просто необходима. Вот уже несколько дней я чувствую себя гораздо увереннее, чем прежде: веду более регулярный образ жизни и все реже выхожу из палатки. Очевидно, я приспособился к этой

среде. В начале чуть не сходил с ума, а теперь как будто все в порядке. Чего же еще желать?

Среда, 18 августа, 46-е пробуждение

Сегодня, впервые за все время пребывания под землей, вскочил с постели из-за грохота большого обвала метрах в двух от палатки. Сон точно рукой сняло, и я ясно слышал, как камни катятся, подскакивая, по леднику. Я не стал сразу звонить на поверхность, надеясь, что еще засну, но из этого ничего не вышло. Дыхание вырывается из груди с легким присвистом, словно при астме, но меня это не особенно беспокоит...

Страшно злюсь на утренний обвал, который меня здорово напугал. Я-то думал, что этого больше не будет, да куда там! Обвалы продолжаются и подступают все ближе к палатке. Весь день сверху срываются пласты льда. Льдинки барабанят по деревянному настилу позади палатки, и я каждый раз вздрагиваю и подскакиваю от неожиданности. Я сыт по горло этими страхами и темнотой.

С позавчерашнего дня у меня есть приятель — маленький паучок. Каждый день я заглядываю к нему в коробку. Здесь это единственное живое существо, а когда ты одинок, по-настоящему одинок, можно привязаться даже к пауку...

Мой паучок чувствует себя хорошо. Сидя на кусочке размоченного хлеба на дне коробки из-под фотопленки, он почти не двигается, но все же теперь у меня есть хоть какое-то общество. Вчера из самых добрых побуждений дал паучку немножко хлеба и сыра. Положил своей ложкой кусочек глины и налил чуть-чуть воды. Мы с ним здесь одни — он да я. И он тоже не хочет умирать, не правда ли, малыш?

Устаю все больше и больше. Походы на морену за продуктами превращаются в тягчайшую повинность. Одиночество давит все ощутимее, а темнота начинает действовать на нервы.

Временами чувствую страшную усталость. Если до сих пор не страшился абсолютной темноты и безмолвия, то теперь сдаю. Меня все чаще мучат бессонница и головные боли. Однако содержание углекислого газа в воздухе палатки здесь ни при чем: оно никогда не превышало 0,12 процента. Приятно писать красными чернилами, потому что чернотой я сыт по горло!

48-е пробуждение

Вот что я записал на магнитофонную ленту после *сорок восьмого* пробуждения.

Последнее время, выходя на морену, боюсь потерять равновесие. Когда я карабкаюсь по каменным глыбам, у меня начинается головокружение. Раньше у меня никогда не кружилась голова под землей, даже в глубоких вертикальных колодцах. А теперь достаточно мне встать на краю обрыва в несколько метров, как я начинаю пошатываться. Жизнь под землей трудна потому, что в ней нет ни малейшего просвета, никакой передышки, когда можно было бы отдохнуть, собраться с силами, погреться на солнце. Вот уже два дня я пребываю в мрачном унынии.

Мне кажется, что я под землей совсем недавно, трудно поверить, что прошло уже пятьдесят дней, если считать по количеству пробуждений. Эти «дни», очевидно, были весьма коротки, от десяти до пятнадцати часов, только потому я решил, что сейчас уже 15 августа.

Прекратил запись, чтобы посмотреться в маленькое зеркальце. Причесываюсь! Первый раз за все время! С чего это вдруг такая кокетливость?

Долго сидел в темноте на морене и размышлял. Затем с фонарем в руках забрался под плиты морены, все время помня о том, что в любое мгновение я рискую быть раздавленным или зажатым между камнями, как крыса в крысоловке. Дрожь пробегала у меня по спине каждый раз, когда я задевал за каменные стенки.

В одной из щелей, шириной не более тридцати сантиметров, мое внимание привлек какой-то блестящий предмет. Я еле втиснулся в щель, а блестящий предмет оказался всего-навсего красивым ледяным кристаллом, отражающим свет моей лампы. Проход был так узок, что я застрял и не мог в нем даже повернуться. На какое-то мгновение мне представилось, что я так и умру здесь всего в нескольких метрах от моей палатки, где есть все: и свет и пища. В отчаянии я забился, задергался, но потом приказал себе успокоиться и подумать. Раз я сюда заполз, значит, смогу и выползти. И я действительно выполз.

Очевидно, я безнадежно заражен вирусом разведки и первооткрывательства, потому что даже после этого эпизода еще долго осматривал разные закоулки под мореной.

Мне удалось проследить течение ледника под камнями морены. В палатку я вернулся довольный. В полной амуниции уселся на холодный обогреватель и съел две хрустящие сырые морковки. Есть мне, собственно, не хотелось, но я понимал, что это необходимо.

...Я одинок, совершенно одинок! Одиночество ужасно, особенно когда о нем думаешь. Но одиночество в глубине ледяной пропасти, в полной темноте и абсолютной тишине, прерываемой лишь грохотом обвалов,— это ад! И тем не менее я должен выдержать. Если я потерплю поражение... Нет, лучше не думать. Я уже столько выстрадал, столько натерпелся, столько раз рисковал погибнуть под обвалами! Надо довести дело до конца.

Думаю обо всех моих друзьях-спелеологах и о горных стрелках, которые вот уже столько времени дежурят на поверхности. Их преданность делу беспредельна, и я не имею права их разочаровывать. Я должен восторжествовать над холодом и мраком не только ради себя, но и ради них.

Вчера у меня безумно мерзли ноги, и я не мог их согреть даже в спальном мешке. Это невыносимо! Вспоминаю слова, которыми ободряют меня товарищи с поверхности: «Порядок, дело в шляпе!..» Про себя думаю: «Может, оно и так, да только надо еще отсюда выбраться!»

50-е пробуждение

Итак, я просыпаюсь в пятидесятый раз. Чтобы отпраздновать это событие, готовлю себе на первый завтрак кофе с молоком и бутерброды с маслом и вареньем. Как жаль, что у меня нет больше хлеба — одни солдатские галеты! Болят ноги, а когда я встал на колени, чтобы натянуть шерстяную рубашку, почувствовал резкую боль в спине. Чувствую себя разбитым.

После завтрака лихорадочно принимаюсь за работу. Одним духом написал восемь страниц о спуске в пропасть, и только острый приступ амебной дизентерии заставил меня приостановиться. Уф, кажется, полегчало... Чтобы немного отвлечься, затягиваю песенку. Надеюсь, мои друзья не вздумают включить свой магнитофон. Не хочется, чтобы они слышали, как я развлекаюсь. Пение вдохновляет!

Когда слышишь свой голос, создается впечатление какого-то общества. Ведь я здесь один, и даже мой голос не может вырваться из каменной темницы. Это трудно себе представить. И что я здесь делаю среди векового безмолвия, которое нарушает только мой голос? Ничего. О господи, почему мне лезет в голову всякая чепуха?

Все утро отщипывал по крошке от кусочка сыра, искушение было слишком сильно! А ведь я хотел сохранить этот сыр на второй месяц опыта.

Пятница, 17 августа, 51-е пробуждение

Вчера вечером поставил рекорд рассеянности. Перед сном я долго записывал на магнитофон различные мысли, по мере того как они возникали, и улегся в постель весьма довольный собой. А утром обнаружил, что вместо кнопки «Запись», нажал кнопку «Воспроизведение», так что пленка осталась чистой...

Чувствую себя все более и более усталым. Меня уже не интересует мой пульс — учащенный он или замедленный. Мысль о том, что мне предстоит провести под землей еще целый месяц, лишает меня мужества. Только вчера я с увлечением занимался сбором гляциологических образцов, а сегодня чувствую, как я ослаб: мышцы стали вялыми, дряблыми, мой мир сужается. Работа над научными записями идет по-разному: то лучше, то хуже... Какое мое самое большое желание? Жить, жить, жить! А у меня все болит: на губе язва, правая нога сведена ревматизмом, в желудке рези...

Понедельник, 20 августа, 56-е пробуждение

Забавляюсь, как мальчишка: кидаю из палатки куски сахара, стараясь попасть в кастрюлю с кипятком. Меткостью я — увы! — не блещу! Слева от меня послышался какой-то звук, но это мне, должно быть, показалось.

57-е пробуждение

Размышляю о восприятии различных цветов под землей. Красный цвет очень приятен, розовый успокаивает и умиротворяет. Синий и зеленый стоят слишком близко к черному, однако ярко-синий цвет моей бутановой плитки не производит мрачного впечатления. Желтый цвет внутренней оболочки палатки просто отвратителен: ее надо было сделать из белого шелка.

Когда я шел к морене, здоровенный пласт наледи сорвался со свода и рухнул в колодец за моей палаткой. Я весь затрясся! Впечатление было ужасное. Я почти добился победы, и погибнуть теперь было бы особенно обидно. Но я еще не знаю, выберусь ли отсюда живым...

На этом дневник Мишеля Сифра обрывается.

ПОДЪЕМ НА ПОВЕРХНОСТЬ

Двадцатое августа стало для меня знаменательной датой. В этот день я узнал, какое было в действительности число, и одновременно — об окончании эксперимента. Перед сном я, как всегда, сообщил по телефону предполагаемое время и дату, проверил частоту пульса. После этого Пьер Никола, который дежурил вместе с ефрейторами Лафлером, Стренжером и Кановой, сказал мне, что в действительности уже наступило утро 14 сентября и что я должен готовиться. Подъем назначен на понедельник, 17 сентября.

Сначала я ему не верил, но мне пришлось отступить перед фактами: да, за 58 дней 17 часов, то есть за 1 409 часов, я отстал в своих расчетах от реального времени на целых 25 дней! И тем не менее даже после телефонного разговора меня еще грызли сомнения: а не обманывают ли меня товарищи, полагая, что дальнейшее пребывание под землей опасно для моей жизни?

Итак, вот запись нашего разговора:

Пьер: — За сколько времени до подъема тебя предупредить?

Я: — Подъем был назначен на понедельник, значит, группа, которая спустится за мной, должна выступить в субботу. Предупредите меня за день до этого, самое позднее в пятницу, потому что у меня еще много дел. Надо будет собрать вещи, бумаги, отобрать самое ценное снаряжение...

Пьер: — Ну, ладно, в таком случае начинай готовиться завтра, когда проснешься.

Я: — Ладно.

Пьер: — Ты понял? Начинай готовиться.

Я: — То есть как?

Пьер: — Когда завтра проснешься, начинай готовиться!

Я: — Нет, не может быть!

Пьер: — Да, да!

Я: — Ты что, шутишь?

Пьер: — Нет, Мишель, не шучу.

Я: — Послушай, я говорю серьезно.

Пьер: — Я тоже.

Я: — Завтра?

Пьер: — Да.

Я: — Значит, собирать вещи... И это будет в пятницу?

Пьер: — Ну, конечно.

Я: — Выходит, завтра пятница? Ну и ну! Значит, совсем скоро. Нет, этого не может быть!

Пьер: — Эксперимент «вне времени» окончен. Сказать тебе, какое сегодня число?

Я: — Какое?

Пьер: — Четырнадцатое сентября.

Я: — На двадцать пять дней больше, чем я думал! Немыслимо! Но почему? За счет сна или за счет моих дней? Нет, это невозможно.

Пьер: — Сон здесь ни при чем, виноваты твои дни.

Я: — Дни?

Пьер: — Да.

Я: — Но послушай, старик, мои дни длились всего несколько часов!

Пьер: — Вот тут ты ошибаешься. Самое интересное, что твои сутки в среднем длились двадцать четыре часа.

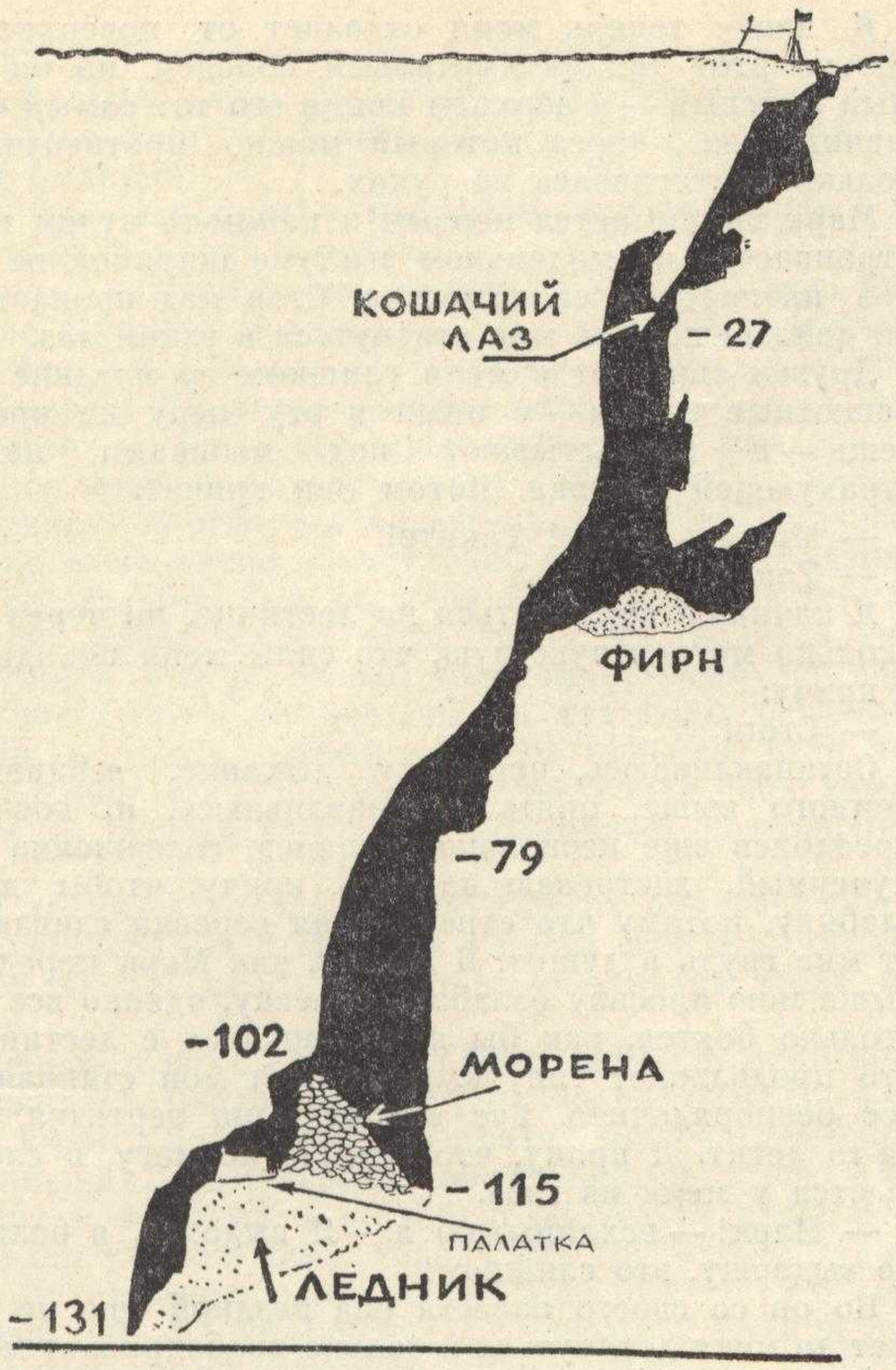
Я: — Но это же нормальный ритм!

Пьер: — Да, нормальный ритм. Он сохранился даже в тех условиях, в которых ты жил...

Разговор окончен. Я ложусь спать в 10 часов 10 минут в пятницу 14 сентября.

Когда я просыпаюсь, считаю по телефону до ста двадцати, измеряю пульс и сразу же спрашиваю, сколько сейчас в действительности времени. Пьер отвечает, что уже 15 часов. Мне страшно это слышать.

Весь день навожу у себя порядок: я вдруг обрел энергию и силы, о которых даже не подозревал. Я так счастлив! С поверхности сообщают, что первая группа спустится ко мне завтра, и я начинаю упаковывать вещи, которые надо будет поднять.

Вот она, пропасть Скарассон.

Суббота 15 сентября

Узнаю, что за мной спустятся только завтра утром, потому что у них, на поверхности, неприятности. Филипп Энглендер, который должен был войти в первую головную команду, не сможет спуститься в пропасть: во время подъема на Маргарейс с ним произошел несчастный случай.

Укладываю вещи целый день — он мне кажется поистине бесконечным.

Воскресенье, 16 сентября

Рано утром меня разбудил звонок телефона. Это Лафлер... Он сообщает, что первая группа готова к спуску. Я прошу, чтобы первым спустился мой друг Марк Мишо.

Чтобы записать последние впечатления, готовлю магнитофон и выхожу с ним на морену. Сажусь в полной темноте, жду.

Темнота непроницаемая, тишина почти абсолютная. Напрягая слух, пытаюсь различить хотя бы шорох, говорящий о приближении людей.

Внезапно я насторожился, вскочил на ноги и замер, стоя на каменной плите,— крохотная фигурка, затерянная во мраке подземного царства. Так и есть, на этот раз я не ошибся! Металлические звуки — звуки человеческой деятельности! Все во мне напряжено, я чувствую: они там, наверху, совсем близко! Темнота полная, однако звуки приближаются, становятся громче, отчетливее. Я знаю, они уже рядом, и все-таки не зажигаю фонарь, боясь разорвать покров вечной ночи, боясь упустить чудесное видение, которого столько ждал,— луч электрической лампочки, возвещающий о человеке! Звуки все ближе, ближе. Я чувствую, как лихорадочно стучит мое сердце и жар охватывает лоб. Задрав голову, я вглядываюсь в непроницаемую тьму. Мгновения бегут...

Но вот наверху очень высоко появляется слабый отсвет. Может быть, мне почудилось? Закрываю глаза, открываю снова — и ничего не вижу. Значит, ошибся, наверно, галлюцинация. Нет, в темноте опять появилось светлое пятно, это они... Люди, люди, мои друзья!

Сверху слышится позвякивание сорокаметровой лесенки с металлическими перекладинами, которую Абель спускает в колодец, и вскоре я вижу ее тонкие стальные тросики.

Марк уже надел лямки и начинает спуск. Абель и Лафлер, подоспевшие к краю колодца, его страхуют. Я вижу, как Марк цепляется за тонкие перекладины, лестница изгибается при каждом его движении.

Теперь я уже сам освещаю Марка мощным электрическим фонарем: он надо мной всего метрах в десяти. Чтобы развернуться, он слегка раскачивается в пустоте, и я вижу широкую улыбку на его лице. Друзья слышат, как я взволнованно говорю ему:

— Это ты, Марк? Ты видишь, я победил! Но это было ужасно... Сколько раз я рисковал своей шкурой!..

Как только Марк спрыгнул на кучу битого льда, мы бросились друг к другу и обнялись со слезами на глазах.

Спасен, я был спасен!

Но в то мгновение, когда я увлекал Марка к моему лагерю, сверху раздался свист падающего камня.

— Осторожно, Марк! — кричу я, прижимаясь к стене.

Ничуть не обеспокоенный, Марк смотрит на меня с удивлением. Ему непонятна моя реакция, которая более чем красноречиво свидетельствует, как глубоко сидит во мне страх.

Я замечаю, что французский флаг сполз, и не без гордости поднимаю его на самую вершину. Замерев на мгновение, мы смотрим на этот флажок, поднятый в глубинах земли. К нам присоединяются Абель Шошон, Лафлер и Канова, затем Клод Соважо.

В палатке все замирают, пораженные не столько беспорядком, сколько слоем воды, покрывающим пол. Они смотрят на мои мягкие сапоги, пропитанные ледяной водой.

Лица вытягиваются: никто из моих друзей не предполагал, что положение было настолько трагично.

Я страшно возбужден и развиваю бешеную деятельность, хотя чувствую, что держусь только на нервах.

Мы упаковываем магнитофон, проигрыватель, мои рукописи, приборы, кислородный баллон, одолженный мне военными летчиками, и отправляем тюки на поверхность. Точно так же уплывают вверх тяжелые пластмассовые бидоны с образчиками льда.

Все захвачены кипучей деятельностью, и время протекает незаметно. Один за другим мои друзья поднимаются на поверхность.

Лафлер поднимается одним из последних, чтобы подготовить мой выход на свет божий. Канова будет страховать меня до «кошачьего лаза», а там я попаду в руки Лафлера.

Канова, Марк Мишо и Клод Соважо проведут со мною ночь под землей — завтра им придется мне помогать. Спальных принадлежностей не хватает: часть мы уже упаковали и отправили наверх. Соважо измучился больше всех, и я уступаю ему один

из моих спальных мешков. Марку и Канове придется удовлетвориться ложем из всякой одежды.

Закрываю поплотнее палатку и зажигаю бутановую плитку, повернув кран на полную мощность. Завтра все будет кончено, значит, нечего экономить! Воздух довольно быстро согревается, и я вижу, как мои друзья засыпают один за другим. Мне заснуть никак не удается.

Это моя последняя ночь в пропасти — в пропасти, которая едва меня не убила. Но я жив, и теперь со мною друзья. Нас четверо, и нам ничего не страшно.

В четыре часа тридцать минут утра металлический звонок телефона будит моих товарищей. С поверхности нам советуют готовиться к подъему, группа, возглавляемая Абелем Шошоном, уже выступила. Все должны занять отведенные им посты у вершин и оснований каждого колодца.

Я уже облачен в свой походный комбинезон из красного нейлона. Надеваю сапоги, каску, перчатки и подхожу к лестнице, свисающей из колодца. Марк помогает мне застегнуть парашютные лямки. Эту сбрую спустили мне, чтобы подстраховать, если я не смогу сам подняться по тонким перекладинам лестниц: ведь до поверхности целых сто пятнадцать метров! Два месяца я почти не занимался гимнастикой и физической работой, мускулы рук и ног ослабли, и, видимо, мне придется туго. Такой подъем требует напряжения всех сил даже от совершенно здорового спортсмена.

Я взбираюсь на каменную глыбу. Парашютные лямки поддерживают меня. Мне нужно уцепиться за лестницу, которая раскачивается надо мной в пустоте. Это не так-то просто. Последний раз жму руку Марку и кричу Абелю, чья лампа поблескивает где-то наверху:

— Я готов!

— Внимание! — отвечает он.— Даем слабину!

— Хорошо. Теперь тяните!

Надежно поддерживаемый друзьями, которые изо всех сил ритмично подтягивают веревку, я довольно быстро карабкаюсь вверх и ко всеобщему удивлению без задержки прохожу сорокаметровый колодец. Наверху меня подхватил Абель, перенес на руках через трещину над пустотой и поставил на площадку подальше от края колодца. Затем ко мне присоединился Марк Мишо, и я снова начал подниматься. Дыхание становится прерывистым, двигаться все труднее. Добравшись наконец до подножия тридцатиметрового колодца, я без сил падаю на камень, чтобы хоть немного передохнуть.

Я с трудом цепляюсь за каменистые уступы.

Я знаю: теперь меня отделяет от поверхности только этот тридцатиметровый колодец, но он самый опасный — в верхнем конце его тот самый «кошачий лаз», через который можно протиснуться, только подтягиваясь на руках.

Марк поднимается первым и каким-то чудом пристраивается на маленьком выступе шириной не более пятнадцати сантиметров. Стоя над пропастью, он должен помочь мне втиснуться в узкий лаз.

Друзья снимают с меня слишком громоздкие парашютные лямки — с ними в эту дыру не пролезешь — и захлестывают под мышками петлю страхующей веревки. Потом они кричат:

— Мишель готов! Тяните!

— Тянем!

Я начинаю карабкаться по лестнице, но через несколько метров чувствую, что силы меня покидают, и кричу:

— Стоп!

Останавливаюсь, перевожу дыхание, взбираюсь немного выше, опять останавливаюсь, и, кое-как преодолев еще несколько ступенек, совершенно измученный, застреваю надолго, кричу, чтобы дали слабину, потому что страхующая веревка сдавливает мне грудь и душит. Я слышу, как Марк передает выше мою просьбу ослабить веревку, однако все настолько боятся, как бы я не сорвался с лестницы, что продолжают тянуть. Движения мои становятся все беспорядочнее. Все вокруг меня вертится, куда-то летит. Я кричу, что больше не могу, и слезы льются у меня из глаз.

— Марк! — всхлипываю я.— Я выдохся, я больше не выдержу, это слишком!

Но он со своего насеста над бездной еще не может до меня дотянуться и только подбадривает меня и утешает. Собрав последние силы, крича и плача, я ползу вверх, преодолеваю ступеньку за ступенькой и, наконец, добираюсь до Марка. Он подхватывает меня и прислоняет к стене колодца. Затем, рискуя собой, отстегивает свой страхующий пояс и привязывает меня к лестнице, чтобы я не рухнул вниз. Минута проходит за минутой, а я все плачу в объятиях моего друга.

Я слышу, как Лафлер, Канова и Абель наверху по очереди стараются меня ободрить:

— Самое трудное позади! Еще одно усилие, последние метры! Потом мы тебя вытащим прямо на поверхность!

Но все они прекрасно знают — да я и сам это понимаю,— никто не сумеет мне помочь и никто не вытащит меня из проклятого «кошачьего лаза», если я потеряю там сознание. Я чувствую бессилие моих друзей. Их отделяет от меня всего несколько метров, но они ничего не могут для меня сделать.

Я решаю вынуть из набрюшного кармана моего красного комбинезона все ценные предметы и передать их Марку. Боясь, как бы он сам не полетел вниз, когда будет мне помогать, я заставил его пристегнуться к лестнице страхующим карабином. После этого мне остается только удерживаться на лестнице собственными

силами. Я раскачиваюсь в пустоте, а Марк всей своей тяжестью повисает на лестнице, чтобы я не вертелся вокруг собственной оси. И снова меня душат рыдания.

— Это слишком! — повторяю я без конца.— Я больше не могу! Я пропал!

После каждой новой ступеньки мне кажется, что выше я уже не поднимусь, что у меня не хватит на это сил, что я выдохся и намертво застрял в каменной щели. Но после каждой очередной остановки, которые делались все продолжительнее, мне удавалось протискиваться вперед еще на треть метра.

И вдруг протянутая навстречу рука! Это произвело на меня такое впечатление, что я вновь разрыдался. Лафлер был от меня всего в каком-нибудь метре! Навалившись всем телом на перекладину лестницы, я судорожным толчком продвинулся еще на несколько сантиметров. Но тут силы оставили меня, лестница выскользнула из пальцев. Если веревка оборвется, я погиб! Я уже видел себя лежащим на острых камнях со сломанным позвоночником...

Я дернулся вперед, вытянул вверх правую руку и почувствовал, как сильные пальцы Лафлера смыкаются вокруг моего запястья, удерживая меня на весу.

Теперь я спасен! Пусть рвется веревка, меня поддерживает Лафлер. Он постепенно подтягивал меня все выше... Вот он уже подхватил меня под мышки, приподнял... Измученный, обессиленный, я висел на руках у Лафлера, а ноги мои болтались в пустоте. Лафлер утешал меня: теперь нечего бояться, скоро все будет кончено. Но время шло, а я не мог шевельнуться. Вдруг Лафлер наклонился и рывком выдернул меня из каменной щели.

— Холодно! Пить! — прошептал я и потерял сознание.

Очнулся я в объятиях Лафлера, за которого цеплялся со всей силой отчаяния.

Страх по-прежнему сковывает меня. Я чувствую, что не смогу преодолеть трех десятков метров до последнего колодца, у выхода из которого меня ждет, как мне говорят, добрая сотня человек. На меня, как на манекен, надевают парашютные лямки и дотаскивают до основания последнего колодца. Здесь Лафлер надевает на меня снежные очки, а сверху еще огромные очки с тройными, очень темными стеклами, их припасли заранее, чтобы во время подъема я не был ослеплен ярким дневным светом.

Посоветовавшись с Лафлером, решаем сначала поднять всех, кто еще находится в пропасти, чтобы все участники этой удивительной спасательной операции могли присутствовать при моем выходе на поверхность. Ведь я одержал победу только благодаря их безграничной самоотверженности.

И вскоре я остался один на дне вертикального колодца, над которым виднелось небо, сквозь очки оно казалось мне зеленоватым. Я видел головы людей, которые наклонялись, заглядывая в пропасть. Они мне казались нереальными: лучи солнца, освещавшие эти головы сзади, образовывали вокруг них светлые ореолы. Наконец Пьер скомандовал:

— Все готово, Мишель. Давай!

Медленно, спотыкаясь, я подошел к лестнице, ухватился за первую перекладину и крикнул:

— Я готов, тяните!

Пьер передал мои слова наверх, веревка напряглась, и я стал быстро подниматься, едва успевая перебирать руками и ногами... В нескольких метрах от поверхности нервы мои снова не выдержали, последние силы иссякли, и я, стиснув зубы, повис в парашютных лямках, как безжизненная кукла, с откинутой назад головой и болтающимися в воздухе руками и ногами. До меня доносились какие-то неясные звуки. Потом меня куда-то потащили, посадили кому-то на плечи. Смутно я узнал Канову и с отчаянием уцепился за него. Он поднимался медленно, с перекладины на перекладину. Опять какая-то непонятная суета. Вокруг меня — друзья, они делают последние усилия, чтобы извлечь меня из пропасти. И внезапно моя голова, а за ней и все тело появляются на поверхности...

Я пришел в себя на носилках, под одеялом. Пока я был без сознания, меня быстро отнесли на несколько метров от черной зияющей дыры. Было 11 часов утра 17 сентября. Чтобы подняться на поверхность, мне понадобилось четыре часа, из которых целый час ушел на преодоление четырехметрового «кошачьего лаза».

Приступ отчаяния.

Вместо заключения

Возвращаясь назад, к дням, проведенным в пропасти, я понимаю теперь, что выжил только благодаря предельному напряжению воли и страстному желанию не подвести товарищей и не упасть в своих собственных глазах. Но повторяю еще раз: это не было подвигом, это был научный эксперимент. Дерзкая юность пойдет и не на такие еще эксперименты, но для этого необходимо повседневно тренировать свою волю, закалять дух, учиться владеть собой при любых обстоятельствах, в этом я убедился на собственном опыте. Когда ты достаточно вооружен духовно и физически, можно добиться многого, и я бы даже сказал—всего!

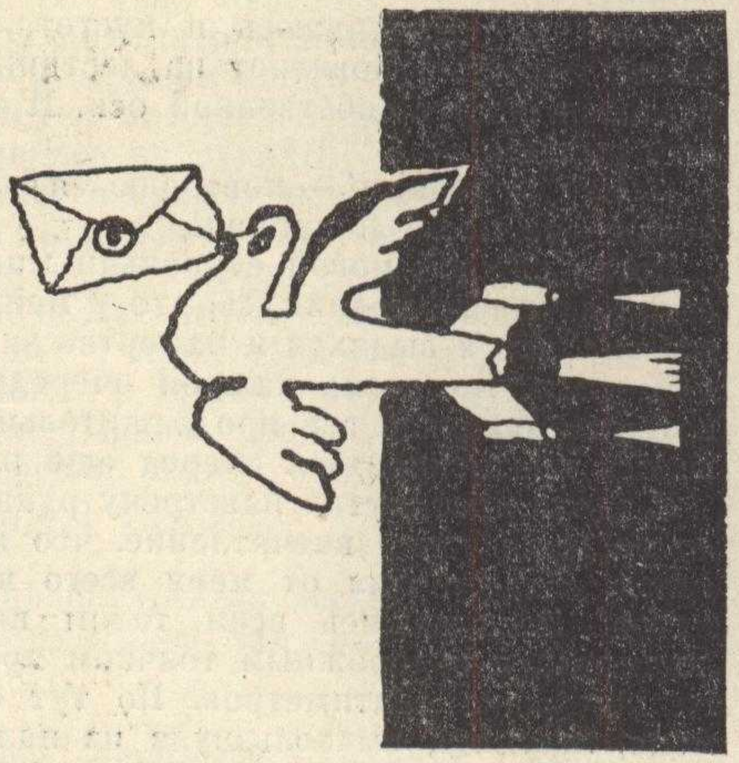
Перевел с французского
Ф. Мендельсон.

НЕ ПРОСТО ЗЕЛЕНЫЕ

● Бабушке понадобился йод. Инна пошла в аптеку. Получила пузырек с лекарством, посмотрела на этикетку — знакомый почерк. Так пишет в их классе Эдит Эйги. Значит, Эдит подготовила лекарство к выдаче. Она разливала йод, закупорила бутылочку и наклеила на нее этикетку.

Раз в неделю приходят в аптеку юные санитары средней школы № 1 г. Раквере (Эстонская ССР). Они помогают работникам аптеки упаковывать порошки, разливать лекарства, мыть посуду. Руководит ими комсомолка Риина Пяйд. Несколько лет назад она училась в той же самой школе и тоже ходила на занятия кружка юных медиков, тоже помогала работникам аптеки. Сейчас Риина — ассистент провизора.

У юных санитаров есть и своя «зеленая аптечка» при школе. Весной они высевают в школьном огороде валерьяну, мяту, ромашку, а «урожай» несут в городскую аптеку.

НОВОЕ

● Появились новые виды пластмасс. Многих из них нет еще даже в промышленности. Их создали ребята первого в нашей стране кружка по художественной обработке пластмасс. Этот кружок работает при Ростовской станции юных техников.

Из пластмассы ребята делают декоративные панно, тарелки, подставки для календарей, стаканчики для карандашей. Украшают эти вещи национальным орнаментом, расписывают яркими рисунками, инкрустируют разноцветными кусочками пластмассы.

Прежде чем сделать сувенир, ребята рисуют его красками на бумаге. В кружке есть художественный совет. На нем обсуждаются все эскизы. А когда эскиз принят, ребята начинают работать над изготовлением сувенира. Подбирают для него нужную по цвету пластмассу, полируют и обтачивают ее на токарных станках.

Недавно кружок выполнил несколько заказов мастерских Художественного фонда СССР. На деньги, полученные за работу, купили синтетические смолы, краски, кисти.

Сувениры, сделанные ростовскими ребятами, побывали на выставках во многих странах мира: Румынии, Болгарии, Чехословакии, Польше, Франции, Финляндии, в Америке, на Кубе. И всюду люди любовались ими, хвалили ростовчан за хороший вкус.

● Лесную тишину нарушают шаги. Идут люди.

Кто они? Литовские пионеры.

За спинами рюкзаки с... сеном, картошкой, зерном. Ребята из Мицкунайской восьмилетней школы устроили десятки кормушек для куропаток, косуль и птиц. А дома и в школе хранятся запасы сена, сушеных ягод, зерна. Каждый день «лесные патрули» идут навещать своих лесных друзей.

Ребята разбирают свои находки.

● Историю боев и побед знаменитого 140-го минометного, ордена Александра Невского полка в годы Великой Отечественной войны восстановили краеведы 2-й школы-интерната города Волгограда.

Этот полк прошел боевой путь от берегов Волги до города Штрадена в Австрии. Ребята разыскали многих воинов этого полка и устроили в своей школе их встречу.

НЕИЗВЕСТНОЕ

● Крепко дружат ребята пятой Калязинской школы с пионерами союзных республик страны. К праздникам дружбы ребята готовят программы национальных танцев, песен, мелодий всех пятнадцати республик.

● Ребята из ташкентского Дворца пионеров имени Абдуллы Набиева решили создать кинофильм о человеке, чье имя носит их дворец. В зимние каникулы тридцать четыре юных следопыта самолетом «АН-14» вылетели в древний Коканд.

Ташкентские ребята прошли по историческим местам, связанным с жизнью и боевыми подвигами героя гражданской войны разведчика Абдуллы Набиева. Разыскали брата героя, повидались с его школьными товарищами. Отснято множество интересных кадров. Скоро все желающие смогут увидеть фильм «По историческим местам».

● Почти три года ребята минской школы № 45 строили учебную теплицу и класс для занятий по биологии. Пионеры были и землекопами, и каменщиками, и штукатурами. Когда понадобилось сваривать металлические конструкции, восьмиклассники Ваня Котов, Саша Михайлов и Леня Сироткин овладели сложной профессией сварщиков.

И вот недавно на торжественном открытии школьной теплицы шестиклассник Вася Кукриш перерезал красную ленту.

● Впервые в истории мореплавания в этом году в зимние каникулы на борту теплохода «Грузия» был организован пионерский лагерь. Ребята этого лагеря побывали в Ялте, в Артеке, в Севастополе, на легендарном Малаховом кургане, в Одессе.

Пионеры на борту теплохода «Грузия».

НУЖНОЕ

● Дорогой «Пионер»! Я комсомолка. Зовут меня Стелла Хохлачева. Год назад я приехала работать в таежный поселок Ханты-Мансийского национального округа. Мне поручили заведовать библиотекой. Книг было очень мало, и я решила написать в газету «Индустриальное Запорожье», попросить помощи у своих земляков, пионеров Запорожья.

И помощь пришла. За два месяца я получила больше двух тысяч отличных книг. Теперь у рыбаков, охотников и геологов, которые живут в нашем поселке, прекрасная библиотека.

Черный ручей

Юрий КОВАЛЬ

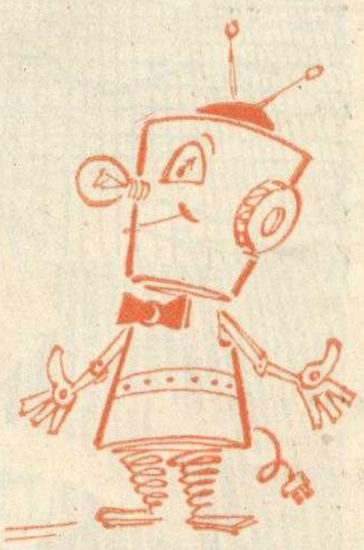
В глухом лесу
Течет ручей.
Он из болот
Течет,
Ручей.
И дно ручья
Черно.
Ручей
Черней,
Чем крылья косачей.
Вдаль пробирается
Ручей.
Среди коряг,
Камней,
Корней.
И корни обняли ручей,
Как сотни черных обручей.

Ворчит ручей,
Рычит ручей.
Застыли сосны над ручьем.
Бредет по берегу ручья
Усталый человек с ружьем.
Он заблудился.
Он устал.
Он от друзей своих отстал.
Но вот ручей!
Журчит ручей!
Конечно,
Выручит ручей!
Из леса выведет
Ручей!
Они — охотник и ручей —
Друзья — охотник и ручей.

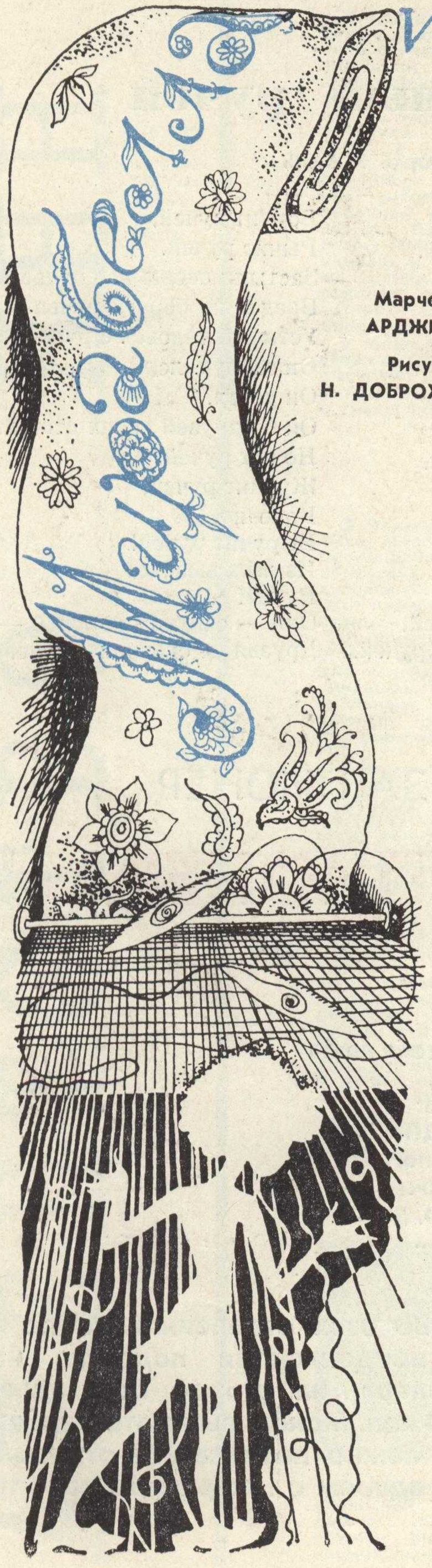
ЧТО ЗА ПИОНЕР

БЕЗ «ПИОНЕРА»!

**Далеко от тебя почта
или близко,
помни одно:
ИДЕТ ПОДПИСКА!
Влезай в сапоги
и беги на почту,
но, конечно, днем,
а не ночью...**

Внимание! Во всех отделениях почты и Союзпечати продолжается подписка на журнал «Пионер» на второе полугодие. Цена 1 руб. 50 коп. Можно выписать журнал себе домой, можно подписаться отрядом и звеном или вдвоем с товарищем, как кто захочет.

...И ТКАЦКИЙ СТАНОК

Марчелло
АРДЖИЛЛИ

Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Мирабелла была сиротой. Личико у нее бледное, как лепестки маргаритки, а глаза голубые, как майское небо. Весь день с утра до позднего вечера Мирабелла работала, но денег едва хватало на еду. Жених Мирабеллы тоже был беден, и они не могли пожениться, им не на что было купить приданое и построить дом.

Однажды утром Мирабелла пришла на фабрику и на месте своего старого ткацкого станка увидела новую машину, такую большую и такую длинную, что приходилось долго бежать от одного конца к другому. Работать было очень тяжело, а хозяин становился все требовательнее.

— Я истратил много денег на этот станок,— сказал он Мирабелле.— Если ты не будешь вырабатывать вдвое больше материи, я тебя выгоню.

«Боже мой! — думала Мирабелла.— Даже двум женщинам вдвое сильнее меня трудно справиться с таким станком. Но если он меня уволит, как же я буду жить?»

А хозяин ничего не хотел знать. Он только приказывал:

— Вырабатывай ткани вдвое больше, а не то выгоню.

Что было делать бедной Мирабелле?! Она бегала взад и вперед вдоль станка, плакала и говорила горькие слова:

— Я была несчастлива, когда тебя не было. А теперь ты появился, и мне стало еще хуже.— Мирабелла не думала, что станок может ее услышать.

— Я выткала сотни километров материи и не могу ничего взять себе на подвенечное платье. Я работала, когда была еще совсем маленькой девочкой, но у меня нет ни гроша. Я так несчастна.

Слезы текли по ее лицу и падали на станок. И вдруг вместо обычного «тран-тран» станок загудел каким-то другим голосом.

— Ой! Неужели он сломался? Хозяин заставит меня платить за поломку! — Она вытерла слезы, чтобы посмотреть, что происходит. **То, что она увидела, поразило ее.**

Станок работал с необыкновенной скоростью и ткал материю невиданной красоты. Она была тоньше, чем шелк, узоры из серебра — просто чудо!

— Он сломался, сломался,— в отчаянии Мирабелла попыталась остановить станок. Но он продолжал ткать чудесную материю. И ткал ее не из нитей — из ничего.

«Ткань сделана не из ниток хозяина,— подумала Мирабелла,— значит, это не его ткань. И я могу ее взять и сшить себе подвенечное платье».

— Станок услышал меня и сделал мне подарок,— сказала Мирабелла хозяину.

— Ты сошла с ума,—захохотал хозяин.— Такая драгоценная ткань не для нищих. Здесь все мое. Я продам эту ткань и получу большие деньги.

И в этот самый момент на материи появились красивые буквы. Они сложились в слово «Мирабелла». Теперь не могло быть больше сомнений, для кого работал станок.

Сбежались все работницы, они поздравляли Мирабеллу и никак не могли понять, как свершилось это чудо.

Знал об этом только станок. Если бы он умел говорить, он рассказал бы, что ему очень захотелось помочь бедной девушке. Из слез, которые она уронила, выткал он красивую ткань, тоньше, чем шелк.

Люди радовались за Мирабеллу, а хозяин злился и кричал от злости:

— Вон! Убирайся!

Но Мирабеллу это уже не пугало. Она плакала от счастья. Слезы падали на станок, и опять произошло чудо: станок соткал из них материю, такую красивую, какую не носили даже царицы.

— Фата для невесты! Фата для невесты! — закричали женщины.— Ни одна девушка в мире не получала такого великолепного свадебного подарка!

ВЛЮБЛЕННАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

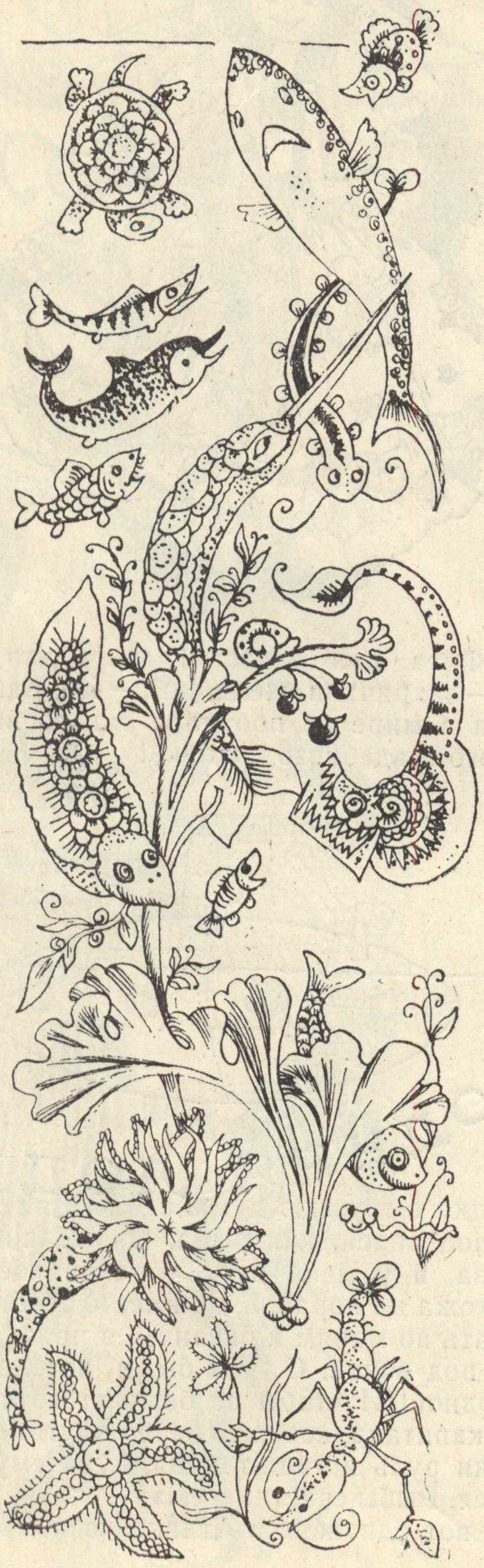
Жила-была маленькая Подводная лодка. Вся она из вороненой стали, восемь ртов у нее — восемь торпедных аппаратов, один глаз — перископ и пушка на спине.

Эта маленькая Подводная лодка очень недовольна была своей судьбой и выглядела всегда печально. Ее построили для войны, всю жизнь она должна была плавать под водой, одна-одинешенька среди огромного океана. Плавать, и, как разбойник, подстерегать корабли, и торпедировать их. И лодка с грустью думала: «Кто я? Я плаваю под водой, как рыба, но сделана я из железа, и у меня нет ни одной косточки. Я похожа на корабль, но вместо того, чтобы плавать по морям и океанам, я прячусь глубоко под водой. О, как бы я хотела быть свободной! И чтобы не было этого несносного капитана, который вечно крутит внутри у меня руль и тащит меня, куда ему вздумается. Рыбы счастливее...»

Но вот однажды в Атлантическом океане

маленькая Подводная лодка увидела другую лодку. Она плыла ей навстречу, очень быстро. Но странно! Моторы ее не шумели, а на спине бил высокий фонтан.

Может быть, это рыба? Но таких больших рыб Подводная лодка никогда не видела. Нет, это, наверное, подводная лодка, и Подводная лодка стала внимательно вглядываться в даль своим единственным глазом.

Но почему рот этой лодки распахнут так широко? Улыбается она или угрожает? Маленькая Подводная лодка на всякий случай тоже распахнула рот, то есть все восемь ртов — восемь торпедных аппаратов. И когда та лодка подплыла совсем близко, она приказала:

— Стой! Ни с места! Кто ты?

— Как? Ты меня не узнаешь? Я Кит. А ты кто? Таких рыб я еще ни разу не видел.

— Я Подводная лодка,— с достоинством сказала Подводная лодка.— Меня построили люди.

— Очень приятно,— сказал Кит и улыбнулся.— Мы почти родственники. Мне так хотелось с кем-нибудь поиграть. Но все рыбы такие маленькие. Хочешь повеселимся?

— Конечно, хочу,— ответила Подводная лодка, и чтобы Кит увидел, какая она ловкая, она глубоко нырнула и сразу же всплыла.

Матросы, которые были внутри Подводной лодки, кубарем покатились со своих мест, и капитан закричал:

— Тысяча бомб! Тонем!

Но Подводная лодка не обратила на него никакого внимания. Она продолжала плыть под водой рядом с Китом. Кит впервые открывал ей глубины моря. Ей казалось, что она попала в другой, прекрасный мир, в котором вместо неба вода, а вместо земли дно океана. В радужном свете проплывали мимо них улицы, асфальтированные кораллами. В красных, зеленых и желтых лесах из водорослей тропинки были усыпаны ракушками, и рыбы стайками прогуливались по ним.

Кит знал все подводные течения. Лодка, как зачарованная, плыла за ним. Рыбы встретили ее ласково. Даже акулы приветствовали ее, как родственницу.

— Ты живешь один? — спросила Кита Подводная лодка.

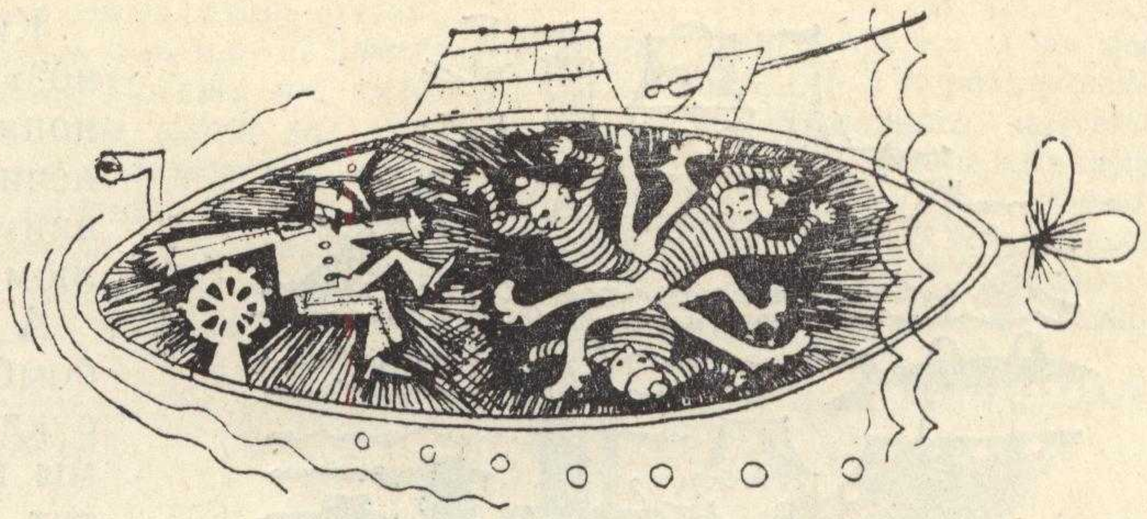
— Нет, с родителями,— ответил Кит.— Я живу немного севернее. Если хочешь, поплывем туда. Я познакомлю тебя со своими стариками.

Подводной лодке очень хотелось поплыть за Китом, но Капитан кричал: «Тысяча бомб!» — и с гневом вертел все рычаги и ручки управления и тащил ее на поверхность. О, как нужна была сейчас ей свобода!

— Я не могу поплыть с тобой,— с тоской пролепетала Подводная лодка.—У меня еще есть кое-какие дела, и я должна вернуться домой...— И она всплыла на поверхность океана.

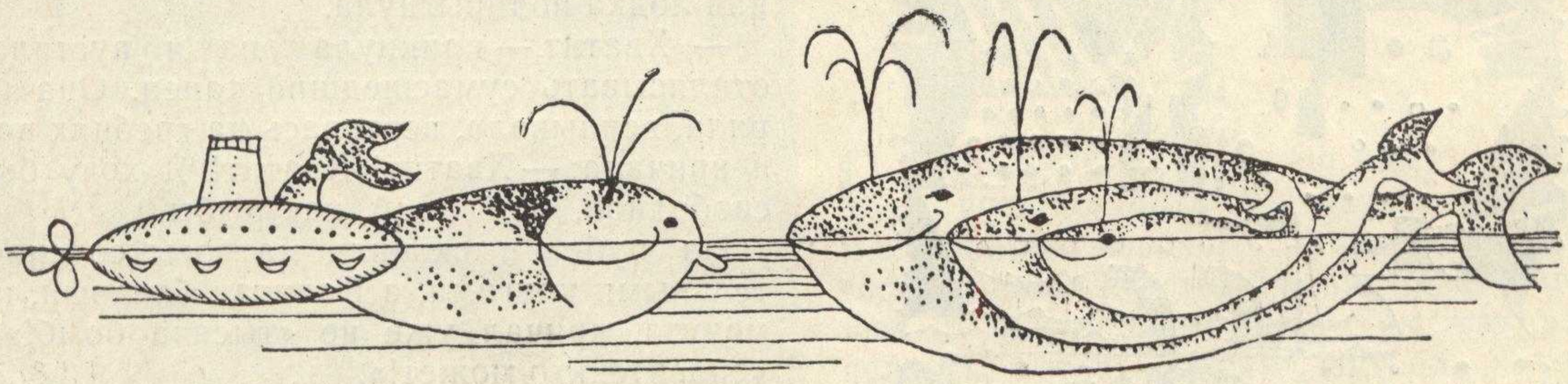
Кит тоже поднялся наверх. Подводная лодка все дальше уплывала от него, но ее единственный глаз с грустью смотрел в его сторону. И Кит помахал лодке хвостом и бросился разбивать своей огромной головой гребешки волн.

— Возвращайся! — кричал Кит, выпустив на прощание высокий фонтан.— Я буду ждать тебя у перекрестка Гольфстрима с Южным течением...

Первый раз в жизни Подводная лодка познакомилась с обитателями моря. Рыбы до этого не хотели ее знать. И корабли не хотели дружить с ней — ведь она жила для того, чтобы топить их. И она всегда была одна-одинешенька. А легко ли жить без друзей?

Маленькая Подводная лодка с радостью ждала свидания с Китом. Однажды она изменила курс, намеченный Капитаном и пошла своей дорогой, навстречу Киту. Капитан так выругался, что рыбы-краснобородки побелели, а марлины покраснели. Это было очень неприятно. Но Кит ждал ее, и она забыла о Капитане. Они долго играли, плескались и плавали в огромном океане.

У Кита было много друзей: дельфины, мечрыбы, и Кит познакомил ее со всеми. А Капитан все кричал и кричал: «Тысяча бомб!» — и больно давил на руль. И он заставил ее вернуться в порт.

Там, в порту, она стояла рядом с военными кораблями, и ей было очень грустно. Она не могла больше слушать разговоры о пушках и торпедах, такими несносными были все эти хвастливые и злостные рассказы о потопленных кораблях! С тех пор, как она встретила Кита, она ни о чем больше не могла думать. Она все время видела перед собой его доброе, симпатичное лицо и фонтан, который он выпускал из спины, когда приветствовал ее. И как только Подводная лодка снова покинула порт, она опять изменила направление, заданное Капитаном, и поплыла на поиски Кита. Пусть кричит Капитан «тысяча бомб!», пусть ломает руль в ее сердце!

Она опять играла с Китом среди зарослей кораллов, и Кит сказал ей:

— Почему ты не останешься здесь? Все рыбы — твои друзья, и мы сможем веселиться и играть, сколько захотим.

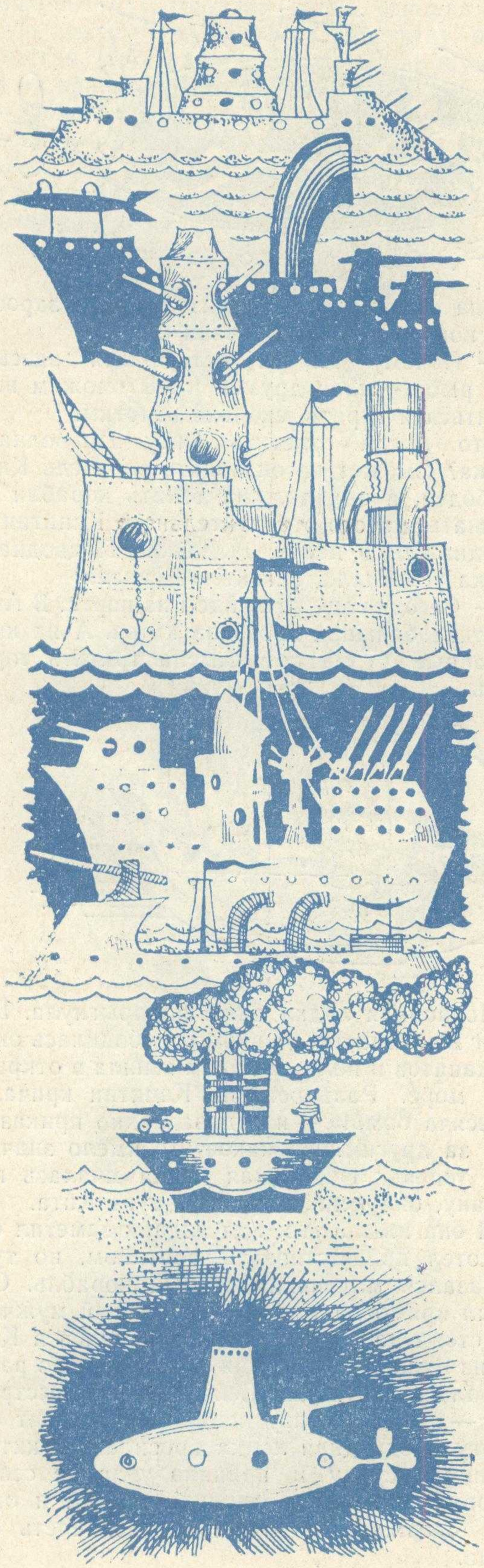
Что могла ответить Киту Подводная лодка? Сможет ли он понять ее? Ведь Кит свободен, а она должна топить корабли и слушаться этого отвратительного Капитана.

Однажды в порту маленькая Подводная лодка услышала, как кто-то сказал:

— Сегодня мы не выйдем из порта. В Атлантике большая охота на китов. А на китобойные судна нет смысла тратить торпеды.

Подводная лодка даже подпрыгнула. Ее друг в опасности! Рывком освободилась она от канатов и полным ходом вышла в открытое море. Разъяренный Капитан кричал: «Тысяча бомб!» — и отдавал одно приказание за другим. Но какое это имело значение теперь? Подводная лодка мчалась по океану, она искала своего друга Кита.

И она нашла его. Кит издали заметил ее и хотел приветствовать фонтаном, но тут показался маленький черный корабль. Он плыл прямо на Кита. Здоровенный мужчина стоял на носу корабля и целился в Кита из пушки. Подводная лодка хорошо разбиралась в пушках. Сейчас пушка выстрелит — и... Она сразу поняла, что грозит ее другу. Подводная лодка бросилась к китобойному судну и приняла удар на себя. Гарпун попал в Подводную лодку, и она еле сдержалась, чтобы не заскрипеть от боли.

Кит подплыл к ней и спросил: «Тебе больно?» — и хвостом погладил то место, куда попал гарпун. Подводной лодке было, конечно, больно, но Кит был так ласков и так внимателен, что она от радости закрыла иллюминаторы.

А Капитан орал у нее в животе: «Тысяча бомб! Не слушает приказаний! Сражается с китобойцем! С такой Подводной лодкой мы все погибнем в пасти акулы! Нет, хватит, я сыт по горло. Вернемся в порт, и я отдам ее на слом!»

Подводная лодка вздрогнула. Раньше, когда она не знала Кита, смерть была ей не страшна. Но теперь, теперь другое дело — она хотела жить.

— Оставайся здесь,—сказал Кит.—Я давно просил тебя об этом. Подними мятеж и останься. Людям не нужны такие корабли, как ты. Пусть совсем не будет на земле войны. Здесь никто тебя не тронет. Ты будешь свободна, как рыбы, и океан станет твоим домом.

Подводная лодка и сама подумала об этом. И когда Капитан потянул изо всей силы руль, чтобы вернуть ее в порт, Подводная лодка подпрыгнула.

— Хватит,— крикнула она и пустилась отплясывать сумасшедший танец. Она ныряла, всплывала, вертелась на гребнях волн и кричала: — Хватит! Хватит! Я хочу быть свободной, свободной, как рыбы.

Из рубки выскочили матросы со спасательными кругами, а Капитан бледный, как медуза, кричал уже не «тысяча бомб!», а «спасите, кто может!».

* * *

Может быть, вы читали в газетах сообщение: «Затонула подводная лодка, столкнувшись в океане с китобойным судном»?

Так это неправда. Лодка не потонула. Она просто начала новую жизнь.

Она плавает вместе с Китом. Кит познакомил ее со своей семьей, ее встретили приветливо и празднично.

С Китом они никогда не расстаются. Рыбы полюбили маленькую Подводную лодку и нашлись даже такие, которые навсегда приклеились к ее корпусу.

Ночью на дне океана, при свете медуз, Подводная лодка часто говорит Киту:

— Я так благодарна тебе. Здесь, среди рыб, я поняла, что только дружба может дать счастье.

Перевел с итальянского А. Слюсарев.

СПОРТ

Здравствуйте, уважаемый Игорь Нетто!

Мы решили написать вам письмо, потому что очень любим футбол. Хотя мы не бываем на стадионах Москвы, мы всегда следим за победами и поражениями на футбольном поле. Мы знаем вас как замечательного футболиста, мастера спорта. И мы просим поделиться с нами вашим мастерством. Нашу команду зачислили в список команд, играющих на первенство города Артема. К этому матчу мы хотим хорошо подготовиться. Мы читали вашу заметку в журнале «Пионер» и решили никогда не курить. Очень просим нам ответить. Напишите, пожалуйста, как лучше проводить разминку и какие качества нужны футболистам и команде.

С пионерским приветом, Игорь Лейкин, Слава Копытько, Вова Кривец, Олег Кутырев, Юра Коравец.

Наш адрес такой: Приморский край, г. Артем-5. Средняя школа № 20, 7-й класс «Б», мальчишкам.

Разговор о большом футболе

С удовольствием отвечаю вам, ребята.

Я восемнадцать лет играл в команде мастеров московского «Спартака», многие годы защищал честь сборной Советского Союза и был ее капитаном. Так что всякий человек, который любит футбол, хочет научиться в него играть, всегда найдет у меня поддержку. Буду очень рад, если мои советы вам пригодятся.

Вы пишете, что вашу команду включили в розыгрыш первенства города. Это — серьезное дело. Это значит, что вы не просто наденете одинаковые майки, трусы и гетры и выйдете на поле аккуратным строем. И не в том в конце-то концов дело, что начнете вы матч по свистку настоящего судьи и закончите, когда истечет положенное время. Куда важнее другое: вы — команда, коллектив, значит, к вам теперь относится знаменитый девиз трех мушкетеров: «Один за всех, все за одного». А кроме того, вы еще и представители своей улицы или своей школы в спорте.

Видите, сколько обязанностей... Значит, придется делать многое из того, чего, возможно, раньше вы и не делали вовсе.

Во-первых, утренняя зарядка. Пусть вас не пугает эта «нагрузка». Я по опыту знаю,

что только первые месяц-два трудно встать рано утром и взяться за разминку. Со временем человек так привыкает к зарядке, что не может и дня без нее обойтись. Я, например, так же не представляю свое утро без зарядки, как, скажем, не представляю его без умывания или чистки зубов.

Дальше — тренировка. Я не стану советовать вам, сколько раз в неделю и сколько часов тренироваться. Для этого нужно хорошо знать всех вас, особенно состояние здоровья и физические данные. Так что здесь советчиком будет ваш учитель физкультуры. Я только скажу, что тренироваться надо обязательно, тренироваться надо регулярно и ни в коем случае не лениться на тренировках. Пройдут годы, и ваши тренировки станут продолжительнее и серьезнее. Вы будете бегать кроссы, поднимать штангу, заниматься на гимнастических снарядах. Но пока, мой вам совет, старайтесь как можно больше «работать с мячом». Должен вам заметить, что все наши знаменитые виртуозы, такие, как Федотов, Трофимов, Бобров, Стрельцов, научились легко обращаться с мячом еще мальчишками. Именно в этом возрасте легче овладевать секретами техники. Сила, умение решать тактические задачи — все это придет с возрастом. А вот пробелы в технике не наверстаешь.

Сколько видел я на своем веку игроков, которым прочили большое будущее в футболе: они были прекрасно подготовлены физически, быстро бегали, играли очень старательно, но большими футболистами так и не стали. Один, скажем, не научился в детстве так же уверенно останавливать мяч левой ногой, как правой. Другой не умел играть головой. И как они ни старались, все же не сумели восполнить эти пробелы. Так что, если хотите стать хорошими футболистами, как можно больше играйте

Лучший футболист СССР Валерий Воронин и лучший футболист мира бразилец Пеле.

в футбол. Но, повторяю, все же не больше, чем вам разрешит преподаватель физкультуры или тренер. Здоровье нужно спортсмену, как воздух. А всякие излишества для здоровья вредны.

И еще: решив заниматься футболом, вы должны одновременно твердо решить другое — не курить никогда.

Я недаром привел вам знаменитый мушкетерский клич. Возможно, к иным видам спорта он не имеет столь прямого отношения, как к футболу. Футбол — спорт командный. Каким бы ни был талантливым игрок, все равно один в поле не воин. В футболе и побеждает и проигрывает вся команда. Вы, наверное, не раз читали о красивых

Нелегко стать виртуозом. Михаил Месхи на тренировке.

комбинациях, которые осуществляют на поле игроки. Комбинация требует обязательного участия нескольких человек. Один ведет мяч, другой выходит на свободное место, третий отвлекает защиту противника, четвертый подстраховывает своих партнеров на случай, если соперникам удастся организовать контратаку. Кто-нибудь из четырех решил все сделать сам — и усилия остальных пошли прахом. Так что эгоисту и себялюбцу в футболе делать нечего. Да и команда терпеть такого не станет. Рано или поздно всем эгоистам приходится прощаться с большим футболом.

И еще один совет.

Когда я только начинал заниматься спортом, лучшие конькобежцы-спринтеры пробегали пятисотметровую дистанцию приблизительно за 42 секунды. Нынешний рекорд Евгения Гришина — 39,4 секунды. В пору моей юности знаменитый американский тяжелоатлет Пауль Андерссон набрал в сумме троеборья 500 килограммов, и знатоки утверждали, что его мировой рекорд не сумеют победить лет двадцать. А нынешний мировой рекорд — он принадлежит советскому штангисту Юрию Власову — равен 582,5 килограмма. Видите, как далеко вперед шагнул спорт. Футбол тоже. Я привел примеры из других видов спорта только для наглядности, только потому, что к футболу с такими мерками, как сантиметры или килограммы, не подступишься.

Это произошло потому, что на помощь спортсменам пришла наука. Ученые сумели найти в человеческом организме новые, никому раньше не ведомые запасы силы, скорости, ловкости! Но никакой ученый, никакой тренер не сделает из человека рекордсмена в современном спорте, если сам человек недостаточно хорошо знает свой организм, его возможности, не знает анатомии, физиологии, психологии, механики движений. Именно поэтому лучшие наши спортсмены, скажем, Власов, Валерий Брумель, Валерий Воронин или Галимзян Хусаинов — люди образованные и культурные. Все они либо получили высшее образование, либо учатся в вузах.

Как видите, не так уж мало качеств надо в себе воспитать, чтобы стать хорошим футболистом. Но пусть вас не пугают трудности. Футбол — веселая, увлекательная и умная игра. И быть равноправным игроком хорошей команды, поверьте мне,— большое удовольствие.

И. НЕТТО,
заслуженный мастер спорта.

такие же,

МАЛЕНЬКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Да так ли? Неужели Рая Сагитова—учительница? Объясняет арифметику, задает уроки на дом, вызывает к доске? Неужели ребята слушаются ее?

Да, оказалось, что это так. С самого первого дня, когда Раю привели в школу, у нее появилась мечта: много-много учиться, стать учительницей, как Валентина Васильевна, и никогда не расставаться со школой. С тех пор дома Рая играет в школу, а в школе помогает ребятам, остается после уроков, если они просили им помочь. Заниматься с Раей очень интересно. Получаются не занятия, а игра. Рая вызывает к доске, а когда объясняет, то ходит по классу или пишет на доске, как Валентина Васильевна. Ребята отвечают ей смело и обычно получают пятерки.

Валентина Васильевна знала про это и, когда заболела, подумала: а что если Рая попробует ее заменить?

...Вот и настоящая школа, а не придуманная, как дома, когда Рая играла в учительницу. Настоящие ученики, ее товарищи — третьеклассники. Настоящий журнал с настоящими отметками, настоящие красные чернила...

Каждый день Рая приходила к Валентине Васильевне, внимательно слушала объяснения, а потом объясняла ребятам то, что узнала.

Валентина Васильевна волновалась и спрашивала:

— Ребята слушаются тебя, Рая?

— Конечно, ребята ведь такие хорошие,— отвечала ей девочка.

Сагитова Рая очень маленькая и хрупкая. Но как посмотришь на нее, так и хочется назвать ее не Раей, а Раисой Мухтаровной, как настоящую учительницу. Такой у нее серьезный и ласковый вид.

Нина АЛЛАХВЕРДОВА

Деревня Урляк, Татарская АССР.

как мы

КИВВИ

С. КОСОВ
Рисунки М. АЛЕКСЕЕВА
и Н. СТРОГАНОВОЙ.

Это было давно, когда никаких охотничьих правил не придерживались. Дичь били все, кто хотел и как хотел: из ружей, палками, ловили сетями. Были люди, которые жалели дичь, защищали ее как могли. Но, как правило, на охоте тогда ни с чем не считались.

Мне было лет четырнадцать. Весной я упросил брата Ивана взять меня на охоту. Обращаться с ружьем я умел и стрелять научился неплохо. Было у меня свое ружье, старое, шомпольное. Но било оно хорошо. От ворон и сорок только пух летел за то, что они забирались в куричьи гнезда и яйца расклевывали; бил ястребов, чтобы цыплят не утаскивали; подстреливал вертких осоедов, когда они над пасекой пчел склевывали. Так что я считал себя ловким стрелком, способным охотиться на уток.

— До уток тебе далеко,— сказал Иван.— Ну да ладно, возьму. Посмотришь, как охотятся. Кстати, Туза будешь водить.

— Ну нет! — вспылил я.— Буду уток бить.

— Не капризничать!—пригрозил Иван.— Будешь делать, что прикажу.

Пришлось смириться.

До озера Большого мы шли лесными тропками. Тут еще лежал тонким пластом сырой, рыхлый снег, и земля не оттаяла. На полевых дорогах — грязь, ног не вытащишь. Иван нес в мешке харч, охотничьи припасы, два ружья. Я вел на поводке Туза.

Хорошо! Деревья набирали силу, и каждое пахло по-своему: береза, пьянея от солнца и тепла, пахла вином, осина — своей горечью. Кое-где сучья окропились зелеными глянцевитыми точками. Легкий синеватый туман вставал между деревьями и пропадал. В лесу светло, а на прогалинах, просеках, озаренных солнцем, снег блестел до рези в глазах. Птицы обогрелись на вершинах и кричали звонко, суматошно.

Туз рвался то вперед, то в стороны, норовил уронить меня в мокрый снег. На меня на самого что-то нашло: я орал, пел в гулком, праздничном лесу, хотелось схватить ружье и выстрелить в вольный свет, как в копеечку.

Перед вечером мы добрались до хибары лесника Петровича, охотника и рыболова. Стояла она среди редких деревьев, у самого озера, на крутом берегу. В хибаре уже были охотники. Двое молодых смешливых парней сидели у печки. Один, белокурый, рябой, лез губами к уху другого и что-то шептал. А этот другой, чернявый, должно быть, чересчур смешливый, запрокидывал голову и хохотал. Потешались они над третьим охотником, человеком немолодым, который сидел за столом и ел зажаренную утку. Ел он с большой жадностью: обгладывал, обсасывал каждую косточку, повертывал ее перед глазами, высматривая, не осталось ли где еще мясца. Убедившись, что кость чиста, отправлял ее еще раз в рот, хрустел ею, дробя зубами, еще раз со свистом обсасывал. Возле сковородки на столе наложил порядочную кучу обгрызенных костей. Медвежьими недовольными глазками повел на нас, когда мы со своей ношей, ружьями, собакой ввалились в хибару.

— Ну вот, еще охотнички! — проворчал он.

— Кричи караул, Сачков! Теперь всех уток перестреляют. Ни одной тебе не достанется,— сказал белокурый парень.

Чернявый завел глуповатые глаза под лоб, растянул рот, чтобы хохотать, а Сачков сосредоточенно, с большим остервенением принялся обдирать новый кусок утки.

Особенно распотешила их моя шомполка. Говорили, что делали ее при Мамае, и прохает она с присвистом, и что стволы у нее кривые.

— Дай пойду о дерево ее хрясну или в озеро заброшу,— говорил белокурый.

Я понимал, что парни зубоскалят, а все-таки довели до злости.

— Ты, рябой лапоть,— сказал я белокурому,— не смейся. Посмотрим, кто лучше стреляет.

— Ого-о! — воскликнули парни и закатились смехом.

— Привели такого уток распугивать,— проворчал Сачков.

— Успокойтесь! — сердито повернулся к нему Иван.— Ваших уток никто не тронет.

Иван решительно свалил с плеч мешок, поставил ружья в угол и приказал мне привязать Туза в сенях.

●

Мы вышли из хибары.

Берег здесь кручей спускался к воде. По черной земле, по маленьким канавкам сбегали певучие ручейки. Метрах в двухстах по ту и другую сторону от хибары берега были уже низкие и заросли широкими полосами камыша. В одном месте от берега отходила далеко к середине озера коса, усеянная камнями. На самом конце косы торчал большой, острый кверху камень. Лед с большими полыньями отодвинулся от берега. Все камыши по берегам и отдельные их островки стояли в воде. На полыньях, у кромки льда, в камышах — везде было полно голосившей на все лады птицы. Птица постоянно прибывала: треугольниками летели утки, вереницами — гуси. Все это с шумом, свистом, кряканьем, приветственным гоготом садилось на воду и расплывалось по озеру. Стаи и вереницы проносились над озером, спеша на север, боясь потерять лишний час весенней дороги.

Петрович в высоких охотничьих сапогах, со сбитой на затылок шапкой возился у спущенных на воду лодок.

— Кипит, как в котле! — крикнул он нам, показывая на небо и на озеро.

Мы спустились к нему.

— Что за люди сидят там у тебя?—спросил Иван.

— Люди-то? — Петрович неодобрительно мотнул головой.— Люди так себе, никудышные. Двое молодых — совсем и не охотники. Пришли от нечего делать. Набрали у соседей ружей, лодку приволокли. Говорю: «Ребятушки! Старайтесь в селезней стрелять». А они: «Мы их от уток не отличаем. Нам что в рот — то спасибо». И зубы скалят. Ну эти, ладно, по глупости. А вот третий, Сачков, знающий человек, страховой агент —

совсем негодный человек. Прямо сказать, живодер. Бьет все подряд. Все утро бухал. Уток набил — чуть допер. А все мало. «Сам не съем, — говорит, — собакам скормлю». Гуси ему не даются, подобраться не может. В прошлом году один охотник гуся подстрелил, так Сачков от зависти места себе не находил. А стрелок он отменный.

Среди птичьего гомона я услыхал новый, незнакомый мне голос.

— Кивви-и!

Протяжный, красивый, он как бы растекался по чистому голубеющему небу.

— Что это?

— Это лебеди,— сказал Петрович, запрокидывая вверх умиленное лицо.

Две белые птицы, как две стрелы, неслись над озером на север.

— Летят... летят... Должно быть, припоздали. Своих догоняют. Им там светло и вечера не видят. Наверно, думают: дай еще верст десяток отмахаем. Ах, завлекательная птица! Парами летят. И до чего же они дружны! Если сядут, то один без другого не улетит.

— А садятся они на озеро? — спросил я.

— Нет. Между прочим, не знаю. Я их не стреляю, потому и не выслеживаю. Птица чуткая. С воды поднимается рано. Убить никак невозможно.

Говорил Петрович так, будто отговаривал, если и зародится у кого мысль стрелять лебедей.

— Гуся можно,—продолжал Петрович.— Да и гуся подстрелить — не тяп-ляп. Вон они крутятся около льда. А почему? Человека чуют. Подстрели гуся — герой, настоящий охотник.

Солнце покраснело и нижним краем спускалось за лес. Над фиолетовой гладью воды, накрытой прибрежной тенью, закружились тонкие струйки пара. Птичий крик то утихал, то усиливался, когда подлетали новые стаи.

— Готов корабь,— сказал наконец Петрович, покончив дела с лодкой.

— Так можно ехать на вечернюю зорю? — спросил Иван.

Я давно ждал этого момента. Я крутился около Петровича, подавал ему с берега гвозди, молоток, доски, чтобы скорее он справился с лодкой. Ждал, когда пошлют меня за веслами, за ружьями. Так хотелось поскорее затаиться в камыше, держать ружье, готовое загрохотать, видеть, как падает от меткого выстрела птица.

Но Петрович запротестовал:

— Нет, не советую. Птица усталая, подкормиться хочет, а ты ее распугаешь. Куда ты ее погонишь на ночь глядя? Я и тех охломонов,— кивнул на хибару,— упредил, что охоту начнем с утра. Завтра птица, сытая, отдохнувшая, вольготно полетит. Ну, останется с десяток, подстрелите, остальным-то целый день лететь.

— Утром поедем,— согласился я.

— Утром ты со мной не поедешь,— сказал Иван.

— Почему?

— Рано вставать. Куда я тебя сонного повезу? И лодка валкая.

— Раньше тебя встану. Я даже спать не буду.

— Я сказал, не поедешь. Сорвешь мне охоту.

— Иван, как же так?..

— Поохотишься с берега. И тут утки бывают. Не забудь Туза вывести. Пусть дичину понюхает.

Я чуть не заревел с горя.

Петрович начал мне многозначительно подмаргивать. Когда Иван повернулся от нас, Петрович зашептал: «Утречком пораньше вон под тот камень вставай,— показал на косу.— Там у камыша есть кулижка. Охотники ныне собрались таковские — всех уток на тебя выгонят. Молчи знай!»

В хибаре было уже темно. Сачков на полу у печки разместился на опочив. Парни сидели за столом, ели вареную картошку, обмакивая ее в насыпанные на столе кучечки соли. Мы с Иваном тоже сели подкрепиться.

Белокурый опять начал надо мной трунить. Опять моя шомполка казалась ему с кривыми стволами.

— Из такого струмента только гусей стрелять. Целиться не надо. Бей — и делу конец. Она сама гуся найдет.

Глуповатый его товарищ со ртом, набитым картошкой, хохотал.

Мы с Иваном тоже примостились на полу, в углу хибары. Я прижался лицом к своей куртке, которую подложил под голову, и думал: «Эх, если бы завтра в самом деле гуся подстрелить! Вот утер бы нос этим парням, Сачкову и самому Ивану! Показал бы, какой я охотник. Только бы гусь подплыл!..»

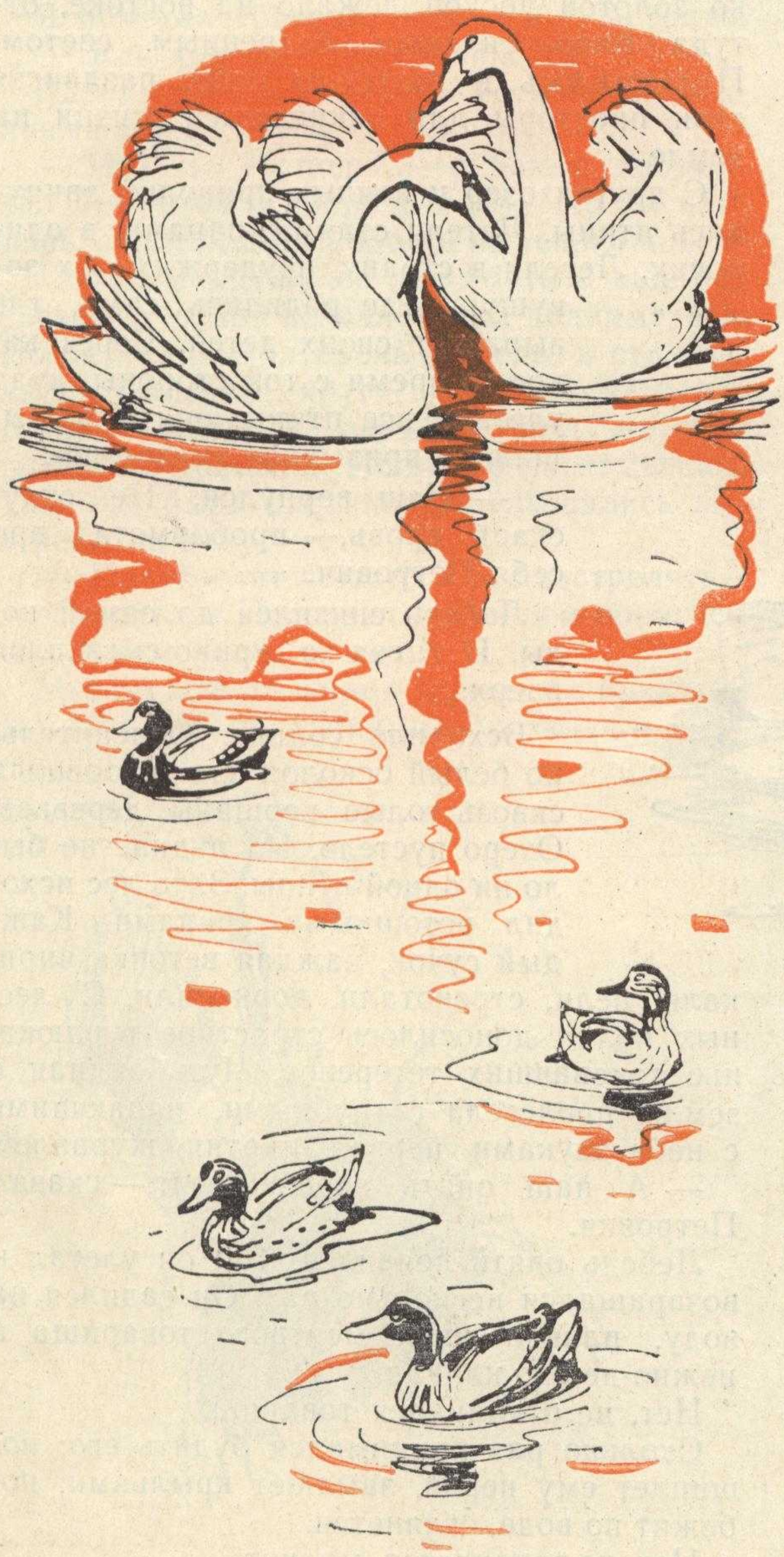
●

Утром я выскочил из хибары раньше всех и по затвердевшей земле, хрупкому снегу, в темноте, стараясь поменьше шуметь, понесся на косу к большому камню. Дичи за

ночь налетело еще больше. То и дело в воздухе слышался свист, хлопанье крыльев. Отовсюду доносилось кряканье уток, гогот гусей. Хорошо, что я с вечера зарядил ружье. Теперь надо только надеть пистоны на запальники.

Вот и камень. Он черный, матерый, обомшелый. Я прижался что есть силы спиной к нему, слился с ним. Никакой птичий глаз не заметит меня.

Еще темно и плохо видно. Чуть сереет вода. Если и появится фигурка птицы, стрелять нельзя: мушки не видно.

Над головой послышался резкий свист больших, сильных крыльев. Белые тени закружились под звездами, в густо-синем небе. Потом тяжело всплеснула вода где-то недалеко, за черной кулигой камыша. Прокатились волнышки — забегали отражения звезд. Гуси! Вот их-то мне и надо. Я опустился под самый низ камня, сел на ноги и еще пригнулся. Сердце стучит, руки дрожат. Скорее светало бы.

Заскрипели уключины: охотники от хибары Петровича поплыли к дальним камышам. Вскоре зачастил свист утиных крыльев — утки перелетали сюда.

Сижу и жду. Холодный утренник пощипывал щеки, голые руки. Стало поотчетливее видно, как утки выплывали из-за камыша. Они подплывали близко к моему берегу. Только бей. Но не они были мне теперь нужны. Не раз приходила соблазнительная мысль: вот две утки рядом — удар, и такая удача с одного выстрела! Нет. Ждать, ждать. Выплывут гуси.

Солнце делало свое дело.

Светлело небо, светлела вода. Кулига камыша стала резко отделяться от воды, резче выделялись фигурки плавающих уток. Теперь только бы показались мои знакомцы! А они где-то тут.

Розовый отсвет пал на воду. Должно быть, солнце зацепило высокое облачко, и оно зарделось. Яснее стали лес, камыши, льдина с сидящими на ней птицами. В камышах, вдали, началась стрельба. Видны взвивающиеся вверх утки. Началось беспокойство на озере: настороженный гогот, испуганное кряканье.

И вот из-за камыша на чистую розовую воду выплыли одна за другой большие белые птицы. Их царственный ход ошеломил меня. Кряквы, юркие чирки отплывали от них, расступались в стороны и казались по сравнению с ними жалкой мелюзгой. Большие птицы с горделивой важностью плыли между ними, неся головы на тонких, красиво изогнутых шеях. Их белые одежды, кружевные приподнятые крылья казались прозрачными.

— Гао-гао-гао?—прокричала одна птица.

— Гао-гао-гао! — ответила другая.

Крики — как звон, рожденный весенним утром, светлым высоким небом и ясной водой.

«Гуси ли это? — подумалось мне.— Если и гуси, то какие-то особенные. Тем лучше! Была не была...»

Веник огня из ствола, грохот, облако ды-

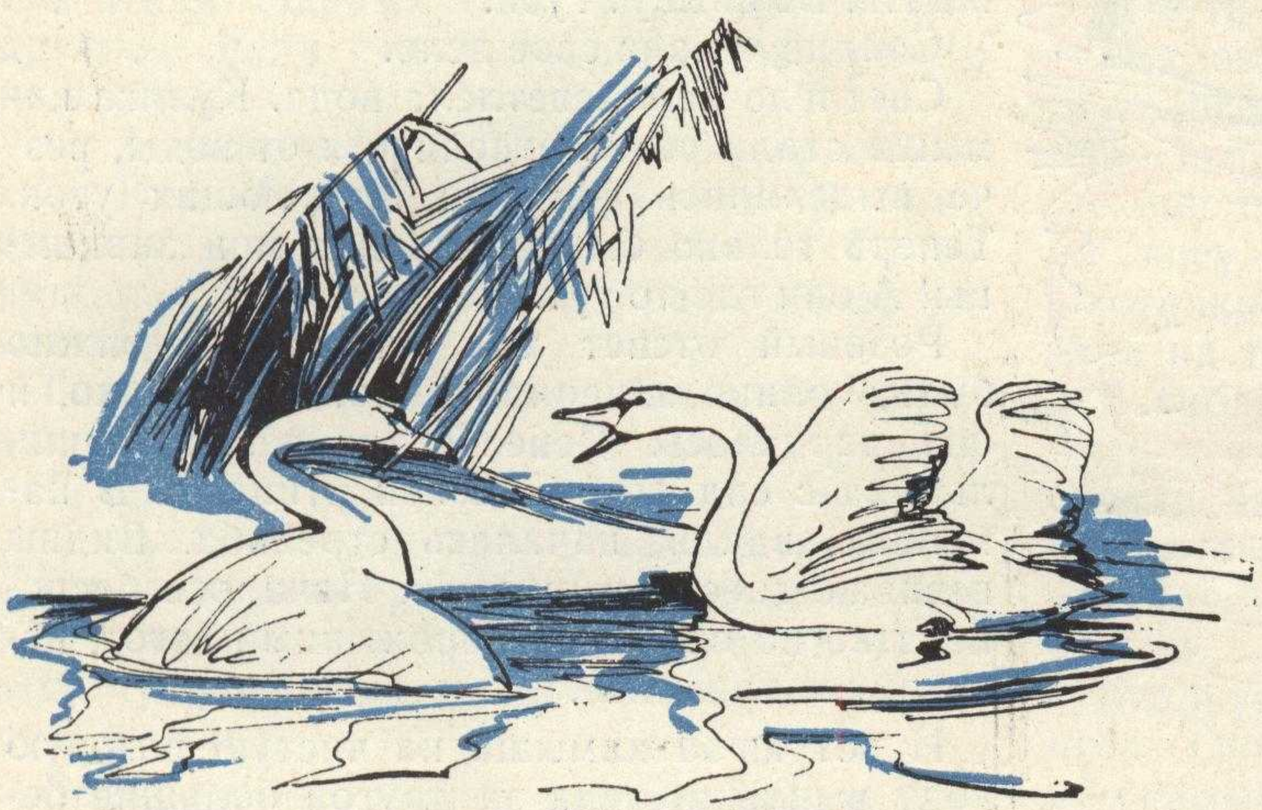
ма произвел я. Когда рассеялся дым, я увидел: птица, в которую целился, делала круги по воде, пыталась поднять крыло и голову. Но голова и крыло бессильно падали. Другой птицы не было — улетела.

В страшном возбуждении я подскочил к воде, надеясь, что птица подплывет к моему берегу и я схвачу ее. Но птица с какими-то стонущими вскриками начала пробиваться к камышу. Она влезла в него только головой и шеей, все туловище осталось на виду, на воде.

Радости моей не было конца. Такую подстрелил птицу! Пусть теперь позлятся все от зависти.

Я кинулся к Петровичу за лодкой. Пробежал косу, поднялся на берег, к деревьям. Навстречу мне бежал с Тузом на поводке сам Петрович, тоже страшно возбужденный, злой.

— Кого ты убил? — закричал, подбегая ближе.

— Гуся,— ответил я, озадаченный его гневом.

— Гуся! Чертово ты порося! Лебедя ты убил. Вот кого...

— Лебедя? Вот здорово! Лебедей разве нельзя бить?

— Можно! — прокричал он мне в лицо.— Все можно. Только это для живодеров и охальников. Когда лебеди плавали, неужто тебе невдомек было, что нельзя их бить? Какую красоту убил! Как у тебя руки налегли на такую птицу?

Пока Петрович меня распекал, в стороне, над лесом, послышалось протяжное, тревожное «кивви-и!».

Показался одинокий лебедь. Это возвращался другой, не подстреленный мною.

— Этот теперь не скоро улетит,— с сожалением проговорил Петрович.

Лебедь летел прямо туда, где остался его товарищ. Он снизился, дал круг над камышом и пошел вверх с зовущим криком «кивви-и!».

— Давай посидим да поглядим, какую ты беду наделал,— более миролюбиво сказал Петрович.

●

Мы присели на валявшийся обрубок дерева. Петрович свернул цигарку, закурил.

Утро разгоралось. Тонкое, высокое облачко золотой доской лежало на востоке, оттуда било сильным, ведренным светом. Поднималось и голубело небо, раздвигая свои просторы для закипавшей жизни на земле.

С других озер и ночных приволий двинулись птицы. Летели стаями, парами, в одиночку. Летели в страну, неудержимо их зовущую, где родились сами, где вырастят своих детей. Через какое-то время с той стороны, куда улетали все птицы, опять послышалось призывное «кивви-и!».

— Наш вернулся. Не отпускает кровь,— пробормотал про себя Петрович.

Лебедь снизился до самой воды. И снова с криком взвился вверх.

Всходило солнце. Ослепительно белый осколок его прорвался сквозь голые вершины деревьев. Озеро пустело. На льдине не было ни одной птицы. Зато лес исходил истошными криками. Каждый сучок, каждая веточка чирикали, пели, стрекотали, ворковали. С лесных полян доносилось страстное гурлюканье токовавших тетеревов. Чуть видная с земли пролетела с трубными, падающими с неба звуками первая партия журавлей.

— А наш опять назад летит,— сказал Петрович.

Лебедь опять появился. Так он улетал и возвращался несколько раз. Он садился на воду, плавал возле мертвого товарища и нежно-нежно кликал.

Нет, не откликался товарищ.

Сколько раз принимался будить его: пощиплет ему перья, замашет крыльями, побежит по воде, оглянется.

Нет, не ворохнется, молчит.

Лебедь три раза прокричал и скрылся.

— Оплакал своего друга. Должно быть, улетел навсегда,— со вздохом сказал Петрович.

Я уже по-серьезному жалел, что убил лебедя. Еще более жалко было осиротевшего его друга. Летит он теперь со своим горем, и путь ему, бедному, не в путь. Как ему слышать переклики других птиц! Что ему широкие дали, небесный простор, ласковое солнце!

Радости от удачи, гордости, что я меткий стрелок, как не бывало.

Мы уже собирались уходить.

— Что ж, подбирать будем дичину? — спросил Петрович.

Я помотал головой, что-де нет, не надо.

— Как хочешь. Дело хозяйское.

Вдруг снова: «Кивви-и!» Тоскливый-тоскливый крик.

— Что ты, господи!..— с болью промолвил Петрович и запричитал: — Что ты плачешь, сиротинушка? Что ты не успокоишься?

Лебедь покружился над убитым, еще раз слезно, с тоской позвал и стал подниматься. Но он не полетел прочь с озера, а стал делать большие круги, облетая камыши. Должно быть, не верилось ему, что убитый — его товарищ. Ищет его по камышам. Там, где были охотники, послышались выстрелы по нему.

— Подстрелят и этого. Ой, подстрелят!— заволновался Петрович.— Пойдем попугаем его. Может быть, улетит.

Мы выскочили из-под деревьев с криками, замахали вверх шапками. Туз залаял.

Лебедь стал подниматься. Он делал все уже и уже круги. Шел вверх винтом. Не кричал. Только наддавал и наддавал крыльями.

— Что он задумал? Что задумал? — остановился Петрович.

Острая рыжая бороденка, клочковатые брови, кончик носа — все у него устремилось ввысь. Синие со слезинками в углах глазки остро ловили каждое движение лебедя.

— Это самоубивец! — страшно прошептал старик.— Самоубивец!—закричал, с силой сжимая попавшееся ему под руку мое плечо.

Лебедь поднялся высоко и оказался как раз над тем камнем, под которым я сидел. Там, в высоте, он сложил крылья, втянул шею (а может быть, загнул ее за спину) и белым шаром ринулся вниз. Мы слышали удар, видели, как перья брызнули с верхушки камня в разные стороны, покатился по камню белый измятый ком.

Даже Туз отпрянул назад и жалостно взвизгнул.

— Так, значит, и рассудил: дружку убили, и мне не жить,— помолчав, заключил Петрович.

Шли мы к хибаре, как с похорон. Разговаривать не хотелось. Из головы не выходила гибель лебедей. А виноват я. Вспомнилось, как они плавали по светлой утренней воде, красивые, как два белых кружевных облачка, с могучими крыльями. Сачков, оба парня да, пожалуй, и брат Иван подобрали бы их и радовались. А мне было тяжело. Чувствовал, что и охота на уток не пойдет.

Перед самой дверью в сени Петрович сказал:

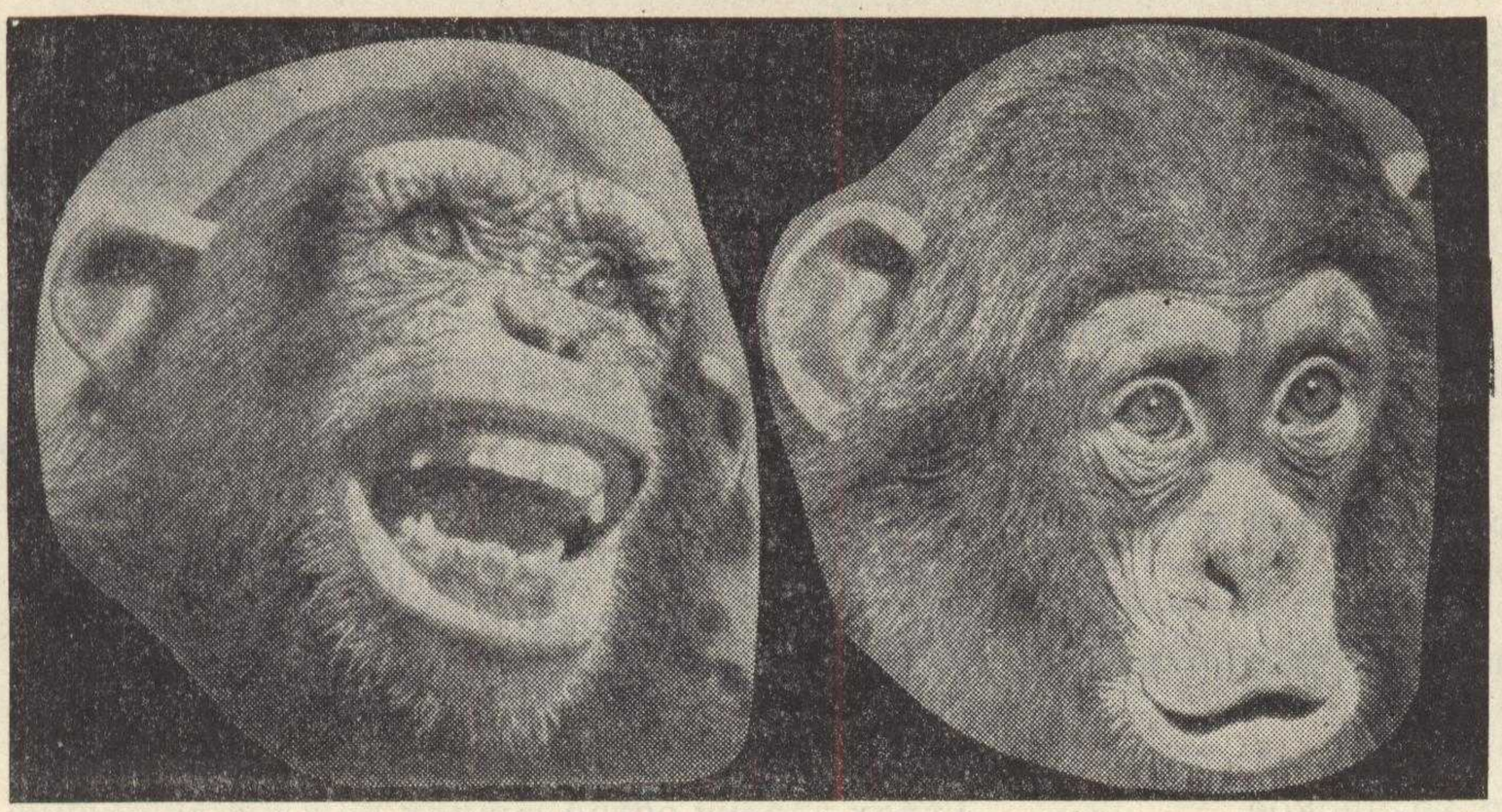
— Надо брать лопату, закапывать.

— Петрович, тебе приходилось убивать их, лебедей?— спросил я.

Он отвернулся, будто отыскивая в углу лопату, помолчал и резко ответил:

— Это тебя не касаемо.

Я понял: приходилось. И мне стало полегче.

Шимпанзе.

Сегодня на наших вклейках — удивительные существа. Это обезьяны и их родственники — полуобезьяны, которых иначе еще называют лемурами. И те и другие живут в тропических лесах Южной Америки, Африки, на островах Цейлон, Борнео, в Бирме, Лаосе, Камбодже, Индонезии. Многих из них можно увидеть в зоопарках разных стран...

В МИРЕ ОБЕЗЬЯН

● **Тонкий лори.** Это мохнатый зверек величиной с белку. Лори — полуобезьяна. Несмотря на свою необычную внешность, он наш родственник. Лори от нас дальше, чем обезьяны, но все же ближе, чем другие млекопитающие.

Обратите внимание на его лапки — у него не коготки, а ногти, как у всех обезьян. Это один из признаков, характерных для приматов: полуобезьян, обезьян и людей.

Лори живут на деревьях в лесах Индии и на острове Цейлон, ведут ночной образ жизни — недаром у них такие огромные глаза.

● **Долгопят филиппинский.** В шутку можно сказать, что это уже на «три четверти» обезьяна. Пушистый, яркой расцветки, с огромными глазами и длинным хвостом, этот долгопят очень похож на сказочное существо. Величиной зверек с крысу, а по повадкам издали он напоминает лягушку, особенно когда прыгает, охотясь за насекомыми. На пальцах у него тоже ноготки, а с внутренней стороны — мягкие подушечки с присосками, которые помогают ему крепче держаться за ветки. Днем долгопят спит, уцепившись за лиану или ветку. Хвост, обвитый вокруг ствола, служит тормозом и не позволяет соскользнуть вниз.

● **Львиная игрунка, или розалия.** Эта маленькая обезьянка живет в тропических лесах Южной Америки. Игрунки легко и быстро, как белки, лазят по деревьям, крепко цепляясь за кору маленькими, узенькими и острыми ноготками. Но на больших пальцах ногти у них широкие.

Игрунки — самые примитивные из обезьян, их очень трудно приручать. Из всех игрунковых обезьян розалии особенно шумные. У них очень красивый мех с металлическим блеском.

● **Белогорлый капуцин** — тоже американская обезьяна, одна из самых умных среди них, мало уступает даже шимпанзе. Капуцины умеют пить молоко из чашки, разбивают молотком орехи, да так ловко, что не попадают по пальцам. С интересом смотрят кино, а увидев на экране змею, в ужасе разбегаются.

Капуцины легко приручаются, и бродячие фокусники ловко используют сообразительность этих обезьян. Капуцин может обходить зрителей со шляпой в руке, кланяется тем, кто дает крупные деньги, а тем, кто ничего не дает, искусно выражает свое презрение.

● **Мартышку бразовскую** можно назвать королем низших обезьян. Недаром у нее как бы три разноцветные короны на голове! Живут эти мартышки в непроходимых джунглях Кении. Перебираясь по деревьям, они совершают смелые прыжки, но чувствуют себя уверенно и на земле: бегают быстро, как собаки. Эта крупная, ярко раскрашенная обезьяна очень опрятна, мех у нее всегда тщательно расчесан и вычищен.

● **Дымчатый тонкотел, или очкастая обезьяна.** Живет в Бирме, Сиаме, Лаосе и Камбодже. Это большие обезьяны длиною — от кончика морды до корня хвоста — до семидесяти трех сантиметров. Тело покрыто густой серой шерстью. На голове волосы образуют подобие короны. Обезьяны эти довольно злобные, живут стадами, питаются главным образом листьями.

Вместе с макаками и павианами относятся к низшим, узконосым, или мартышкообразным, обезьянам.

● **Носач обыкновенный** живет только на острове Борнео. Это очень спокойные большие обезьяны. Они прекрасные пловцы, способны переплывать заливы и проливы.

У самца носача его удивительный нос к старости иногда достигает таких размеров, что мешает ему есть, и приходится отводить нос рукой в сторону.

● **Серебристый гиббон** относится к человекообразным обезьянам. Он ходит и даже бегает на ногах, балансируя при этом широко раскинутыми руками. Эти дружелюбные, приветливые обезьяны очень сообразительны. В Индонезии очень любят гиббонов, приручают

их и относятся к ним как к членам семьи.

● **Орангутан** — огромная человекообразная обезьяна. Тело покрыто красновато-рыжей шерстью, у некоторых орангутанов она более бурая. Ноги сравнительно короткие и слабые, зато плечи и грудь широкие, голова огромная, руки длинные и сильные. Самцы весят до двухсот пятидесяти килограммов. Живут орангутаны на деревьях, на высоте двух-трех десятков метров. С помощью своих ловких рук могут перебираться по ветвям. Двигаются по деревьям так же быстро, как человек бежит по земле. По земле они почти никогда не ходят в вертикальном положении. Ни один хищник не нападает на этих крупных обезьян, наделенных могучей силой и страшными клыками.

Живут орангутаны в труднодоступных болотистых лесах на островах Борнео и Суматра, питаются растениями, особенно любят твердые плоды тропического дерева дурьяна.

● **Шимпанзе** тоньше и подвижнее орангутана, меньше его, весит сорок—пятьдесят килограммов. Тело покрыто довольно редкой шерстью. Шимпанзе значительную часть времени проводят на земле. Они более близкие родственники человеку, чем орангутаны. Посмотри на снимки — выражения лица шимпанзе очень разнообразны и во многом напоминают человека.

Ученым известно нечто вроде примитивного «языка», набора звуков, которым пользуются шимпанзе. Эти человекообразные обезьяны отличаются высокой сообразительностью, умеют находить выход из довольно сложных положений. Однажды шимпанзе самостоятельно принялся вынимать отверткой винты из двери и завинчивать их в сломанную табуретку. Когда этого оказалось недостаточно, шимпанзе стал забивать в табуретку гвозди, и в конце концов починил ее. После этого обезьяна бросила молоток и села на табуретку.

Много интересного знают ученые о современных человекообразных обезьянах — шимпанзе, горилле, орангутане и гиббоне. У этих обезьян находят те же болезни, что и у человека, даже аппендицит. И лечат их не столько ветеринары, сколько врачи.

Наиболее родственны человеку шимпанзе и горилла, с ними у нас были общие предки — ископаемые человекообразные обезьяны. Они жили очень давно, миллионы лет назад. С тех пор человеческая родословная и линия развития обезьян разошлись. Поэтому нельзя считать нашими предками современных горилл и шимпанзе, а тем более орангутана и гиббона.

Самыми близкими родственниками первых людей были ископаемые очень высокоразвитые двуногие обезьяны. О строении их тела ученые могут судить только по черепам, зубам и другим костным останкам этих обезьян, которые удается находить при раскопках.

По материалам книги Ивана Сандерсона и Георга Штейнбахера «Царство обезьян».

Перевела с английского Н. Новобытова.

Серебристый гиббон.

С. ФЕДОРОВ

ЧЕРЕПАХА ВЕСНОЙ

Проснулась утром наша черепаха,
Всю зиму под диваном пролежала.
Представьте,
Черепаха побежала!
И костяная толстая рубаха
От скорости невиданной дрожала...

За час она прошла из-под дивана
Туда, где на полу, перед окошком,
Тепло сияла солнечная ванна,
Но опоздала, бедная, немножко,
А солнышко за час переместилось...
Вздохнула неуклюжая бедняжка
И в путь обратный горестно
пустилась.

Я на окошко вынес черепашку
И накрошил еды в большую чашку.

Познакомьтесь с Динкой

Е. РУБЦОВА

Ты, наверно, читал про Васька Трубачева и его товарищей и, конечно, полюбил этих ребят, читая повесть В. Осеевой. У этой писательницы есть еще одна интересная книга — «Динка».

Динка — отчаянная девчонка, любому мальчишке впору. Взрослые все время ужасаются ее поступкам. И действительно, безрассудная Динка то и дело попадает в беду. Сначала кажется, что Динка не особенно хороший человек: она и врунишка — набедокурит и отопрется; она ни за что ни про что обидеть может, будешь читать — сам увидишь. И все равно, не успеешь ты и три главы дочитать, как простишь Динке все ее выходки, потому что Динка смелая. И она хороший товарищ.

Взрослые опасаются посвящать Динку в свои революционные дела, но в трудную и опасную минуту Динка выручает их своей находчивостью и смелостью.

Вместе с Динкой ты, холодея от страха, пройдешь по зыбкой доске над пропастью, чтобы попасть в Лелькино убежище, будешь в тревоге ждать, удастся ли побег Николая из тюрьмы. Хватит, больше ничего не скажу.

Желаю тебе скорой встречи с девчонкой Динкой, с горячей, вспыльчивой и доброй Динкой, с быстрой, как ветер, Динкой.

Когда прочитана последняя фраза

Вышла книга **Сергея Баруздина.** Называется книжка **«Какое оно, море?».** В ней две повести. Одна под тем же названием, другая — **«Первое апреля — один день весны».**

Не люблю я рассказывать, что в книжке. Ведь каждый сам может это узнать, прочитав ее. А мне хочется поговорить о другом.

Не случалось ли у вас, ребята, что, читая книжку, вам хотелось ее придумывать дальше? Вот уже последняя фраза. Конец. А вы видите, что вовсе не конец, что автор нарочно все так рассказал, чтобы вам самим решать судьбу героя, чтобы вы сами разобрались, как у него пойдет жизнь дальше. Вот и в повести про мальчика Гошу Сергей Баруздин взял один-единственный день из его жизни. Один день, много ли это? Можно ли за один день

узнать человека, заглянуть ему в душу, разгадать, какой он?

Оказывается, можно. Дочитав до конца, вы отлично понимаете Гошку. И вот ведь что интересно: автор нигде не объясняет вам «от себя», какой Гошка. Вы просто узнаете Гошкины мысли — об одном, о другом, о папе и маме, о новой «Волге», о воскреснике во дворе. Гошка задает родственникам безобидный вопрос и вдруг получает от мамы подзатыльник: «Не лезь не в свое дело». Из этого пустякового вопроса и из маминого «ответа» вам начинают без всяких объяснений вырисовываться Гошка и его родители, их характеры и отношения. И с каждой страницей все больше. Получается совсем как в жизни. Люди разговаривают, действуют, думают и не обязательно дают тебе во всем отчет. А ты другой раз, и не спрашивая, и без объяснений все поймешь и обо всем догадаешься.

С Гошкой ничего особенного не случилось за этот единственный день, который тебе стал известен. А ты в тревоге. Ты заглядываешь в следующие дни, о которых не рассказано, и видишь, что худо и трудно будет Гошке, ты видишь, что не все папы и мамы хорошие, и эти, Гошкины, жадные и к людям равнодушные, будут ломать его на свой лад.

А Гошка? Сломают ли его? Он ведь любит родителей. Он пока не видит ни их жадности, ни их себялюбия, ни их равнодушия ко всему, что не касается собственной выгоды.

Если увидит, будет ему плохо и больно. Если не увидит, будет еще хуже: тогда не будет Гошки — хорошего парня. Будет совсем другой Гошка. А этого не хочется.

Е. ВЛАДИМИРОВА

МЫ — КНИГОНОШИ

Один раз я подумала: вот я читаю книги. У меня есть время ходить в библиотеку и брать их. Но ведь у некоторых взрослых нет времени ходить в библиотеку, а почитать любят.

И я решила быть книгоношей. Рассказала об этом некоторым девочкам, и мы стали носить книги. Разделились, кто кому будет носить.

Я живу на самом краю деревни и взяла себе свой край. Всего четырнадцать дворов. Сходила, записала, кто хочет читать книги. Оказалось, девять читателей.

Начала я носить книги в 1964 году и по сей день ношу. Мне кажется, это очень интересно. Среди моих читателей есть трактористы, рабочие, электросварщики, доярки, учителя.

Валя Одальчук,
деревня Анастасьевка, Томская область.

Советую прочитать

Недавно я прочитала книгу «Молодые годы В. И. Ленина». Автор у этой книги не один. Ее написали люди, которые видели Ленина, а также его родственники.

В книге рассказаны случаи, которые происходили в жизни Ленина, когда он был мальчиком.

Мне очень хочется быть похожей на Ильича. Но, чтобы это осуществилось, надо многое исправить в характере.

Светлана Джумагазиева,
г. Алма-Ата.

Книгу «Путешествие Демокрита» написали два писателя: С. Я. Лурье и М. Н. Ботвинник. В ней рассказывается о жизни греческого философа Демокрита. Он поехал выручать своего друга Левкиппа.

Демокрит много путешествовал, он знакомился с искусством Востока. В Египте изучал обычаи египтян. В Вавилоне учился тайнам вавилонской математики, а у себя дома, в городе Абвер, вскрывал трупы животных, чтобы узнать их строение. Демокрит первым понял, что все тела состоят из атомов.

В книге переплетаются рассказы о путешествиях древних ученых и легенды тех времен. Когда читаешь книгу, узнаешь много интересного. Как и сейчас, две тысячи лет назад люди удивлялись строению мозга дельфина, величине и прочности египетских пирамид, красоте природы.

В этой книге раб и хозяин путешествуют, как равные.

По учебникам истории узнаешь, что раньше жили-были такие люди, как Демокрит и Гиппократ, а в этой книге перед нами встает живой человек, ученый Демокрит с его убеждениями и ошибками. Не верится, что все это происходило двадцать веков назад.

Вова Павлов,
село Писанец, Свердловская область.

В стране шаха

НЕ ТОРОПИСЬ ИГРАТЬ — ТОРОПИСЬ ДУМАТЬ

Есть такая поговорка у шахматистов: лучше десять раз один ход обдумать, чем один раз мат получить...

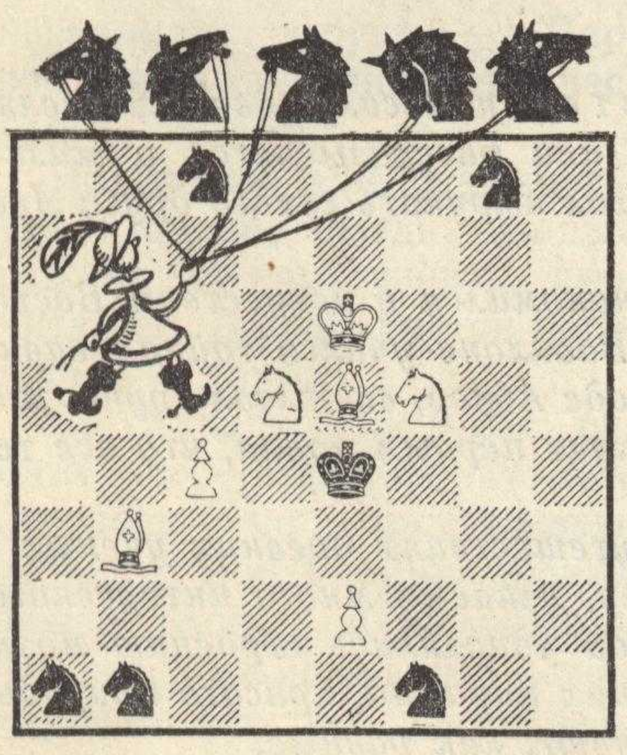
Но все же подчас бывает и так: не успеет шахматист и на позицию толком взглянуть, а уже все о ней «знает» и готов давать советы. Послушаешь такого верхогляда, и вспомнится случай, который произошел с бывшим чемпионом мира Алехиным.

В одном из сеансов одновременной игры, который Алехин проводил в Аргентине, какой-то его партнер радостно воскликнул:

— Гроссмейстер, вам мат в три хода!

— Не волнуйтесь, сеньор,— улыбнулся Алехин,— пока я вам объявляю мат в два хода...

Нечто подобное произошло и с Пешкиным, когда он пришел в тридцать девятую школу и показал вот эту шахматную позицию:

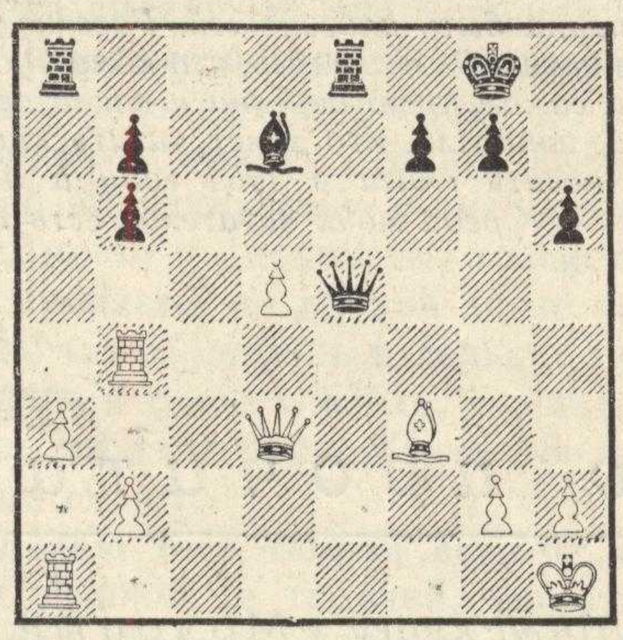
— Такого положения быть не может. Как это у черных столько коней появилось? — послышались голоса...

Пришлось Пешкину все объяснить. И еще раз он напомнил всем, что в шахматах нельзя торопиться с выводами.

А вас всех, друзья, Пешкин просит расставить такую позицию. Белые: Крe6, Cf8, Cfl, Kd5, Kf5 п. c4, e2. Черные: Крe4, Кc8, Kg8, п. a2, b2, f2.

Здесь на доске у черных только два коня. Найдите, почему через три хода их стало пять. А потом снова взгляните на диаграмму. В положении, которое на ней изображено, белые дают мат черному королю в два хода. Каким образом?

Тем, кто в шахматах все решает без раздумий, трудно находить интересные и красивые комбинации. Не торопитесь, анализируя следующую позицию.

К этому положению пришла партия В. Микенас — Д. Бронштейн, когда они играли в 1965 году на чемпионате СССР. Гроссмейстер Бронштейн, игравший черными, нашел такой комбинационный удар, после которого белые сразу признали себя побежденными. Какой ход сделал гроссмейстер?

НОВЫЕ ОРУЖЕНОСЦЫ

Много ребят прислали нам письма с решениями задач, которые были помещены в журналах № 11 и № 12 за прошлый год.

Задача из журнала № 11 решается так: 1. a3+ Крa5 2. b4+ Крa6 3. Ke6 Лc8 4. d4, и мат следующим ходом.

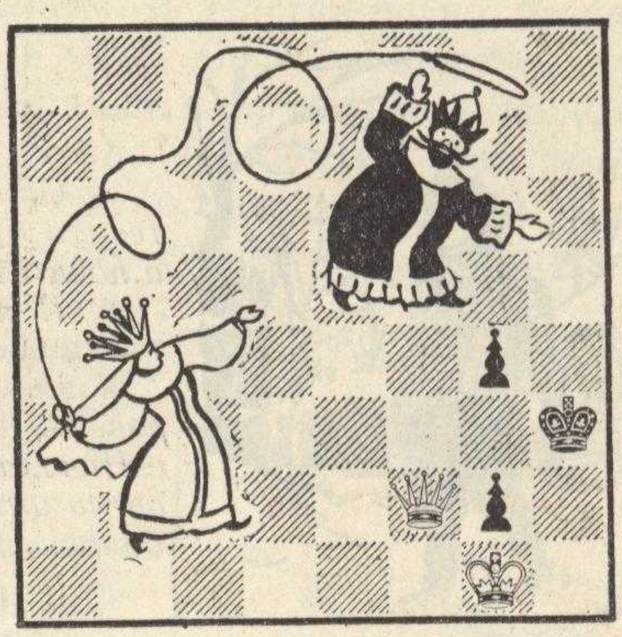
В задаче из журнала № 12 к цели ведет 1. Kh5+ Л : h5 2. Л : g6+ Кр : g6 3. Лe6 мат.

Новыми оруженосцами шаха стали **Миша Виноградов** (дер. Кузьминка, Калининской обл.), **Александр Макарченко** (Днепродзержинск), **Володя Короткевич** (Норильск), **Рома Гайдучак** (Львовская обл.), братья **Лева** и **Миша Айрапетян** (г. Мингечаур), **Коля Пивоваров** (Красноярский край), **Александр Сазонов** (г. Печора), **Саша Винтовкин** (Москва), **Булат Иргалин** (Баймакский район, Башкирская АССР), **Леня Панов** (совхоз имени Фрунзе, Киргизская ССР).

Всех этих ребят мы награждаем грамотами «Ферзя и ладьи».

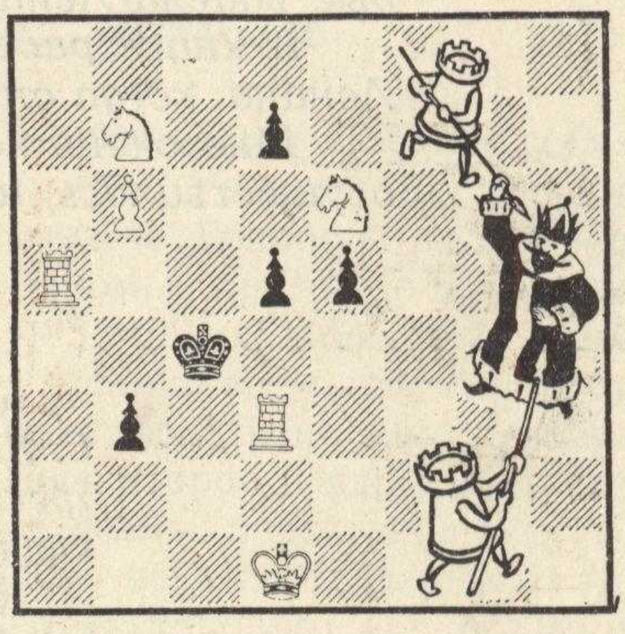
ЗАОЧНОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

А теперь проверьте свое умение. В нашем шахматном силомере две задачи, одна хитрее другой.

Пустынная шахматная доска. Мало на ней фигур и пешек. И все же комбинации возможны, и притом совершенно неожиданные.

Найдите, как белые, ловко маневрируя ферзем, могут дать мат в четыре хода черному королю.

А в этом положении главная ударная сила белых — ладьи. Попробуйте заматовать в три хода черного короля. Пешкин еще раз напоминает вам, друзья, что эта задача не простая, она была отмечена призом на конкурсе польского шахматного журнала.

Победителей заочного соревнования мы наградим грамотами «Ферзя и ладьи». Только просим вас в своих письмах рассказывать и о шахматных делах в вашей школе. Что у вас хорошего, с чем не ладится? Пешкин постарается вам помочь.

Танцы со всего света

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, КУЗИНА!

Этот танец, простой и веселый, придумали французские вайяны. Они охотно танцуют его сами и с удовольствием учат ему своих друзей — ребят других стран.

Все становятся в круг парами. Ребята в паре стоят лицом друг к другу.

Такты 1—8. Партнеры подают друг другу правую, потом левую руку (два раза). Грозят друг другу пальцем (сначала правой, потом левой рукой). Наклоняются в противоположные стороны (сначала раз вправо, потом два раза влево).

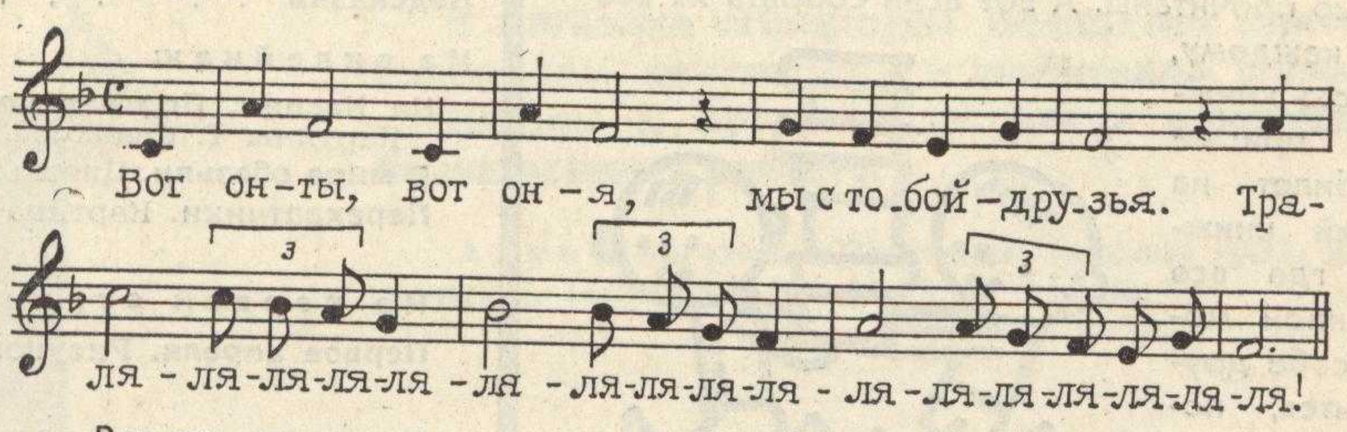
Такты 9—16. Теперь ребята в паре делают вид, что хотят расстаться. Каждый с достоинством указывает большим пальцем на себя, а потом пренебрежительно на своего партнера. Подает ему на прощанье левую руку, а правой обменивается рукопожатием с мальчиком или девочкой из другой пары. И все начинается сначала.

Танец продолжается до тех пор, пока пары, начавшие танец, не встретятся снова.

Я ИЩУ ТЕБЯ

Это танец чехословацких пионеров. Посмотрите, он совсем прост. Слова песенки, под которую он исполняется, нетрудно запомнить:

Вот он—ты,
Вот он—я,
Мы с тобой—друзья.
Траляляляля...

С каблука
На каблук,
Шире, шире круг!
Траляляляля...

Ребята становятся в круг.

Такты 1—4. Двое, войдя в круг, под песенку отыскивают себе партнеров.

Такты 5—8. Подойдя к кому-нибудь из стоящих в круге, кланяются направо и налево (два раза).

Партнер повторяет эти движения, а потом присоединяется к танцующим в круге.

Танец повторяется снова и снова, и цепочки танцующих все увеличиваются. К концу танцуют все.

П·О·Д·С·К·А·З·К·И

ПОСЫЛКА С СЕКРЕТОМ

Представьте себе: в вашу школу приходит посылка. А в ней несколько клубней картофеля, маленькая модель трактора и снимок памятника: мальчишка с лицом решительным и суровым приготовился метнуть гранату... А еще письмо — предложение дружить. Только вот удивительная вещь: в письме указан номер школы отправителей и улица, на которой школа расположена, а вот город — город-то и не назван.

Но мы с вами уже смекнули, в чем тут дело. Мы присмотримся повнимательнее к голубому трактору (это же «Беларусь»), вглядимся в лицо мальчишки (ну, конечно — Марат Казей) и уж наверняка догадаемся, что посылка пришла из Минска.

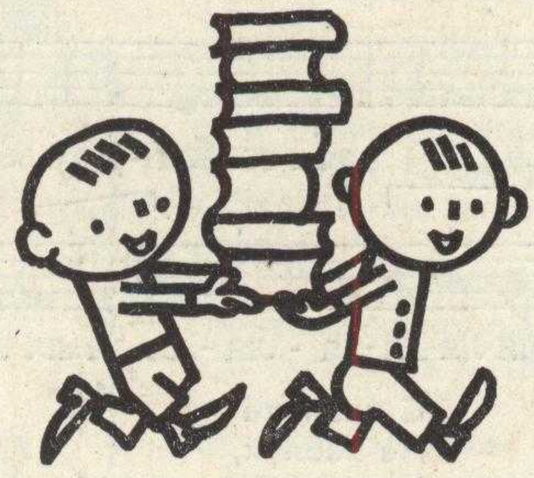
Может быть, и нам что-нибудь похожее придумать? Мы тоже можем рассказать о своем городе так, чтобы другие ребята догадались, откуда пришла к ним посылка-загадка. И мы попросим их послать свои сувениры к минчанам. И тоже с секретом.

Получится маленькая эстафета дружбы.

Может быть, мы ее и начнем?

КНИЖНЫЙ БАЗАР

У каждого, наверное, есть одна-две книжки, которые уже давно прочитаны. А вот если собрать их все вместе и каждому, кто отдал свою книжку, вручить пригласительный билет на наш весенний книжный базар, где все взамен отданной могут выбрать себе другую,— получится, пожалуй, здорово!

Содержание

«Для борьбы и для труда». О моральном кодексе семьи Ульяновых.— З. Воскресенская. Рисунки Н. Жукова 2

Всесоюзному ленинскому коммунистическому союзу молодежи 7

Космонавт №...— Фотоочерк А. Лехмуса . . 8

Хозяйство твоей страны 10

Каждый мечтает о собаке.— Повесть В. Железникова. Продолжение. Рисунки В. Перцева 12

Главные Правила твоей жизни 23

Кто не ошибается?.. — Вите Колотову отвечает доктор физико-математических наук, мастер спорта СССР Е. И. Тамм 24

На хвосте у кометы.— Рассказ Артура Кларка. Перевел с английского А. Бородаевский. Рисунки Е. Медведева 26

Цель вижу.— Анатолий Маркуша. Фото В. Куняева 33

Кругосветка 39

Пирог. Гость. Про осла.— Стихи Рашида Рашидова. Пересказал Н. Олев. Рисунки Э. Булатова 40

Король Матиуш Первый.— Януш Корчак. Перевела с польского Муза Павлова. Рисунки Ю. Владимирова и Ф. Терлецкого 42

Начинающим герольдам — А. А. Покорна . . 49

Пионерский глобус 50

Вне времени — под землей.— Мишель Сифр. Окончание. Перевел с французского Ф. Мендельсон 52

Агентство ННН 58

Черный ручей.— Стихи Ю. Коваля 59

Мирабелла и ткацкий станок. Влюбленная подводная лодка.— Сказки Марчелло Арджилли. Перевел с итальянского А. Слюсарев. Рисунки Н. Доброхотовой 60

Разговор о большом футболе.— И. Нетто . . 65

Такие же, как ты. Маленькая учительница. — Нина Аллахвердова 67

Кивви.— Рассказ С. Косова. Рисунки М. Алексеева и Н. Строгановой 68

В мире обезьян 74

Черепаха весной.— Стихи С. Федорова . . . 75

Что нам читать? 76

В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович 78

Танцы со всего света 79

Подсказки 80

На вклейках:

На Каспии. Портрет композитора Кара-Караева. Картины Т. Салахова.

В мире обезьян. Цветные фото.

Перехватчики. Картина Б. Окорокова.

На первой странице обложки:

Первое апреля. Рисунок В. Чижикова.

На четвертой странице обложки:

Рисует Женя Гороховский.

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Техн. редактор **В. Пархоменко.**

А 10244. Подписано к печати 2/IV 1966 г. Формат бум. 84×108¹/₁₆. Объем 5,25 физ. печ. л.

8,82 усл. п. л. Тираж 660 000 экз. Изд. № 743. Заказ № 738.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЮНЫМ ДРУЗЬЯМ ПРИРОДЫ

Всероссийское общество охраны природы открыло в Москве фирменный универсальный магазин «Природа».

В магазине продаются:

школьные и юннатские лопаты, грабли, мотыжки, культиваторы и другой садовый и огородный инвентарь облегченного типа;

портативные опрыскиватели, ранцевые и ручные, опыливатели, секаторы, сучкорезы, садовые ножовки, ножи прививочные и окулировочные и др.;

в большом выборе цветочные луковицы и семена.

ДЛЯ ШКОЛЬНЫХ И ДОМАШНИХ УГОЛКОВ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ в продаже есть белки, ежи, морские свинки, кролики, ужи, черепахи;

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ — соловьи, жаворонки, щеглы, чижи, славки-черноголовки, малиновки, зяблики, пеночки, юлы, канарейки;

ДЕКОРАТИВНЫЕ ПТИЦЫ — волнистые попугайчики, попугаи «кареллы» и другие виды попугаев.

Магазин «Природа» предлагает до семидесяти видов всевозможных аквариумных рыб.

Здесь же можно купить аквариумы, компрессоры, электрообогреватели, рефлекторы, кормушки и другие принадлежности для ухода за рыбками и птицами.

В продаже имеются диафильмы о природных богатствах нашей Родины и их охране.

В магазине «Природа» бесплатно даются консультации садоводам, цветоводам и любителям живой природы.

Школы и организации могут приобретать товары по безналичному расчету.

Адрес магазина «Природа»: Москва, Д-22, Ходынская ул., д. 41, корпус 3. Телефоны Д 3-85-13, Д 3-71-84.

Цена 25 коп.

Индекс 70694.

3-14-04

СЕЙЧАС ВЫРЕЖУТ ГЛАНДЫ. 12 лет.

КАПИТАН ДАЛЬНЕГО ПЛАВАНЬЯ. 13 лет.

НА УЛИЦЕ. 13 лет.

РИСУЕТ ЖЕНЯ ГОРОХОВСКИЙ

г. Новосибирск

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР. 14 лет.

БЕЛАЯ КОШКА. 14 лет.